

к 84(2Вс-Рис)6
3-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

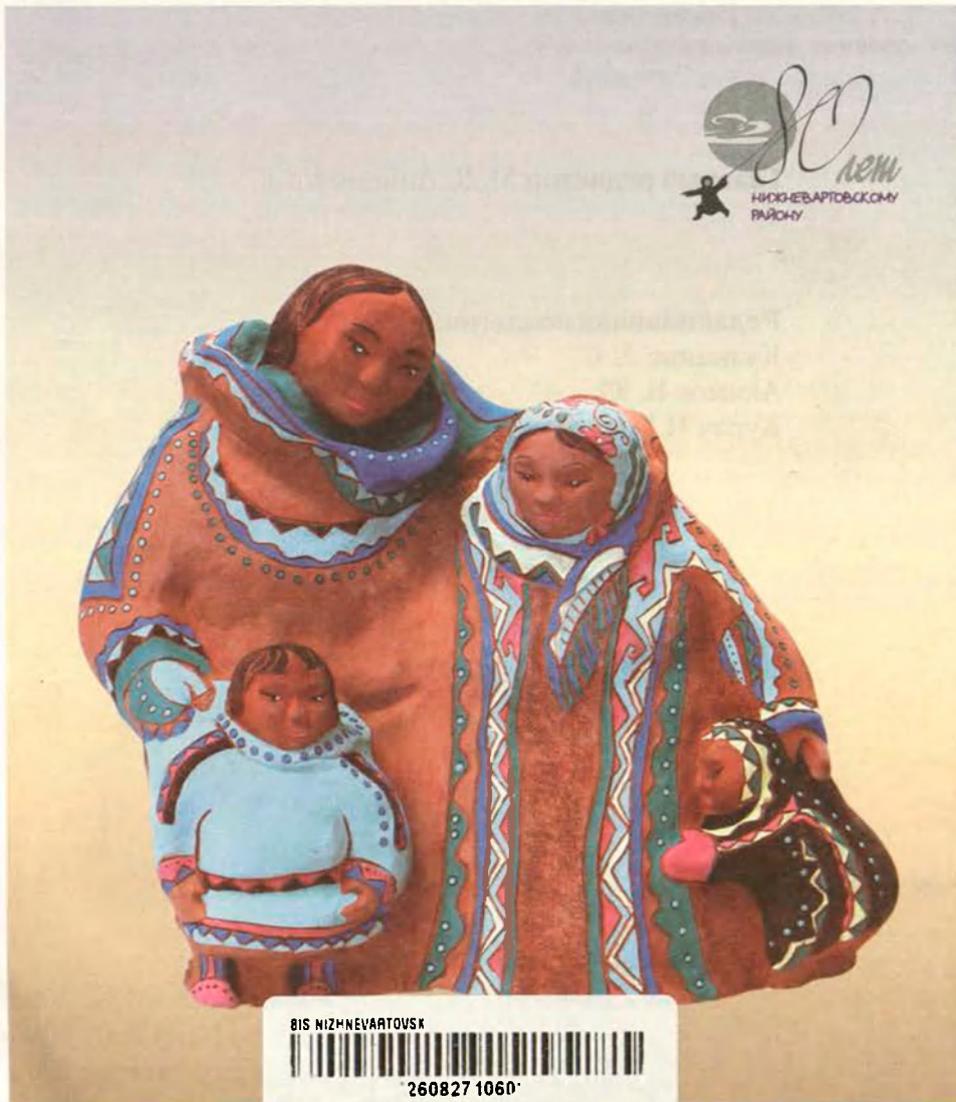
ЗОРИ ВЫПУСК 7 САМОТЮЛОРА

НИЖНЕВАРТОВСК

2008

к 84 (2Рос-Рус)6
3-86

ЗОРИ САМОТЛОРА №7 2008

BIS NIZHNEVARTOVSK

260827 1060

Нижневартовское
МУ "БИС"

инв. № 154222 / 4-4 КО ✓

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ББК 84 (2 Рос-Рус) 7

Главный редактор М. К. Анисимкова

Редакционная коллегия:

Кузьмина А. С.

Акимов В. Ю.

Курач Н.Г.

ISBN 978-5-903320-04-2

Анисимкова М.К., 2008

Кузьмина А.С., 2008

ЗАО «Редакция газеты «Нефтяник», 2008

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№7
2008 **ЗОРИ САМОТЛОР**

ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗАМЫСЕЛ»

СОДЕРЖАНИЕ

Анисимкова М.К. Слово главного редактора	7
Саломатин Б.А. Мы живем в эпоху, обращенную к человеку	8
Парфенова М.В. Социальные проблемы, потребности, жизненные ценности учащейся и работающей молодежи города Нижневартовска	12

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Маргарита АНИСИМКОВА

Колькины слезы... Рассказ	17
---------------------------------	----

Валерий АКИМОВ

Друзьям... Стихи	20
Юбилейное	20
Подругам	21
А сегодня нам на всякий случай	21
Осени вся непогодь к лицу	21
Объяснение в любви	22
Первопроходцам Самотлора	23

Владимир АЙВАСЕДА

Золотая хозяйка. Сказка	24
Два брата... Быль	27

Татьяна БУТНИК

Донник... Сказки, легенды	28
Венерин башмачок	29
Ряска на пруду	29
Лопух-репейник	32
Живое зеркало	33

Екатерина ВОЛОДИНА

Гореть свечой... Стихи	35
Осень	35
Календарное время	35
Я напою лошадей	36
Утренний, звонкий	36
Пройдет первый дождь	36

Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ

Однажды зимой... Рассказ	37
Камешек удачи... Воспоминание	40

Александра ДАРЬИНА	
Тихая заводь... Стихи	45
Весна	46
Только вид	46
Кланяемся ей	47
Осенняя охота	48
Капризная удача	48
На повышенных тонах	49
Алексей ЖИТКОВСКИЙ	
Осенний день... Стихи	50
Колыбельная	50
Василий ЗОЗУЛЯ	
За компанию... Рассказы	52
Встреча	53
Виктор КОЗЛОВ	
Выдержка... Стихи	54
Помощница	54
Клюква	54
Отчего береза белая	55
Начало зимы	55
Таежный капитан	55
Ольга КОРОСТЫЛЕВА	
Когда я дверь лишь открываю... Стих	56
Рождение. Эссе	57
Гренада КУЗНЕЦОВА	
Снег идет... Стихи	58
В марте	58
Душа	58
Весточка из детства	59
Первый одуванчик	59
Обида	59
Михайлова, отзовись! Рассказы	60
Синеглазка	63
Альбина КУЗЬМИНА	
Медведи... Рассказ	67
Когда снятся олени... Воспоминание	70
Светлана ЛИХАЯ	
Продолжение судьбы... Стихи	73
Христос Воскресе	74
Колокола	74
На тронх. Рассказы	74
Себя-то жалко	75
Похитители	76
Жар-птица... Сказки	78
Откуда берутся дети	80
Как появилась ящерица	82

Сергей ЛУЦКИЙ	
Осколок империи. Рассказ	84
Марьям МАМЕДОВА	
Красоту уводит время. Максимы	95
Светлана МАЙОРОВА	
Деревенька моя... Стихи	97
Есенину	98
Не попрошу у Бога много	98
Павел ПЛЮХИН	
Родительский дом... Стихи	99
Север	99
Апрель	100
Лунная ночь	100
Буровая	101
МИ-восьмой	101
Сидит старушка на крыльце	102
О себе	102
Светлана ПУЗЫРЕВА	
Дождь как речка-перевертыш... Стихи	103
Разбросало солнце лучики	103
На окошке моем	103
Сколько вершин предстоит	104
Я смеюсь над собой	104
Мне не важно какой	105
Игорь СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ)	
Ай, да сукин сын. Поэма	106
Елена СЛИПЧЕНКО	
На правом берегу Днепра... Стихи	113
Доступное жилье	113
Казантину	113
Когда меня не стало	114
Радуга над морем	114
Я с тобой	114
Давняя история... Рассказ	115
Надежда ТКАЧУК	
На юге снова зацвели ...Стихи	120
Мобильная любовь	120
То ли снег, то ли дождь	121
Послушай, не везде	121
АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ	
Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ	
Осенний мольберт. Стих	122

Николай КОЛЬЦОВ Молодежи Нижневартовска... Стих	122
Александр КОРОЛЕВ Нет мысли, силы тоже нет... Стих	123
Михаил НИКОЛАЕВ Утром сны свои. Стих	123
Александр ОСТАНИН Севера... Стих	124
Энеиса ПИЛЕЦКАЯ Торжественная ода	125
Лидия ТАСКАЕВА Колыбельная городу	126
НАШИ ГОСТИ Валерий ОСТРЫЙ Товарищеский суд. Повесть. Окончание. Начало см. в № 5-6	127
ПУБЛИЦИСТИКА Лариса ТЕЛЕГИНА Храм Иоанна Предтечи в моей судьбе	154
Анатолий КАУРТАЕВ Облас – больше чем спорт	160
Эльвира ТАРАН Сегодня северный Эльдorado покорился нашим экстремалам	164
Владимир ЛАЙТЕР Россияне дождались побед	169
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ Ирина РЯБИЙ Герои Сергея Луцкого: спор со временем	172
В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ Надежда КАРГАПОЛОВА Декоративно-прикладное искусство Югры	184
Работы мастеров ДПИ ДШИ №2	186
ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ События года	190

АНИСИМКОВА Маргарита Кузьминична,

член Союза писателей СССР,

заслуженный работник культуры РФ,

заслуженный деятель культуры ХМАО.

Почетный гражданин города Нижневартовска

ДОРОГИЕ ДРУЗЬЯ!

Нынешний год объявлен Годом семьи, в столице Югры Ханты-Мансийске состоялось посвященное этому торжественное мероприятие.

Как ни странно, сегодня во весь голос приходится говорить о значении и важности в нашей жизни главной ячейки общества, ее кровном родстве, члены которой связаны взаимной помощью, общностью быта, моральной и правовой ответственностью.

Испокон веку в многонациональном российском государстве свято хранились семейные устои и традиции, передаваемые из поколения в поколение, что формировались столетиями «на государственной идеологии», которой являлось православие.

«Добрый человек Древней Руси – это молитвенник, не слышно и не рекламно создающий добро в себе и раздающий его окружающим. Не пожар, а свеча. Огонек, тянущийся в небо и светящий окружающим». И русская литература воспитала человека, которому очень трудно быть подлецом.

Но в наше время крупно изменилось понятие о духовных ценностях. И нет ничего возмутительнее, когда в нынешней литературе, кино, яркий герой в той или иной интерпретации – проститутка и бандит, герои подаются в ореоле «романтики». Благодаря таким типажам, заполняющим жизненное пространство, общество разлагается духовно, теряется важность сохранения семейных устоев, а грех, порок становятся нормой, пропагандируется «одноразовая жизнь», – все это не способствует сохранению семьи.

Члены литературного объединения «Замысел» озабочены судьбой молодежи и наших детей, их духовным благополучием. В своих произведениях они выражают мысли и чаяния, помогающие воспитанию чувств любви к отечеству, сохранению традиций семейного очага, где человек всегда находил опору и поддержку. Пытаются поделиться с читателями альманаха сохранением духовной чистоты, базируясь на бесценных произведениях наших литературных корифеев.

Как сказал А. С. Пушкин: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя, по клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме той, какой нам Бог ее дал».

М.р. Анисимка

САЛОМАТИН

Борис Александрович,

глава администрации

Нижневартовского района

МЫ ЖИВЁМ В ЭПОХУ, ОБРАЩЕННУЮ К ЧЕЛОВЕКУ

Нижневартовский район отметил 80-летний юбилей. Своими достижениями, масштабностью, известностью в мире... Возьмите любой аспект жизнедеятельности района, и картина становится ясна – если уж мы находимся не в десятке лидеров, то уверенно занимаем стабильно позитивные позиции. В аутсайдерах по любому показателю не значимся. На территории в сто восемнадцать тысяч квадратных километров добывается почти каждая пятая тонна российской нефти. Возможно, из-за того, что эта цифра повторяется так часто, острота ее значимости становится менее ощутима. Однако если вдумчиво оценить весомость вклада в экономику России, трудно не согласиться, что лишь немногие муниципальные образования могут соперничать в этом с Нижневартовским районом.

На днях показатели добычи нефти в Югре достигли **девяти миллиардной тонны**. Каждая третья добывалась на территории района. Только за последние пять лет извлечено из природной кладовой района четыреста двадцать шесть миллионов тонн черного золота и четыре с половиной миллиарда кубометров газа.

У нас находится **третья по мощности** в Тюменской области электростанция – Нижневартовская ГРЭС. В прошлом году она достигла рекордно высокой отметки по выработке киловатт-часов электроэнергии – почти двенадцать миллиардов, и сегодня на ее долю приходится **шестая часть** всей тюменской энергосистемы. ГРЭС, расположенная в Излучинске, – это одна из точек роста Нижневартовского района: уже подписано соглашение между Тюменской нефтяной компанией и Первой генерирующей компанией оптового рынка о строительстве третьего энергоблока.

Впервые в Нижневартовском районе разработана комплексная программа развития на предстоящие десять лет. Это колоссальный труд, который проводился в течение двух лет, но он позволил учесть все природные богатства территории, трудовые ресурсы, стратегические приоритеты и особенности местности. Мы можем уверенно смотреть вперед. Ситуация будет по-прежнему оставаться более благоприятной, чем в среднем по России.

Мы можем гордиться и тем, что сложившиеся на сегодня тенденции создают хорошие предпосылки для динамичного роста района и улучшения качества жизни его жителей. **Показатели рождаемости** населения в два раза превышают смертность. На территории проживают около тридцати пяти тысяч человек, из них две тысячи триста – из числа ханты, манси и ненцев, присутствуют шорцы, эвенки, селькупы. Средний возраст жителя района – тридцать два года. Наш район – самый большой по занимаемой площади среди муниципальных образований Ханты-Мансийского автономного округа, в него входят восемь городских и сельских поселений, всего двадцать два населённых пункта. На территории находится географический центр бывшего СССР.

Сегодня Нижневартовский район переживает **строительный бум**. Только в прошлом году квадратных метров жилья сдано на тридцать три процента больше, чем в предыдущем. А уже в этом работ выполнено более чем в два раза. Хороших результатов удалось достичь и в развитии сельского хозяйства. Мы занимаем лидирующее положение в Югре по производству мяса.

Выстроен диалог с коренным населением. Проводимая политика позволяет решать все вопросы с учетом особенностей хозяйственной деятельности народов Севера. Много делается для сохранения национального языка, традиций, обычаев. Из районного бюджета оказывается дополнительная помощь местному населению.

Не забыты и люди пожилого возраста. Именно для них открыты отделения дневного пребывания, развиваются социальные услуги, принимаются целенаправленные меры по поддержке достойного жизненного уровня. По сравнению с прошлым годом доходы пенсионеров увеличились на тридцать процентов.

Созданы условия для реализации возможностей и способностей личности. Каждый пятый житель района увлекается спортом. Талантливая молодежь принимает участие в конкурсах районного, окружного, российского, международного классов. Организаторы мероприятий с восторгом отзываются о «детях, приехавших из северной глубинки» и покоровивших жюри своими талантами.

Наш район – неповторимый. С уникальной историей, с открытыми и талантливыми людьми, с хорошими перспективами и огромным потенциалом. Природа наделила наш край множеством живописных рек, речушек и двумя тысячами озер. Богат он природными кладовыми нефти и газа. В шестидесятых годах на территории района начались бурные экономические преобразования. Первые семьдесят четыре тысячи тонн черного золота были отгружены баржами в шестьдесят четвертом году. **Самотлорское месторождение** стало базой для развития Нижневартовска и Нижневартовского района. Здесь работают крупные нефтяные предприятия Тюменской нефтяной компании, Славнефти, Русснефти, Газпромнефти, Лукойла-Западной Сибири, Роснефти и Башнефти. Виктор Муравленко, Фарман Салманов, Александр

Эрвье, Роман Кузоваткин, Степан Повх, Иван Нестеров, Анатолий Шакшин – это они и тысячи других энтузиастов стали авторами открытия века, внесли неоценимый вклад в создание мощной топливно-энергетической базы страны. Добывая чёрное золото, свои имена в летопись района вписали первый начальник Мегионской нефтегазоразведочной экспедиции, почётный гражданин Нижневартовского района Владимир Абазаров, начальник цеха Вахской нефтегазоразведочной экспедиции Владимир Кошиль, буровой мастер, почётный гражданин Нижневартовского района Алексей Халин, мастера Аганской нефтеразведочной экспедиции Николай Мелик-Карамов, Анатолий Жилин и другие.

Я горжусь тем, что мои земляки любят свой суровый северный край, не относятся к земле как временщики, а с искренней любовью обустривают свой дом, свой Нижневартовский район. В этом и отражается отношение людей к своей малой Родине. И идет оно от души, от сердца.

Юбилей – это всегда определенная веха, этап в истории. Нижневартовский район, так же как и весь Ханты-Мансийский автономный округ, активно включился в реализацию приоритетных национальных проектов. За последнее время в стране в целом коренным образом изменился подход к человеку, к его проблемам. Стало ясно: чтобы дальше развивать экономику, необходимо прежде всего инвестировать в человека – в его здоровье, образование, улучшение жилищных условий. Социально-экономическую политику мы проводим в жизнь с учетом особенностей территории: обширности площади, преимущественно сельской, приоритетности малоэтажной застройки, уважительного отношения к истории и культуре края.

На мой взгляд, начало века войдет в историю страны, и в том числе Нижневартовского района, как эпоха, обращенная к личности, ее потребностям, духовным и семейным ценностям.

В районе в последнее время проходит много интересных традиционных и новых мероприятий. И они уже становятся традиционными. Например, фестиваль «Мое сердце – Нижневартовский район». Когда задумываешь что-то с душой, работаешь с полной отдачей, конечно, предполагаешь, что идея найдет отклик в сердцах людей. Фестиваль пришелся «ко двору». Много теплых отзывов о нем поступает от жителей района. Хотя основные события и разворачиваются в определенном поселении, принявшем эстафету фестиваля, тем не менее и другие поселки, села и деревни не обделены вниманием. Главное достоинство фестиваля, на мой взгляд, не только в том, что в населенных пунктах в течение нескольких дней проходят горжества, встречи со звездами, церемонии награждения, концерты и состязания, всевозможные конкурсы, демонстрация лучших достижений, салюты – все то, что создает праздник, – но и в особой атмосфере общения жителей района.

В этом году мы провели юбилейную эстафету «Моя малая Родина». Возможно, этим заложили ещё одну добрую традицию. Честно признаюсь, радует, что с каждым разом в празднествах принимает участие все большее число людей, для которых, по сути, мы все это и делаем.

Пригласили на праздник ветеранов, старожилы, почетных граждан района, всех тех, кто своим трудом создавал и создает основу для благополучия территории. Особенно отмечен вклад людей, которые пользуются заслуженным авторитетом у жителей района, кого здесь любят, кому доверяют. К восьмидесятилетнему юбилею шесть человек получили высшую награду Нижневартковского района – звание «Почетный гражданин Нижневартковского района», пятеро удостоены знака «За заслуги перед Нижневартковским районом». Юбилейными почетными грамотами и благодарственными письмами главы района, почетными грамотами Думы района награждены сельские труженики по представлению коллективов.

Каждый день наполнен делами, проблемами и заботами, радостями района. Постоянно бывая на местах, провожу практически все выходные с жителями, район для меня не только место работы, а как сказано выше: моё сердце – Нижневартковский район.

ПАРФЕНОВА Марианна Викторовна,

начальник управления по работе

с общественностью и молодежными проектами

администрации города

**СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, ПОТРЕБНОСТИ,
ЖИЗНЕННЫЕ ЦЕННОСТИ УЧАЩЕЙСЯ И РАБОТАЮЩЕЙ
МОЛОДЕЖИ ГОРОДА НИЖНЕВАРТОВСКА**

В мае 2008 года аналитическим отделом социальных процессов администрации города проведено социологическое исследование, призванное помочь определить рейтинг жизненных ценностей молодежи Нижневартовска, получить общее представление о состоянии патриотического воспитания в молодежной среде города, взглянуть на проблему с точки зрения социологии и попробовать отыскать методы решения проблемы патриотического воспитания с учетом местных условий формирования гражданственности молодежи.

Патриотические чувства и взгляды формируются под влиянием множества факторов и являются, с одной стороны, компонентом социальной идентичности человека, а с другой – результатом его социализации. Этим обусловлена сложность и противоречивость существования патриотических чувств, как в масштабе всего общества, так и на уровне отдельного индивида. В общепринятом смысле патриотизм понимается как общественный и нравственный принцип, характеризующий отношение граждан к своей стране.

Данные опроса показывают, что значительная часть учащейся молодежи Нижневартовска сомневается в широкой распространенности патриотических чувств в современном российском обществе.

Если сравнить полученные данные с результатами аналогичного исследования, проведенного аналитическим отделом социальных процессов в 2006 году, то можно сделать вывод о некотором росте субъективной оценки уровня патриотизма вартовчанам. На 5,2% выросло количество тех, кто считает, что большинство россиян можно назвать патриотами. Тем не менее, выбирая из предложенного списка ценностных понятий наиболее важные, только 2,8% участников опроса остановились на слове «патриотизм».

Не может не радовать тот факт, что молодые вартовчане на первое место в значительном большинстве (72,0%) поставили такое понятие, как «семья».

За последние два года среди нижневартовской молодежи выросло значение семьи, справедливости, достатка, стабильности, успеха,

мира. Снизилось значение таких ценностных понятий, как безопасность, национальность, религия, патриотизм. (Это свидетельствует о выравнивании отношений в молодежной среде города Нижневартовска, более толерантном восприятии людей разных национальностей и религий).

Резко критическое отношение к патриотизму свойственно респондентам от 26 до 30 лет.

В целом же считают себя патриотами 56,9% опрошенных, что на 6,9% больше, чем в 2006 году. За прошедшие два года для молодежи Нижневартовска выросло значение таких факторов, как победа в Великой Отечественной войне, победы российских спортсменов, культурное наследие, полет Ю. Гагарина в космос и история страны.

Согласно данным исследования, молодежь Нижневартовска признает необходимость в информации о тех гражданах России, жизнь которых может служить примером для подражания, определения собственных планов нравственности и патриотизма.

Несмотря на разнообразную и сложную мотивацию комплекса патриотических чувств, патриотизм остается социально одобряемой ценностью. Это означает, что данное понятие вряд ли появится среди «отторгаемых», как это было в недавнем прошлом со словами «реформы» или «демократия», например. Кроме того, это понятие остается важным инструментом для оценки других людей.

Активная гражданская позиция, определяемая нижевартовскими молодыми людьми, как очень важная составляющая патриотизма, определялась в ходе социологического исследования, в том числе через отношение респондентов к определенным жизненным ценностям, т.е. определение ценностных ориентаций. Большинство опрошенных молодых людей считает самыми важными такие ценности, как счастливая семейная жизнь, любовь к близким, свобода, самостоятельность, уверенность в себе.

Наименее значимы для респондентов такие понятия, как: счастье других, возможность творческой деятельности, развлечения, отсутствие обязанностей. Тем самым подтверждается гипотеза, согласно которой процесс становления демократического общества основывается на росте ценности личности и примате ее над нравами любой социальной группы или класса.

По сравнению с 2006 годом можно отметить, что молодежь города Нижневартовска стала менее отрицательно относиться к стране, в которой родилась.

Кроме того, анализ данных анкетирования показал, что чаще всего те лица, которые «жалеют, что родились в своей стране», называют гораздо меньше поводов гордиться своей страной, чем остальные опрошенные.

Отрицательное влияние на формирование нравственно-патриотических качеств молодежи оказывает, прежде всего, отсутствие ясной

патриотической идеи в обществе, что подтверждают и данные опроса.

Субъективная оценка уровня гражданского самосознания и готовность участвовать в общественной и политической жизни молодежи города Нижневартовска достаточно высока.

Идея патриотического воспитания молодежи сегодня достаточно востребована в обществе в целом и у молодежи в частности. Показательно, что такой точки зрения придерживаются респонденты всех социально-демографических групп: нет существенных различий по идейно-политическим предпочтениям, месту учебы, полу, возрасту, отношению к той или иной религиозной конфессии.

Социальное самочувствие молодежи Нижневартовска и их социально-экономическое положение замерялись на основе таких индикаторов, как удовлетворенность респондентами жизнью, которую они ведут в настоящее время, и оценка материального положения их семей.

В целом большинство опрошенных молодых людей, как и остальные горожане, дают своей нынешней жизни неплохие оценки. Доля неплохих оценок более чем в три раза выше отрицательных (суммарно 76,8% и 21,2% соответственно).

На вопрос, «Как Вы думаете, стала ли жизнь в нашем городе лучше за последний год?» 50,4% респондентов согласились, что за последний год жизнь в городе стала лучше, 30,8% – считают, что «ничего не меняется», 4,4% опрошенных считают, что жизнь в городе Нижневартовске за последний год стала хуже. Остальные 14,4% респондентов затруднились ответить.

В целом уровень оптимизма молодежи города Нижневартовска очень высок и составляет 67,2%, что почти на порядок выше уровня пессимистически настроенных молодых людей, которые считают, что жизнь в городе в будущем может стать только хуже (0,8%).

По сравнению с оценками удовлетворенности жизнью, оценки респондентами своего материального положения гораздо более сдержанные. Если суммарная доля молодых жителей Нижневартовска, удовлетворенных своей жизнью, составляет более половины (76,8%), то довольных своим материальным положением более чем в два раза меньше (всего 34,8% оценивают свое *материальное положение* как «очень хорошее» и «хорошее»). В основном молодые люди оценивают свое материальное положение как среднее (57,2%).

Молодые люди оценивают материальное положение своей семьи практически так же, как и остальные жители Нижневартовска.

В современных условиях молодые люди часто не спешат официально оформлять брачные отношения. На вопрос: «Как Вы думаете, стоит ли регистрировать брак?» только 56,0% опрошенных ответили: «да, чтобы чувствовать себя увереннее».

Сторонниками официальной регистрации брака чаще всего являются девушки и женщины – 62,8% из них считают, что брак необходимо регистрировать. Согласных с этим мнением мужчин намного меньше – 38,6%.

Нижневартовские респонденты выделяют три основные проблемы, возникающие в первые годы совместной жизни. Это, во-первых, отсутствие жилья – 77,2%. Во-вторых, актуальна проблема нехватки денег – 59,6%. Третьей основной проблемой молодой семьи респонденты назвали отсутствие взаимопонимания между родственниками и супругами – 26,8%, между супругами – 26,0%.

Молодежь города Нижневартовска предпочитает выбирать для себя активные виды отдыха, которые организуют себе сами (40,8%).

Активный отдых в организованной группе (занятия спортом, лыжами, катание на коньках, вылазки на природу) выбирают для себя 30,4% опрошенных.

Любители танцев, ночных клубов и дискотек составляют 28,8% опрошенных.

Домашний отдых (просмотр телевизора, чтение книг, занятие компьютером) предпочитают 15,8% опрошенных.

Лидирующие позиции при выборе будущей профессии для более чем половины молодых респондентов занимают такие факторы, как интерес к специальности (60,0%), возможность высокого заработка и карьерного роста (52,4%), востребованность специальности на рынке труда, реальность будущего трудоустройства (52,4%). 42,8% опрошенных молодых людей отметили, что решающим фактором при выборе профессии является ее престиж.

Результаты опроса учащихся образовательных учреждений города Нижневартовска показывают, что идея патриотического воспитания молодежи сегодня достаточно востребована в обществе в целом и у молодежи в частности.

Молодежь города Нижневартовска в своих ценностных ориентациях основывается на таких понятиях, как семья, свобода, справедливость, достаток. Ценность семьи за последние два года для молодежи Нижневартовска выросла. Оптимальный возраст для вступления в брак и рождения детей, по мнению молодых вартовчан – после 20-25 лет.

Подавляющее большинство опрошенных респондентов (77,2%) назвали самой актуальной проблемой в жизни молодой семьи отсутствие жилья. Молодежь Нижневартовска переживает те же жизненные проблемы, что и все общество в целом. Такие проблемы, как доходы, занятость, образование остаются проблемами любого, в том числе высокоразвитого общества.

Поэтому молодежная политика не может ограничиваться решением текущих проблем. Ее стратегия должна заключаться в поисках эффективных путей достижения общенациональных целей, например в

сфере образования, занятости молодежи. Констатируя большие адаптационные способности молодежи, следует признать, что ее значительная часть остро нуждается в государственной поддержке. Существующие программы помощи государства значимы для молодежи, но в то же время явно недостаточны.

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Маргарита АНИСИМКОВА

**С юбилеем!*

КОЛЬКИНЫ СЛЕЗЫ

рассказ

С насеста спрыгнул петух, хрипло прокукарекал два раза, постучал крепким клювом по пустому корыту. Из черной тарелки радиопродуктора послышался треск – значит, Витька Субботин уже прибежал на радиоузел.

– Пора вставать! – подумала я, натягивая на себя лоскутное одеяло и плотнее прижимаясь к тепленькой спине младшего братишки. Все мы спали вповалку на большой перине из перьев боровых птиц.

– Надо послушать радио и узнать, где наши войска понужают фашистов. Мне нравилось слово «понужают», которое после победы войск под Сталинградом бабы произносили с какой-то особой интонацией и гордостью в голосе.

В окно, будто озорной сосед Толька Мальков, пурга бросала охапки снега.

Мимо нас на цыпочках прошла на кухню мама, зажгла висевшую на стене семилнейную лампу, стала шипать лучину, чтобы растопить печь. Скоро яркие огоньки пламени заплясали в печи, бросая на стены веселые блики. Я выползла из-под одеяла, шмыгнула на печь за теплыми пимами.

Со звоном ударилась душка о край подойника. Лохматый кот Буска, как по команде, спрыгнул с печурки, усевшись возле порога. Он ждал возвращения мамы из конюшни и первым получал порцию парного молока.

Я слышала, как мама голиком сметала с крыльца снег.

– Че, будто не слышишь? – пробурчала я, услышав, как на постели заворочался Колька.

На улице светало. В морозной дымке на небе появилась светлая полоса. Стали видны заснеженные крыши соседних домов. Я знала, что до школы мне надо слазить на сеновал, набросать в ясли корове и ягнятам сена, после сходить на реку и принести с проруби два дужка воды, но первым делом полезла в подпол за картошкой. По пути я все-таки потянула Кольку за ногу, спросила: «Оглох, че ли? Пурга-то снегу до окон намела». Колька вообще любил поспать, и в ответ толкнув одеяло, что-то пробормотал.

– Ну вот, – услышала я мамин голос. – Только тебе, Буска, и принесла молока. Нет молока у Мотьки. Давно запускать надо. Мотькой звали нашу пеструю с большими рогами корову – кормилицу, которой до отела, как говорила мама, надо дать отдохнуть.

Я набросила коромысло на плечи, чтобы бежать к проруби за водой.

– Че бадьи-то берешь? Бери ведра помельше. От этих-то переломишься ишо. Вчерась встретила учительницу Александру Степановну, так она мне выговорила: мол, Рите-то давайте лишний стакан молока, а то ее когда-нибудь ветром сдует.

– Одно-то ведро худое, – ответила я. – Пока до дома дойду, половина воды выльется.

– Да вчерась запаял дырку-то дедушка Семнозерный. Цельную чашку картошки пришлось отдать за работу.

– Надо за хлебом очередь занимать, – услышала я, закрывая двери. – Генка-то Галдобин давно убежал. калиткой хлопнул.

Эту обязанность в семье выполнял старший из братьев Колька, и делал это с охотой, хвастаясь, что когда несет хлеб и прикладывает его к носу, бывает сытым от одного запаха...

Хлебные карточки выдавались на месяц, и чтобы не растерять их, мама сшивала одну к другой суровыми нитками и прятала под клеенку на кухонном столе.

Выйдя на берег реки, я обрадовалась, увидев расчищенную к проруби тропинку, которую уже успел проторить почтовый конюх – хромоногий Кирюха Шенн, и воткнуть вокруг нее пихтовые деревья, поваленные ветром, которые еще с осени привез из лесу кто-то из владовских парней, чтобы в любую непогоду прорубь легко было найти на заснеженном русле реки.

Вода в проруби казалась черной, а крутая волна, которая лениво поворачивалась в ней, вызывала у меня страх. Казалось, что кто-то со дна может выскочить и утащить меня под лед.

Поднимаясь на берег с полными ведрами воды, я не поверила собственным глазам, увидев Кольку, тащившего за собой свою «кобылку» – самодельные санки, сделанные из обыкновенной доски с прибитым к ней облучком и рейками по бокам. похожие на сани-розвальни.

– Ты че, с раннего утра кататься надумал? – спросила я, закрывая варежкой рот и щеки от мороза.

– Пока очередь дойдет, я раза два скачусь с берега, – весело ответил Колька.

– Взгляни, лед-то на «кобылке» какой гладенький!

Я вспомнила, что Колька весь вечер торчал возле конюшни, караулил коровью лепешку, чтобы намазать ею отбитые места льда и полить водой, хвастался, что его «кобылка» понесется с Преображенской горы до самой Набережной, обгоняя всех.

Над землей лениво поднималось солнце, кружа в воздухе снежную пыль. Хрипло и надрывисто, нарушая утреннюю тишину, набирал силу гудок, возвещая жителям о низкой температуре воздуха, а значит, и отмену школьных занятий.

Я от радости завизжала, хотя жаль было пропускать день, ведь там мы получали по ржаной булочке.

– Тише ты! – шепнула мама, показывая на спящих братьев, – пусть спят, а то сразу есть попросят. Скоро Колька хлеб принесет.

Долго ждать не пришлось. В сених послышался шорох, тягуче за скрипели двери на ржавых петлях. Колька в полном бессилии не перешагнул, а переполз через порог.

– Не дури. Сэтолько холоду напустил. Закрывай двери скорее.

Но Колька не мог подняться с полу.

– Ты че? Захворал, че ли? – встревожилась мама. – Хлеб-то где?

– Я карточки потерял. Из варежки ветер выхватил и утащил, – не в силах подняться с полу, во все горло заревел Колька. Малыши, как испуганные ягнята, вскочили с полатей, и не понимая, что к чему, глядя на Кольку, тоже заревели.

Мама в бессилии схватилась за край стола и, упираясь рукой о стену, сползла на табуретку. – За што господнее наказание? – прошептала чуть слышно. – Как жить -то будем?

Я тоже запищала, как мышь, стремглав выбежала на улицу и, буровя снег, побежала к соседям.

– Колька карточки потерял! Колька карточки потерял! – была главная новость в каждой избе.

На реке было полным-полно народу. Кто с метлой, кто с лопатой, кто с голиком разметывали снег. Бабушка Мартыниха с решетом в руках просеивала снег вдоль следов Колькиной «кобылки». Ребята бегали по реке за каждой бумажкой, стружкой, щепкой, подхваченных ветром.

Мороз крепчал, нестихающая пурга плясала по руслу реки, хлестала охапками снега в лица ребят, который тут же таял на щеках и становился похож на Колькины слезы.

– Ниче, Колька, не реви! Проживем. Будем всем классом на пекарне колоть дрова, – успокаивали Кольку друзья. – Тамо дровокол захворал. Дрова колоть некому.

И действительно, вскоре каждый день пополудни мы постоянно слышали, как со стороны пекарни доносятся неумелые удары топоров, похожие на перестуки весенних дятлов.

Валерий АКИМОВ

Даже сильных и стойких сутулят невзгоды,
И не спрятать виски от всеильной пурги.
Незаметно идут, словно выдохи, годы,
Умирают друзья, остаются враги.

И когда жизнь моя вдруг дойдёт до предела,
И уйду насовсем от мирского суда,
Знаю точно, тогда заявлюсь к ним я смело,
Чтобы нам не расстаться уже никогда!

ЮБИЛЕЙНОЕ

Принаряжены ели
В этот день декабря.
Не метут снег метели.
Лёгкой дымкой паря,

Облака закрывают
Солнца стылую медь.
Ветер страстно взывает,
Словно хочет запеть.

Волчий холод разбужен,
Быть ему до поры,
Но не чувствуешь стужи
В день рожденья Югры.

Пусть дыханье мороза
С каждым выдохом злей,
Разве может нам проза
Омрачить юбилей!

ПОДРУГАМ

Не пишу я мемуары,
Потеряв покой и сон,
А пока не очень старый,
То с весною в унисон.

Разве можно не влюбиться?
И живой меня поймёт!
Как хрустальные копытца,
Капли с крыши точат лёд.

Голосок капли звонкий,
Кто захочет, слышит в нём
Поздравление девчонкам
С наступившим женским днём!

А сегодня нам на всякий случай
Лучик лишь оставив про запас,
Низкие, как бархатные, тучи
Солнце занавесили от нас.

Осень с порыжевшей головою
С августом вновь борется не зло,
Ветер забавляется листвою,
Выстудив последнее тепло.

Для ночей из дней всё больше вычет,
Наполняет лужи дождь легко...
Воробьи же весело чивычат,
Что ещё до стужи далеко!

Осени вся непогодь к лицу.
Из-за туч и в полдень мало света.
Будто новобранцы на плацу,
Деревца без трепета расцветают.

Жизнь опять охвачена тоской,
Тяготит любое увяданье
И вселяет в душу непокой,
Вызывая грусть и состраданье.

ОБЪЯСНЕНИЕ В ЛЮБВИ

Свой юбилей готов отметить он.
Восторг прорвёт из прошлого запруду.
И здравицам звучать со всех сторон,
И получать приветы отовсюду.

И я шлю благодарственный поклон,
Перелистнута старая страница.
Обширен Нижневартовский район –
Не каждая держава с ним сравнится.

За это время многое он смог!
В годах, а за делами не стареет:
Всё в паутине ЛЭП, сетях дорог,
Огнями поселений души греет.

Их яркостью захватывает дух.
Не кем-то сотворённое, а нами!
Как музыкою, умиляет слух
Тайга индустриальными шумами.

И подсиняет небо Самотлор.
Прославлен им район на всю планету,
Открыв его богатства. И с тех пор
Бесменно служит и теплу, и свету.

Отсыпана давно в болотах топь,
Дремучести тут сохранилось мало.
И лишь несёт, как прежде, воды Обь,
И в людях не уменьшилось запала.

И, как в другие веси ни зови,
Сюда стремясь не набивать мамону,
Признавшись только раз ему в любви,
Останемся мы верными району!

ПЕРВОПРОХОДЦАМ САМОТЛОРА

Пробьёт и нам заветный час,
Чтоб на отъезд купить билеты
И навсегда оставить вас,
Тех, кто тут стал землёю этой.

С кем покорили Самотлор
И море нефти здесь добыли,
И кто в друзьях с тех самых пор
Уже не есть, а только были.

Кто сохранит для вас покой,
Кто нестареющий и сильный
Своею верною рукой
Перекрестит ваш крест могильный?

Нет, среди нас такого нет –
И слаб, и смертен человеке,
Приходим мы на белый свет,
Увы, по каждый здесь не вечен.

На это нечего пенять –
Никто Всесильному не ровня,
А сон усопших охранять
Тут будет скромная часовня.

И ей столетия стоять,
Крестом возвысив человечность,
И Православье прославлять
Всю предначертанную вечность!

Владимир АЙВАСЕДА

ЗОЛОТАЯ ХОЗЯЙКА

сказка

В давние времена жил на устье реки один Старик. Была ли у него жена, никто не видел, была ли у него семья, никто не знал. Шла такая молва в народе: если кто у него остановится погостить, то обязательно увидит чудо.

Пригласит он за стол отведать чего вкусного – неведомая сила устает самую лакомую еду. Никто не приносит тарелки – явства сами собой появляются.

Старик говорит: – Не пугайтесь, гости дорогие! Это моя жена готовит.

С тех пор много появлялось гостей и друзей у Старика. Многие хотели бы узнать о чуде. А он всем говорит:

– Хозяйка у меня святая, невидима она для других. Однажды в трудную минуту послал мне Торум добрую жену. Она красивая, умная, работающая. Только я могу видеть ее золотые руки, и никто другой.

Много появилось завистников у Старика. А он все равно всех приветствует.

Однажды было. Недалеко от него, ниже течения реки жила дружная семья. У них два сына. Не поверили они рассказам людей о доброй хозяйке и собрались разузнать правду. Сели в лодки -обласа и вскоре объявились у Старика.

Спрашивает их:

– Что привело вас ко мне?

– Хотим узнать, как поживаете?

Пригласил Старик в свою избушку:

– Проходите гости, угощу вас чаем.

Расселись братья за столом. Хозяин сказал:

– Жена моя! Накорми молодых людей, устали они с дороги, напои их чаем горячим с отваром смородиновым да постель мягкую постели.

Не успел старик произнести, как стали появляться на столе разные вкусности. Тут тебе и оленина, и строганина, и пирог запеченный, и жаренка рыбная и нодавуха отменная... всего не перечить.

От одного только обилия пищи насытились братья, язык чуть было не проглотили, и спасибо толком вымолвить не могли.

А Старик улыбается, говорит: – Не пугайтесь, отведайте угощения. Моя жена мастерица. настоящая Золотая хозяйка.

Успокоились добрые молодцы. Потрапезничали. Во что не верили, – убедились. Что не едали – попробовали.

А любопытство все равно берет, расскажет ли Старик о чудесах своей хозяйки.

– Урожайный год выдался, – начали разговор братья, – богатый нынче промысел. Много рыбы наловили. Белок добыли. Дичи: глухарей, касачей. В урманах рябчиков сколько! Ягод заготовили на зиму! Только еды такой, что хозяйка потчевала, не выдывали!

Все хвалили себя, хвалили, не заметили, как вечер наступил.

Остались молодые ночевать.

Уже засыпать стали, как один из братьев шепчет: – Не спишь ли?

– Не сплю.

– Не увидели мы жену Старика. Не показалась гостям. Ни слова не услышали и от него.

И придумали: утром пролить на скатерть горячий чай.

На том и порешили.

Стихло кругом. Только слышался храп Старика. Видно, крепко уснул, намаялся за день.

Проснулись братья, когда солнце уже стояло высоко в небе. День теплый и ясный. Хозяин уже на ногах давно, что-то по хозяйству мастерит.

Подошли к нему молодые, а он рассмеялся: – Долго спите. Неужто вас родители не приучили к работе? У пас летний день зиму кормит.

Насупились братья, промолчали.

– А я вот нарту готовлю. Старая-то не выдержит, за зиму развалится.

Снова не поддержали разговор братья: о своем думают.

– Ладно, пойдемте к столу.

Старик, направляясь к дому, крикнул: – Жена, накрой нам стол.

Позавтракали. Пришло время чай пить. Старик опять: – Жена, подай нам смородинового чайку.

Так же как и вчера, откуда-то со стороны чувала, появились кружки, наполненные ароматным, смородиновым чаем. Они бойко направлялись к столу. Только коснулись поверхности, как вдруг один из братьев не удержал и, как бы нечаянно, опрокинул кружку с горячим чаем. Послышался стон, и через минуту в воздухе промелькнули обожженные женские пальцы. Испугались братья, бросились бежать к обласам и вскоре скрылись за поворотом реки.

Вечером Старик позвал жену. Когда накрывался стол, он видел, как мелькает туда-сюда белая тряпица: ею жена обернула обожженную руку.

Он съехидничал, рассмеялся: – Что это тут за птица носится?!

Спокойный женский голос ответил:

– К утру все заживет. Кушай и ложись себе спать.

Старик спал крепко, проснулся к полудню.

– Что я так заспал, – недовольный, буркнул себе под нос. Вышел во двор, ополоснул лицо водой и крикнул: – Эй, Хозяйка! Отчего меня не разбудила? Когда кормить думаешь?

Вошел в избу. Тишина вокруг. Стол стоит. Но на нем – ни одной тарелки. Чайник на печке холодный. Удивился Старик: – Что такое? Где ты, жена?

Никто ему не ответил.

Осмотрелся вокруг, прошел взад-вперед по избушке, заглянул под кровать. Ничего не увидел, ничего не заметил.

Крикнул рассерженный: – Что с тобой? Неужто заболела? Или в прятки решила поиграть? Отзовись.

В избе – тишина.

Вышел он во двор.

– Как это, великий Торум? – стал он жаловаться. – Сказал, что не буду я нужды в еде испытывать. А тут что?

И вдруг раздался гром – голос Торума послышался:

– О-о-о, Старик! Доверил я тебе одну из дочерей своих за твое мастерство и доброе сердце.

– Так и ссть, – ответил Старик. – Не растратил я доброты. Кто в гости приходит, всех угощаю.

– Так-то так. Да не уберег ты Хозяйку от завистливых людей. Не защитил. Пришлось показать ей свои золотые руки. А уговор был.

Испугался Старик, потупил взор, да делать нечего.

Сказал Торум:

– Посему так теперь будет: пищу ты сам себе добывать станешь, и стол накрывать, и гостей привечать.

Говорят, с тех пор как потерялась добрая женщина, Старик погоревал-погоревал да и отправился в дорогу. До сих пор ищет Золотую хозяйку.

*Рассказал Владимир Айваседа,
обработка Альбины Кузьминой*

ДВА БРАТА

быль

Наступила глубокая осень. Собрались братья в урман охотиться. Запрягли оленей, натянули упряжки и. – как ветер просвистел, только их и видели. Едут-едут, по сторонам поглядывают. Вот свежий след соболя на снегу отчетливо виден.

Старший брат остановил упряжку оленей и говорит:

– Слушай, что скажу! Только что перед нами пробежал соболь, я его догону. А ты поставь чум в пойме реки, костер разожги да чай вскипяти.

Поехал младший брат к пойме реки и пока ехал, забыл, что наказал ему брат.

Добыл старший брат соболя и едет в сторону поймы реки, где брат чум должен установить.

Подъехал ближе и видит: сидит младший на нарте у берега реки и плачет.

– Что случилось? – встревожился брат. – Почему ты весь мокрый, ты что, в реку провалился? Разве не видел, что лед еще тонкий?!

Отвечает младший: – Ты же сказал, чтобы я чум поставил и костер разжег. Я старался, но у меня ничего не вышло. Вот и провалился под лед, и чум утонул, и сам едва выплыл.

– Эх, ты! – пожалел его старший. – Вот что значит, не услышать брата. Слушать и внимать надо, что говорят старшие. Если не понял, отчего не переспросил?

И он разъяснил брату. Взять, к примеру, речку Варьеганку, вот расстояние от левого лесного бора реки до ее правого – это и есть пойма.

– А ты поставил чум в русле реки, там, где вода течет. Хорошо еще, что не рассердился на тебя Водный дух реки, что ты потревожил его покой, и не утянул за собой.

– Это же надо! Костер на реке развести!

С тех пор по глубокой осени, когда еще реки как следует не замерзнут, не появляются охотники в лесу. Не дай Бог, Урманый Дух все следы перепутает и голову заморочит.

*Рассказал Владимир Айваседа,
обработка Альбины Кузьминой*

Татьяна БУТНИК

**С юбилеем!*

ДОННИК

сказка

Искрился в ночи костер. Молодая колдунья, усмехаясь, бросила одолень-траву в кипящую воду. Забурлила водица в закопченном котле, пеной поднялась.

Шептали губы заговор, слово за словом. как паутину плели. Потом умелые руки перельют готовое зелье в темную склянку.

Простоит скляночка до следующей ночи, а там и придут за ней. Заплатят хорошо. Звонким золотом или яхонтом.

Не раз задумывалась колдунья: «Глупы люди. Зачем любовь? Что за любовь, если надо платить за нее?»

Много народу побывало в кособокой избушке, в ольховом овражке, у звонкого ручья, где колдунья-мастерица готовила приворотное зелье.

Желающих получить его приводили тропинки, что по цветочному лугу кружат. Нужная тропка сама под ноги бросится. Уж так заповедано.

Похохатывала колдунья, потирая унизанные самоцветами ручки. Никого не интересовало, какие коренья да цветы или жабыи костки подмешивает она в любовный напиток. Все спешили поскорее испробовать его силу.

Вдыхая чарующий запах, помешивала варево хозяйка ольхового овражка можжевельной веточкой. Нравился ей колдовской промысел.

Остатки со дна котла она выплескивала вдоль тропинки за избушкой.

Однажды, на закате солнца, когда все травы наполняются соком и источают особенный, манящий аромат, почувствовала колдунья незнакомый запах. Медвяный. Дурманящий какой-то непреодолимой силой. Смотрит, а за избушкой, вдоль дорожки, куда она выплескивала оденки из котла, выросла высокая трава с трепетными цветами. На одних кустах цветы желтые, на других – белые. И благоухали они на всю округу, властвуя в вечернем воздухе.

Хозяйка кособокой избушки вдруг затосковала, ощутив свою внезапную затерянность в цветочных лугах. Почувствовала неведомое томление, а потом ощутила в груди огненный костер, жаждущий любви.

Как будто впервые, увидела она яркие краски вечернего неба, зеленые просторы лугов и свою одинокую избушку в сереньком ольшанике.

А траву ту высокую с желтыми и белыми цветами пахучими люди донником зовут с тех пор.

ВЕНЕРИН БАШМАЧОК

сказка

Раскапризничалась как-то красавица Венера: «Все жара да море! Путешествовать хочу! На север хочу!»

Устроилась поудобнее в своей белопенной колыбельке, и понес ее ветер прямо на север.

А там – безбрежное таежное море и шелковые ленточки синих рек. И над всей этой красотой – тучи из комаров до мошек!

Разгонит ветер полчища злых насекомых, чтобы могла Венера любоваться сибирскими красотами, да ненадолго. Снова клубится, как туман, таежный гнус. Устал и ветер постоянно бороться с ним. А к земле спуститься и вовсе страшно – искушают неженку, красавицу-южанку. Не спасет ее от колючих укусов изящный легкий наряд.

Так с высоты и любовалась она зеленым таежным морем.

Но скоро дохнуло холодом, полетели снежные хлопья на крыльях зимы. Испугалась Венера, захотела вернуться в теплые края.

Да не тут-то было! Ледяными сосульками покрылась ее белопенная колыбелька и стала падать под их тяжестью.

В отчаянии схватила Венера свою драгоценную туфельку и стала ею сбивать лед, да второнях и обронила.

Освобожденная из ледяного плена воздушная колыбелька понеслась к югу, подхваченная ветром. Испуганная красавица не стала возвращаться за туфелькой. Уж больно стужа страшна!

Весной на том месте, где упал башмачок Венеры, распустился в Сибири невиданной красоты цветок: яркий, пятнистый, с надутой нижней губкой. Капризный, как нрав красавицы: то ему жарко, то холодно, то зацветет в начале лета, а то и вовсе не хочет на глаза людям показываться. Такой он, Венерин башмачок!

РЯСКА НА ПРУДУ

сказка

Солнце село. На крошечных листьях ряски погасло золото зари, и они превратились в тусклые кружочки. На притихшем зеркале воды замерли сонные водомерки. Изящные водоросли стали плести свой таинственный узор, независящий от воли волн, посланных ветром. По узкой тропинке, среди засыпающих трав, спустился к пруду юноша.

Привычен был для него этот путь. С самого раннего детства приходил он сюда. Бродил по топкому берегу, осматривал замшелый мостик, на солнце становившийся теплым и приветливым. Потом взор его скользил по ветвям плакучей ивы, опустившей к воде свои листья, похожие на крылья стрекоз.

С тоской всматривался юноша в противоположный берег. Нет, ничего не напоминало о том, что он так стремился отыскать изо дня в день, из года в год.

Его не интересовали забавы ровесников, шумной ватагой проносившейся мимо. Его манила тайна старого пруда, богатого старинными историями. Самой загадочной из всех была легенда о русалке, живущей в деревенском пруду.

Услышанная в детстве, она сильно взволновала мальчика. Ему стало жаль бедную русалочку оттого, что она обречена жить в одиночестве целую вечность. Ровно столько, сколько будут качаться зеленые водоросли и сверкать закатной позолотой листья ряски.

Рассказывали, что русалка расчесывает изумрудным гребешком свои зеленоватые волосы, качается на ветвях ивы, и плещется в теплой воде лунными ночами у самого берега, разбрызгивая каплями воды зеленые кружочки ряски. И боится она любви человека.

– Ведь должен остаться какой-то след на берегу, на мостике или на ветвях ивы, – размышлял юноша, – это могут быть ее волосы или серебристые чешуйки...

Но сколько бы ни бродил он по берегу пруда, сколько ни всматривался в лунные сумерки – никаких следов русалки отыскать ему не удавалось.

Однажды, стоя в глубокой задумчивости на мостике, юноша услышал, как кто-то окликнул его певучим голосом, и сразу понял, кому он принадлежит.

– Что ищешь ты так долго и так упорно, что сердце мое не выдержало? Может быть, я смогу помочь тебе?

Обернувшись на этот волшебный голос, юноша увидел маленькую, бледную в свете луны девушку. Находясь в воде по пояс, рукой она оперлась о скользкий мостик, а другой поправляла зеленоватые волосы, волной лежащие на ее груди.

Изумленный юноша молча смотрел на нее и, наконец, опомнившись, промолвил:

– Говорят, ты носишь на груди ожерелье из белых кувшинок, одевая его на голову, как свадебный венок.

– Я люблю живые кувшинки, над ними шепчутся стрекозы и трепещут бабочки. Они рассказывают мне забавные истории о своей жизни. Венок из цветов сплетаю, когда мне становится грустно... А чего ты искал все эти годы?

– Я искал тебя, эти серебристые чешуйки, зеленые волосы и кувшинки из твоего венка.

Русалочка рассмеялась. Голос ее – словно журчащий тоненький ручеек:

– Я не теряю ни волос, ни цветов, тем более чешую с хвоста... Ты ведь знаешь, кто я ...

От недавнего смеха не осталось и следа. Глаза ее наполнились слезами. Зеленоватыми капельками они медленно скатились по нежным щекам и упали в воду, где тотчас же появились кружочки мелкой светло-зеленой ряски.

– Слезы речных русалок превращаются в речной жемчуг, морских – в перламутр красивых раковин, а слезы русалки из пруда – всего лишь в листья ряски.

Берег пруда был густо затянут круглыми зеленоватыми листиками.

– Ты так часто плачешь?

– Чаще, чем смеюсь. Но сегодня ты развеселил меня. Не знаю, чем смогу отблагодарить тебя. Ты не рыбак, и никакая рыба тебе не нужна. Жемчугов в нашем пруду нет. Только не проси меня спеть для тебя! Люди влюбляются в русалок, услышав их песни, и погибают.

– Я не буду просить твоих песен, и без них мое сердце давно принадлежит маленькой русалочке из пруда.

– Ах, нет! – воскликнула русалка, и вода всколыхнулась вокруг нее, – я долгие годы смотрела, как ты бродишь вокруг пруда. И люблю тебя с тех пор, когда ты приходил сюда еще маленьким мальчиком. Все это грустно, ведь любовь русалки и человека приносит несчастье. Влюбленная русалка быстро стареет и умирает. А человек успевает ее разлюбить.

– Не-ет! Любовь не может приносить несчастье. Маленьким мальчиком я услышал о тебе и решил – найду! И стану другом.

С этими словами юноша нежно прикоснулся к плечу русалки и ощутил прохладу ее зеленоватых волос. Русалочка вздрогнула, и легко скользнув на мостик, обняла юношу...

Всю ночь просидели влюбленные, и говорили, и смеялись, и целовались. Старая ива оберегала их покой. Своим серебристым голоском русалка рассказывала про обитателей мутно-зеленых вод, и юноше казалось, что она поет о них песню.

А в это время зеленоватые волосы русалочки покрывала серебристая седина. Но влюбленные этого не замечали.

От радости на глазах русалки появились слезы, которые теперь крупным жемчугом падали на старый мостик, поблескивающий чистым перламутром при свете луны...

На этом я и закончу свой рассказ.

Не стану осуждать русалку за то, что она променяла целую вечность одиночества на одну счастливую ночь.

А юноша продолжает приходить сюда. Подолгу сидит на мостике, поглаживая рукой старые доски, и видит, как угасает улыбка вечерней зари на листьях застывшей ряски...

ЛОПУХ-РЕПЕЙНИК

сказка

– Эх, старость – не радость, – прошелестел сухими колючками де-душка Лопух Репьевич. К осени он стал частенько беседовать сам с собой. Воробьи шныряли среди его заплетенных паутиной увядающих листьев, и на них появились дырки. Все лето здесь играли щенки и котята. Прятались от зноя и дождя в лопухах цыплята, норovia бойко склюнуть гусеницу с листа, также оставляли свою отметину.

– Молодость, молодость, – вздыхал старый Лопух, – всем ты хорош, пока молод. Всеми обласкан. Каждый тебя заметит и доброе слово скажет.

А теперь даже воробьи перестали слушать бормотание старика. Да ему и не нужны слушатели. Когда кто-то очень обижен, он будет выговаривать обиду даже пустому небу.

– А ведь я еще и лекарь, – повысил голос Лопух, – мои молодые листья, пушистые и сизые с изнанки, старые люди к больным ногам прикладывают. Говорят, помогает при ломоте.

Тут воробьи особенно громко расшумелись. Видно, обсуждали что-то очень важное. Что им до пустой болтовни старика?

Тот умолк ненадолго, но вскоре колыхнул засохшими шариками колючек и заговорил снова:

– А уж когда на моих высоких стеблях распускались цветы, похожие на гордые лиловые огоньки, многие были не прочь полюбоваться. Молодые щеголи украшали ими тульи своих шляп. Мечтательные девицы частенько добавляли мою цветущую ветку к своему букету. А однажды с меня даже писали портрет. Настоящими масляными красками. Я, конечно, не знаю, где он теперь, но думаю, что непременно в каком-нибудь музее...

Сухой шелест листьев заставил призадуматься. Лопух снова затих. Вечерело. Воробьи устраивались на ночлег в высоких зарослях.

По дорожке быстро шли девушка и юноша. Вдруг, резко остановившись, девушка громко проговорила:

– Отстань! Пристал, как репей!

Вскоре они тронулись с места и скрылись из вида.

– Ну, вот! Дожили! Уже и ругаются моим именем. Не хватало, чтобы еще доброго человека презрительно назвали лопухом. Как же так можно?

Долго возмущенно бормотал старый Лопух Репьевич. Но его не слышали даже воробьи. Потому что спали, так как наступила ночь.

Скоро придет зима и все кругом завьюжит. Замолчит, заснет и старик Лопух.

А весной пробьют земную твердь сильные молодые побеги, подмяв под себя сухие перезимовавшие стебли. И снова будут радовать, и ластиться ко всем, забыв о прошлогодней старости.

ЖИВОЕ ЗЕРКАЛО

эссе

В небольшом дворике монастыря сопел и жаловался на скуку разморенный солнцем старый Асфальт. Он постоянно кряхтел и обижался, незаметно разрушаясь все больше. Жаловался, если по нему простучат острые каблучки, ворчал при звонких ударах детского мячика. А в том месте, где он обветшал и прогнулся, давно поселилась веселая Лужа.

Она была довольно большая, и в ней отражался целый мир. Настроение ее менялось и от времени года, и от погоды, но всегда она была прекрасна, как прекрасен опрокинутый в нее мир.

Весною Лужа часто смеялась навстречу ветрам, сморщив рябью мокрый нос, и купалась в аромате осыпающих ее лепестков цветущих яблонь.

Летом, раскинувшись знойным зеркалом, позволяла пучеглазым стрекозам присаживаться на свою поверхность и кокетничать с собственным отражением. Лето Лужа любила больше всего, так как в это время она могла путешествовать. В жару, когда брюзжал и плавился Асфальт, она тихонечко поднималась вверх по тончайшим воздушным стрункам и, полностью отдавшись власти ветра, улетала в даль.

Долго носилась по воздуху, разглядывала сверху землю, обгоняла птиц и впитывала все краски света.

Потом наступало иное время, и бодрая, обновленная Лужа возвращалась домой: в привычный монастырский дворик, к своим приятным обязанностям – показывать всем разноцветный мир.

Осенью, одеваясь в голубовато-белесое платье со стаями птиц, она любила пускать золотые кораблики листьев.

Позже наступали холода. Лужа закрывала над собой хрустальное окошко, задергивала пушистую белую занавеску и засыпала до весны.

Если захотеть, то увидеть на ее поверхности можно было что угодно: и сверкающие в солнечной позолоте монастырские купола, и причудливые изгибы ветвей, и расцвеченные закатными красками облака.

Веселую Лужу любили воробьи и дети. Птицы устраивали там баню или веселое купание с брызгами и громким чириканьем. Малыши любили иногда «бумкнуть» мячиком в самую ее середину, чтобы сверкающие фонтанчики подскакивали выше их вихрастых макушек.

Однажды красивая женщина, проходя мимо, медленно разжала пальцы, позволяя белым цветам из букета свободно упасть в воду. Что произошло? Или женщина хотела одарить Лужу, или освободить себя?

Доводилось Луже слышать и приветственно-торжествующий трехлетний вопль, и сорокалетний вздох.

Больше всего она любила, когда люди останавливались и задумчи-

во смотрели в ее зеркало: каждый здесь видел что-то свое. Пусть через минуту люди спешили дальше, но с собой они уносили частичку земной красоты, становясь красивее и богаче.

О какой такой скуке тут может идти речь, эй, Асфальт?

Екатерина ВОЛОДИНА

Гореть свечой, как жребий тот опасен!
Куда ровнее лампы бледный свет.
В нем есть покой, но он, увы, напрасен.
Есть истина в огне: была, и нет.
Все ж большинство включает свои лампы.
Но знаю, где-то среди всех – поэт.
Живет, не признавая в мире фальши.
Горит свечой и оставляет свет.

ОСЕНЬ

Уходит неспешно промокшая осень,
Вдыхает последним протяжным теплом.
Ленивое солнце, небесная просинь,
Жар осени тлеет озябшим костром.
Сквозь дымку надежды весна повторится.
Сейчас не вспугнет птичий гам тишину.
Седые туманы, русалкам в перины,
Ложатся чуть слышно на старом пруду.
Все тихо, спокойно осеннее царство.
Подмерзли дождинки бриллиантовых слез.
Лишь ветер ворвался, как наглый мальчишка,
И вздрогнуло тонкое тело берез.

Календарное время судьбы
Нам отмеряно каждому свыше.
Череды долгих зим и влюбленность весны,
Не заметно, а срок уже вышел.
Пролетит словно миг,
Жизнь, а с нею года.
И уже голова в седине навсегда.
Проживу эту жизнь, торопясь и взахлеб,
Не жалея ни денег, ни хлеба.
Ведь я знаю, покой...мой покой,
Меня ждет...
В доме у синего моря.

Я напою лошадей
Звёздами из реки
И заколдую грусть
В синие васильки.
Ночь приручу и день,
Заговорю дорогу,
Чтобы вела тебя
До моего порога.
..Только вот сердце твоё
Чужою весною бьётся.
Капают слёзы мои
Ночью на дно колодца.

Утренний, звонкий
Город рассвета!
Яркий – прелесть
Брызжет ветер.
Зажигай, солнце
Новое время,
Будет счастливым
Юное племя!
Утро развеет,
Обрывки сна.
Открой свое сердце –
Пришла Весна.

Пройдет первый дождь,
Пробужденной весны,
Ворча – там, где небо темнее.
И сгинут за ним блекло-зимние сны,
И день зазвучит веселее.
Я даже забуду, что рядом не ты,
Прошло лет пятнадцать, – не так ли?
Пущу свой кораблик
По лужам весны,
Попав под последние капли.

Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ

ОДНАЖДЫ ЗИМОЙ

рассказ

Одной улицей, с парой десятков домов, протянулась небольшая деревенька у озера, разделяющего её с окраинами провинциального города. Летом её жители переправлялись через озеро на дощаных лодках. Если на берегу не оказывалось лодки, то над озером неслось протяжное: «Лодку давай!». Можно было, конечно, попасть в деревню и в обход озера, но на этот путь ушёл бы битый час пешего хода. Зимой деревенские натапывали по льду тропы, и те напрямик выводили их к городским окраинам. Как и везде, деревенская молодёжь перебиралась в город, и поэтому в большей своей части деревня состояла из пожилых людей. Обитатели же городских кварталов при каждом удобном случае ходили в гости к родственникам в деревню за парным молоком и чтобы подышать свежим воздухом.

Вечерело. Никитка быстро бежал по льду через озеро в гости к своей бабушке Антонине Леонтьевне. Медленно падающий пушистый снег мягким покрывалом стелился ему под ноги.

– А вот снега не надо, испортит нам завтра всё катание, – подумал он, слизывая с губ таявшие снежинки.

Под мышками он нёс старенькие, выдавшие виды, но добротные коньки, доставшиеся ему в подарок от соседского мальчишки.

Впереди показалась деревня и небольшой бабушкин дом. Никита, заложив пальцы в рот, стал свистеть. В ответ услышал собачий лай. Светлый пёс по кличке Бобик нёсся к нему во всю собачью прыть.

Никитка приносил ему что-нибудь вкусненькое, вот и сегодня в кармане нашлась сахарная косточка. Но больше всего обоим нравились их забавные игры. Летом Никитка брал старый прорезиненный отцовский плащ, стелил его на траву, прятался под него, и начиналась весёлая «кутерьма». Пёс рычал, хватал плащ, тащил подальше. Его белая шерсть после весёлой борьбы становилась грязновато-зеленого оттенка. Зимой они забавлялись в построенной с ребятами снежной крепости и вместе катались с горки по ледяному склону.

Из открытой двери деревенского дома запахло вкусными бабушкиными оладушками. Антонина Леонтьевна всегда ждала внука.

– Никак на коньках собрался кататься, озеро-то замело? – спросила.

– Ага, завтра поутру с Варей и пойдём.

Варя – соседская девочка, тоже жила в городе, но частенько приходила в деревню. Игры с этой бесшабашной девчонкой ему очень нравились.

– А что, бабушка, Варвара- то пришла?

– Здесь она, вон валенки твои принесла, дед Ерофей подшил.

Варин дедушка, Ерофей Павлович, суховатый старичок, славился своим скорняжным мастерством, шил добротные шапки и умеючи подшивал старые валенки. Но особой страстью деда Ерофея была рыбная ловля.

В летнюю пору деревенские наматывали на лодочные весла его рыболовные сети. Зимой ругали старого за длинные, тут и там рубленые пешней проруби, мешающие им напрямик ходить по озеру.

В свои восемь лет Никита уверенно стоял на коньках. Он ещё в прошлом году научился кататься на катке городского стадиона. Коньки брал в прокате, а сейчас доволен, что теперь у него есть свои и кататься он может, где захочет.

Точильным брусочком он подправил лезвия на коньках, для большей крепости смазал нагретые ботинки парафином и, довольный, поставил их под лавку. Засыпая, Никита улыбался, радуясь предстоящему завтрашнему катанию.

На этажерке тихонько заиграл старенький радиоприёмник. Бабушка Антонина уже копошилась у печки на кухоньке. По дому расплзался запах готовившейся в «голанке» картошки. В ней она всегда получалась рассыпчатой, с золотистой корочкой. Запивая картошку парным молоком, Никитка спешно завтракал. На улице уже рассвело.

Бобик призывно лаял во дворе. В дверь уже стучалась Варвара.

– Ну что, пошли, – радостно сказала она, заскочив в отворённую дверь, впуская за собой свежесть утреннего морозца. Голубоглазая, с красным румянцем на щеках, она хитро улыбалась. На её плечах, поблескивая лезвиями, висели новые фигурные коньки.

Вот и озеро. Сначала они катались, взявшись за руки. Она была выше его ростом, и поэтому чаще тянула его за собой. Выпавший на озере снег не мешал им вволю резвиться на льду.

– А давай наперегонки, вон до тех камышей, – сказала Варя.

– Я всё равно буду первый, догоняй! – громко крикнул Никита.

Далеко за собой оставив подружку, он быстро катился по льду.

И вдруг неожиданно перед ним затрещал лед. В одно мгновение Никита провалился в прорубь. Он вынырнул и начал отчаянно барахтаться в ледяной воде. Бобик лаял и прыгал вокруг проруби.

– Никитка, миленький, ну давай же, вылезай, – кричала перепуганным голосом подоспевшая Варвара и, схватив его за шиворот, тянула из воды. Перепуганный Никита, цепляясь руками за край проруби, едва выплюхнулся на лёд.

Судорога свела ноги, вода ручейками сбегала с его одежды и тут же замерзала. Никитка ясно осознал, что с ним случилось. К нему пришёл дикий страх. Чиркая лезвиями коньков о лёд, он стал медленно отодвигаться от проруби. Ещё толком не придя в себя, заплакал.

– Пошли быстрее домой, пока не замёрз, – говорила Варя, успокаивая друга.

Пытаясь улыбнуться, он сказал ей: – Вот это я «трухнул». Эх, шапку жалко, в проруби осталась.

Варя, дрожа не то от мороза, не то от случившегося с ними, перестала реветь только на пороге бабушкиного дома.

Никита с шумом ввалился в дом, брякая в сенях коньками. Антонина Леонтьевна громко ахнула, увидев внука, покрытого инеем, с замёршими волосами.

– Бабушка, не ругайте его, не видел он проруби, её снегом припорошило – хныкала Варя.

– Свят, свят, – причитала бабушка, стаскивая с Никиты обледенелую одежду. – Утонуть ведь мог.

В сенях жалостно скулил Бобик. Сидя в большом ушате с горячей водой, «начинающий конькобежец» вопил на весь дом:

– Вода горячая, холодной добавь.

– Горе ты моё луковое, – вздыхала бабушка, поправляя гребень на седых волосах. Когда Никита сидел за столом и пил горячий чай с мёдом, а бабушка растирала его спину барсучьим жиром, в избу ввалился дед Ерофей с детской шапкой в руках.

– Что же ты такой бестолковый, я же прорубь вешками обозначил. Хорошо, что сеть не успел в прорубку поставить, запутался бы в ней – отчитывал он внука.

– Ты, Ерофей Павлович, проруби свои, где попало, не руби, а то гляди, сам в них угодишь! – ругалась Антонина Леонтьевна.

– А ну вас к лешему, всем я мешаю, – защищался дед Ерофей.

На следующий выходной Ерофей Павлович посреди озера расчистил от снега ледовую площадку. А сам, стоя на взгорке, внимательно следил за тем, чтобы детвора не лезла в его рыбацкие владения. Варя с Никитой, забыв о недавнем злоключении, весело и беззаботно катались на катке и играли с собакой. После прогулки, сидя за кухонным столом и уминая за обе щеки горячих жареных карасей, выловленных дедом Ерофеем в той самой проруби, ребята весело смеялись.

Пёс Бобик, вдоволь нахрустевшись доставшимися ему рыбьими хвостами, лежал в будке и грустил о том, что быстро закончились выходные и опять неделю придётся ждать своих весёлых друзей.

КАМЕШЕК УДАЧИ

воспоминание

Спать по ночам стало душно, яркое казахское солнце в дневные часы нагревает белые кирпичи нашей казармы, а вечером они отдают накопившееся за день тепло.

Это потом, ближе к середине лета, уснуть можно только под мокрой простыней, предварительно смоченной водой. Сейчас жара «легким покрывалом» накрывает нас по ночам, людей, призванных в этих бескрайних степях выполнять свой священный долг перед Родиной.

На улице сверчки запели свою песню. Один из них забрался к нам и в углу начал свою трескотню, сначала потихоньку, потом, осмелев, запел во весь голос, вторя своим сородичам с улицы. Кто-то из сослуживцев, проснувшийся от его звуков, выругавшись, запускает подвернувшийся под руку сапог.

Вижу, как мимо кроватей, с характерным шуршанием, по казарменному полу прошелестела «фаланга» – паук-тарантул. Практически это безобидное существо, его даже можно взять в руки, но своим лохматым видом он пугает не знающих его новобранцев. Вот и сейчас дневальный, стоящий на посту, вскрикнул от неожиданности.

– Тихо ты! – прошептал ему сержант, дежурный по роте, и приложил указательный палец к губам.

– Тише, бойцов разбудишь, паука, что-ли, не видел?

– Н-не-е, не видал, – промычал испуганный солдат.

Дежурный по роте, как заправский швейцар, распахнул перед ним входную дверь, и тарантул вскоре зашелестел по траве.

– Легко отделался, а могли бы и сапогом прихлопнуть, – подумал я о пауке-тарангуле, – ладно хоть скорпионы нас не часто «жалуют». Эти твари коварные, хотя сами по себе мелкие, ударят своим жалящим хвостом, мало не покажется. И тут мне опять вспомнился мой дом – любимый Нижневартовск, растущий, красивый город на берегу величавой Оби. Наш нефтяной Самотлор, гремящий на всю страну, на котором я делал свои первые рабочие шаги. Сейчас я далеко от своих родных, но успокаивает мысль, что делаю очень важное дело для моей страны, служу в специальном батальоне на космодроме «Байконур».

– Почетно, но очень уж ответственно здесь служить, – подумал я, переворачиваясь с бока на бок. Двухъярусная кровать, на которой я сплю на верхнем ярусе, сегодня поскрипывает чаще обычного. Сон не идет, ведь завтра вывоз космического корабля на стартовую площадку по железной дороге, на которой мы служим. На тот гагаринский старт, который я увидел месяцем раньше, когда был на стажировке. От вида и его мощи я обомлел, стоя перед этим творением технической мысли, уносящим свои величественные фермы ввысь, казалось, до самого неба. Старт, давший жизнь первой советской ракете с летчиком Юрием Гагариным, прорубивший окно во вселенную. Вот и отец мой

тоже Юрий, а я Юрьевич, – гордо и символично, – размышлял тогда я, смотря на старт, который в тот момент выглядел осиротевшим. И понял: не хватает ее, ради которой он построен и ждет ракеты.

– А ты вже камішек свій бросив? – спросил в тот день мой наставник, сержант из Полтавы, с украинской фамилией Курило.

– Какой камешек? – удивился я.

– Иди, проверь судьбу свою. Поверье здесь такое, – надо камешек в шахту бросить, и слушать: долетел он до дна и отозвался, – значит, все на службе и в жизни сложится, – говорил он.

– Многие ответа так и не услышали, и по два раза кидали – не отозвались камни.

– Сходи, сходи, кинь, пока никто не видит, – подталкивал меня сержант.

Шахта показалась бездонным колодцем, величавым котлованом, от которого захватывало дух! Именно там покоилась вся первоначальная мощь отталкивающихся от Земли ракет.

Нехитрый камешек нашелся, он лежал рядом возле теплого рельса, нагретый казахским солнцем. Отточенный, как галька, он улетел без звука и свиста. Бездна поглотила его.

– Улетел и не отозвался, – стучало в голове, – ну, их, поверья. Служить буду, как умею, – успокаивал я себя.

Сосед Серега толкает меня в бок, отвлекая от раздумий. Серега – это мой сослуживец, одноклассник, друг и просто хороший парень из небольшого уральского городка. Кровати наши стоят вплотную, и я, наверное, своим беспокойством изрядно ему надоел.

– Ты что ворочаешься, спи давай! Да, ему-то что, он уже был на вывозе и ракету видел. Правда, один раз, но все ж был. Какая она? Может, как на картинках? И мгновенно представил ее: сигарообразная, с зеркальным блеском спецметалла. Да, это вам не какой-то там самолет с потемневшим алюминием от частых полетов и латками на устаревших крыльях, к которым мы привыкли в наших аэропортах.

И вот я трогаю ее, ощупываю рукой теплый металл, гляжу, как на живую, – только вся моя идиллия прерывается голосом дневального: «Рота, подъем!» Как я ненавижу эту команду, она врывается в мой сон, как бомба, и рушит все мои планы. Холодная вода из-под крана приводит в чувство не совсем выснавшегося и выбегающего на зарядку солдата. И только одна мысль ласкает: сегодня на вывоз!

Бегать по степи недалеко: два километра туда, два обратно. Бегу, а самого терзает мысль: «Скорей бы на тепловоз, на него, стоящего «под парами» и ждущего своего часа. Как она там, моя первая ракета? Заждалась, наверное, в МИКе*, в том большом ангаре, где над ней колдовали специалисты в белых халатах.

* МИК – Машино-испытательный комплекс.

Солнце еще не поднялось. Асфальтовая дорога и сама степь лежат в легком тумане, обдавая нас утренней прохладой. Степь понемногу начала подгорать, еще недавно лежала зеленым пушистым ковром, тянувшимся от горизонта до горизонта, и так хотелось поваляться на травяном ковре, ощутить его мягкость. А сейчас другое чудо этой казахской природы – тюльпаны, что радуют глаза. Желтые, реже красные, они капельками света заселяют это пространство.

Зарядка и завтрак пролетают, как одно мгновение, в предчувствии встречи с ракетой. Как она там? Почему она? Может быть, все-таки, он, он же «Союз» – олицетворение моей великой страны.

Мотовоз, так здесь местные люди называют наш локомотив, уже осмотрел и принял главный наш механик дядя Боря. Так ласково мы его зовем, а он и не против. Вот кому завидую белой завистью: скольким ракетам он помог добраться до старта, сколько их было, улетевших в бескрайнее казахское небо, которое в юности манило и его, не прошедшего но здоровью в летное училище. Он для вида поворчал, что мы с Серегой немного опоздали, а мы, посетовав на задержку при разводе, принялись выполнять, как у нас говорили, боевую задачу. Серега будет сегодня управлять нами.

Он даст команду начать везти эту громадину на старт, а сам пойдет впереди, просматривая каждый сантиметр железнодорожного пути. Не тронет только положенные на рельсы перед ракетой мелкие монеты. Их потом заберут люди, которые собирали этот космический корабль.

И вот, час встречи с ракетой настал. Теплоход сцепился с ней, нет, все-таки, с ним, с «Союзом», гордо лежащим на платформе красавцем, отливающим серебром, с красным знаменем моей страны на борту, способным разрезать небо и унести в даль пахарей вселенной, пилотирующих его. И сейчас, всем своим видом говорящий, что он готов отправиться в свое последнее предстартовое путешествие па-Земле. И почему-то в один миг осознав все, стало немного жалко: это ведь он, сгорая, своими ступенями выведет на орбиту только маленькую капсулу, звездный дом с космонавтами, а себя отдаст как бы в жертву на благое дело.

– Но это его судьба, и создан он для этого! – успокаивал я себя под стук колес на стыках и пыхтение теплохода.

Напряжение добавляла нехорошая мысль, что кинутый в шахту камешек не отозвался. Тревога спала только после команды «Остановка».

– Молодцы, помощники, – поздравлял нас дядя Боря. А я все еще не верил, что моя первая ракета уже на старте и мы честно выполнили свою работу.

– Дело сделано! – стучало в висках.

Запуск ракеты был назначен на завтра, и я завидовал своим коллегам, которые в эти дни обеспечивали наш «Союз» всем необходимым

для его полета, и тем, кто будет в момент пуска рядом. Я все ходил и думал:

– Как же ты себя чувствуешь, наш корабль, в предполетном своем состоянии? Почему мой камень, тогда на старте, не отозвался?

Время тянулось в томительном ожидании. Вот проскочил автобус с космонавтами. О чем думают эти храбрые парни? Наверно, о том же, о чем думал их первый, чтобы все прошло успешно и, главным образом, выполнить долг перед Родиной и народом.

Последние «мигалки» машин сопровождения скрылись за горизонтом. Казарменный народ высыпал на улицу. Все вокруг были в ожидании чего-то важного. Я сердцем чувствовал и надеялся, что с моей ракетой ничего плохого не случится.

Она вышла из-за горизонта в назначенный час. Точно – это Она! Я узнал бы ее из тысячи таких же. Белоснежная, с огненным хвостом, будто невеста в подвенечном платье. Грохота еще не слышно, он придет позже, и тогда стекла в казарме отзовутся легкой дрожью, как во время грозы.

Кто-то хлопает меня по плечу:

– Ну, что, теперь слышишь? Каким грохотом твой камешек со старта отозвался? – спрашивает сержант, обзоруживая своей белозубой улыбкой.

– Все у тебя, солдат, в службе получится!

Это потом я буду знать о зрительном обмане, когда наша ракета с гордым названием «Союз» как бы зависла в воздухе. И что-то екнуло в груди, и отпустило тогда, как она резко взметнулась в голубое небо.

Радостные крики, хлопки, не жалея ладошек, пронзительный свист... Старослужащие, делавшие вид, что это событие их не очень волнует, – и не такое видали.

Яркой вспышкой отметилась вторая ступень ракеты в синем безоблаков небе. И только падающие и догорающие части первой ступени, и шлейфы дыма нарушали идиллию бездонного царства, в которое человечество отправило очередных своих соплеменников.

– Хорошо пошла! – воскликнул подошедший к нам Серега.

– Ну что, с боевым крещением тебя, – крепко обнял меня сержант.

Служивый люд стал расходиться, готовиться к обеду, и только мы с другом еще долго стояли и смотрели, как точка, в которую превратился наш корабль, уходила за горизонт светящейся звездочкой, унося частицу нашего труда и любви. Мы стояли гордые, что живем в могучей стране и служим любимой Отчизне.

Позже будет еще немало пусков и вывозов ракет, но тот первый «Союз» я буду помнить всю свою жизнь.

Теперь уже нет страны и флага, который красовался на борту той первой ракеты. Но остался космодром «Байконур», и возрожден-

пая наша Россия продолжает славные космические подвиги. И я точно знаю, что все будет хорошо: в жизни, и в стране, потому что тогда мой камушек все же долетел и до сих пор отзывается эхом космических побед во имя великой страны!

Александра ДАРБИНА

ТИХАЯ ЗАВОДЬ

Есть в тихой заводи свое очарованье,
Стою безмолвная, и слов не подобрать,
Как высказать достойное признание
Картинам, что родит земляца-мать.

Таких полотен поищи – не сыщешь,
Фантасту не представить и во сне,
Душа уставшая, блаженствуя во мне,
Поет малиновкой, соловушкой свищет.

Покоем дышит зеркало воды,
Кружение стрекоз над мелководьем...
Укромные места простонародья
Излечивают души от беды.

Здесь простота соседствует с печалью,
И от того земля еще родней...
Я говорю и плачу вместе с ней,
И не прельщаюсь призрачною далью.

Здесь краснотал приветствует восходы,
Закатам поклонясь, шелестит,
Земля моя! Один такой вот вид
Спасет любовь, продляя наши годы.

Природа величава и мудра,
Заставит вспомнить, кто ты и откуда...
Такие уголки – земное чудо,
Достойные и кисти, и пера.

Природа молчалива и мудра.

ВЕСНА

На хвосте сорока принесла
Новость, что придется всем по нраву:
– Видела вчера весну в дубраве,
Меж берез по воздуху плыла.

Собралась красавица к нам в гости
Приодев весенний свой наряд...
Этой встрече каждый будет рад,
Вот зима сдержать не сможет злости.

Будет строить козни напослед,
Сговорившись с вольною метелью...
Поплясав над снежною постелью,
Душу отведут, оставив след.

На хвосте сорока принесла
Новость, что придется всем по нраву:
– Видела вчера весну в дубраве,
Меж берез по воздуху плыла.

ТОЛЬКО ВИД

В пылу упреков и обид
Сгорает искренняя дружба,
Взамен её скупая служба
Друг перед другом...Только вид.

Все реже встречи и звонки,
Пустые чаще отговорки...
И провожая взглядом зорким,
Кивают наперегонки.

Все чаще – «нет», все реже – «да»,
Глубокомысленные вздохи,
И остаются только крохи
От дружбы «верной навсегда».

Случайность встречи – испытанье,
Взгляд ускользающе – пустой...
Оправдываясь суетой,
Спешат как будто бы в изгнанье.

В пылу упреков и обид
Сгорает искренняя дружба...
Взамен её – скупая служба
Друг перед другом... Только вид.

КЛАНЯЕМСЯ ЕЙ

И как бы жизнь
ни относилась к нам,
цепляемся,
не вглядываясь в беды...
Хотя и не одержаны победы,
за пораженья
благодарны ей.

За все рассветы,
что дарила нам,
за те закаты,
что нас обжигали...
Мы, отмечая разом все печали,
за все, что есть,
обязаны лишь ей.

За ту любовь,
что тропкою надежной
вела впотьмах, оберегая нас...
И я надюсь –
в свой последний час
земной поклон
отвесить ей успеем.

Без оговорок
кланяемся ей
за зимы скудные,
за весны и за грозы,
за смех счастливый
и за смех сквозь слезы...
за всё, что есть,
мы кланяемся ей.

ОСЕННЯЯ ОХОТА

А стая делала облет
с гнездовьем до весны прощаясь.
И тут одна из них, вращаясь,
к земле, ужаленная, влет.

Печальным криком огласил
вожак нежданную потерю...
Охотник, в счастье не веря,
кричал: «ура», что было сил.

Держа трофей, вдруг понял он –
не может радость быть в насильи...
Подранок крыльями в бессильи
взмахнуть не мог... Со всех сторон

к удачнику тянулись руки,
кто от души, кто так велось...
А он смотрел на птичьи муки,
и сердце в жалости зашлось.

Подняв глаза, увидел стаю,
где клин, как будто без потерь...
Подранка место занимая,
Другая под огнем теперь.

КАПРИЗНАЯ УДАЧА

Обласканный умом,
отвергнутый капризом,
на свой и страх, и риск
шагает по судьбе...
На вираже крутом
удача, вдруг, сюрпризом,
коснется невзначай –
в угоду лишь себе.

Захочет – наградит,
не пожелает – мимо
царицей проплывет,
не поднимая взгляд...
Себя же убедит:
– Труды неодолимы...
Объекту всё равно,
он сам себе не рад.

– Я подожду еще,
появится желание –
я снизойду к нему,
но если захочу...
Мой метод упрощён –
могу послать в изгнание,
возвысить я могу,
среди многих отличу.

Мне все равно кого
коснуться ненароком,
задеть своим крылом,
не замечая слез...
я ветрена порой,
порой весьма жестока...
Поднять иль уронить –
Конечно, не вопрос.
Я снизойду к нему – но если он прогнётся.

На повышенных тонах
И на нервах, словно струны,
не решить вопрос – безумье
источает гнев и страх.

На повышенных тонах
вам друг друга не слышать –
ты внизу, она на крыше...
Оба вы не при делах.

На повышенных тонах
сами истину возводим,
и терпенье на исходе,
обожанью полный крах.

На повышенных тонах
и любовь не помогает –
поле «боя» покидает
с диким воплем на губах.

На повышенных тонах
«бой» без правил... И разумней
обойти тот пик безумья,
что купается в слезах.

Алексей ЖИТКОВСКИЙ

ОСЕННИЙ ДЕНЬ

«Вот и лето прошло», – за квадратом окна
Позолота листвы, тишина, тишина
Да багряной канвой опоясанный в точь
Край далекой земли, убегающей прочь.

Опадают, как листья, счастливые дни.
Видны четки но новому кругу пошли.
Видно, дождь затяжной затаился, притих
В облаках над рекой, как в учебнике стих.

Вот и птицы спешат за немой горизонт,
Сам собой раскрывается в комнате зонт.
Серебристый экспресс покидает страну,
И березки платочками машут ему.

Что ж, прощай, на любовь расстоянье умножь.
Это будет равно расставанию. Что ж?
Если хочешь, мои поздравленья прими.
Ни о чем не жалею, никого не вини.

Это светлая радость, а может, печаль.
Словно тысячу лет все молчал да молчал,
Словно тысячу лет так мне было легко!
Посмотрю в никуда, не скажу ничего.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Синий вечер, скользкий ветер
Дверь с одышкою скрипит.
Под паласом рыщет мышка.
Незаконченная книжка...
Мама спит, и папа спит.

Спите дети, скоро елка,
Карамель и мандарин.

Зайцы дремлют, дремлют волки,
И для каждого ребенка
Снег один.
Спите, летние скамейки.
Спите, парки и дома,
Словно медная копейка
Загордилася луна.
Жизнь легка и бесконечна.
Затвердеет к ночи речка.
Слышишь,
 слышишь,
 тихой речью
Говорит зима.

По ноябрьскому снегу
Санки возят дошколят.
Опустившиеся веки...
Спите, спите, человеки,
Птицы спят, и звери спят.

Дышит воздухом морозным
Тишина и благодать.
В этом городе творожном
Так легко и не тревожно
Спать.

Там, за островом Буяном
Белый белый небосвод.
Над развесистым платаном,
Над землей и океаном
Снег идет.

Василий ЗОЗУЛЯ

ЗА КОМПАНИЮ

Был вечер. Студент последнего курса художественного училища Евгений Кисиль мял в студии глину, когда туда заглянул Пётр Вахрушев, его сокурсник:

- Женька, ты мне друг?
- Друг, – не прекращая своего занятия, сказал Евгений. – А что такое?
- Составь компанию...
- Куда это?
- В одно хорошее место. К моей девушке.

Денег у студентов не было и потому всю дорогу им пришлось бежать. «Он на свидание бежит. А я чего бегу?!» – спрашивал себя Женька.

Девушку Петра звали Варей. Жила она в пригороде на квартире у тётки, занимая маленькую комнатку, где помещалась узкая солдатская кровать, фанерный шкаф и ножная швейная машинка.

Проведя их к себе, Варя ушла ставить чайник.

В этот вечер друзья не стали засиживаться долго: переведя дух и выпив чай, попрощались с Варей.

Потом были другие вечера с чаепитием, беседой, редкими прогулками в кино.

Однажды Женька хотел было оставить Петра и Варю наедине, да она, посмотрев ему в глаза, спросила:

- Женя, вам скучно?
- Нет, Варя, просто, я хотел...
- Я знаю, что вы хотите. Но если вы уйдёте – вы поступите плохо.
- Не уйду, – глядя на друга, пообещал Женька.

Свидания закончились после выпускного. Замуж за его друга Варя не пошла. Однажды Женька, ставший к тому времени Евгением Романовичем, получил письмо, где та, его давняя знакомая, писала:

«...Куда же вы пропали, Женя, после того как закончили училище? Разве мне нужен был этот красавец, ваш друг? Что с того, что он был выше вас на голову и красиво говорил? Любила я только вас».

ВСТРЕЧА

Краевой военком Николай Григорьевич Иваненко приехал па свою малую родину в станицу Павловскую с молодой женой Лилией Александровной.

Женщина она была городская, из интеллигентной семьи. Замуж за полковника вышла без любви, приняв ухаживания, и теперь тяготилась этим.

На второй день Николай Григорьевич повёл супругу в центр станицы, где им встретился коренастый мужичок на велосипеде:

– Николай, ты ли это?

– Женька?!

Мужчины обнялись.

– Где ты сейчас?! – спросил Николай Григорьевич, отстраняясь.
– Думал вчера тебя повидать, а в доме твоей матери другие живут...

– Всё правильно: живут другие. Матери нет. Дом продан. Квартиру снимаю.

– Воевал?

– Спрашиваешь! На Четвёртом Белорусском воевал. Бендеровцев выкуривал из схронов. Отслужил семь лет в пехоте. После демобилизации отучился в Ростове на скульптора и теперь вот учительствую в нашей школе. Женился недавно!

– А я комиссарю... и тоже женился! уже как с месяц. Ой! Что ж это я?! Лилечка, познакомься, – повернулся он к супруге, – это мой ординарец Женя.

– Фи! – передёрнула плечиками та. – Стану я знакомиться с ординарцем!..

– Лилечка, – растерялся Николай Григорьевич, – это же мой друг детства! Он тогда у меня ординарцем был! Мы ещё из глины казаков лепили...

– А мне всё едино: в детстве или сейчас. То-то тебя в эту грязь и потянуло...

Сказав так, она перешла улицу и остановилась у дверей галантерейного магазина.

– Ты прости её, – не зная, куда девать глаза, сказал Николай Григорьевич. – Молода она...

– Да не на что тут обижаться...

– Я долго тебя ждать буду, пока ты там с ординарцем наболтаешься?! – донесся до них крик Лилии Александровны.

Кровь прилила к лицу Николая Григорьевича.

– До свидания, – тихо сказал ему вслед «ординарец» и поехал дальше.

Виктор КОЗЛОВ

ВЫДЕРЖКА

Сколько солнечной морошки
У Андрейчика в лукошке!

«Сам зато не съел ни крошки!»

(Вот так выдержка у парня!)

«Не давал есть накомарник...

Если снимешь – сразу мошки
лезут в рот...не до морошки!»

ПОМОЩНИЦА

Ягоды перебираю,

А как будто бы играю:

«На варенье...на компот...

Эту – в миску, эту – в рот...»

Бабушка довольна мной!

Говорит мне: «Песни пой!

Помощница моя,

малиновая...»

КЛЮКВА

И гладка... и румяна... пригожа –
Клюква наша. На вишню похожа.

Будто вишню рассыпал здесь кто-то
Из лукошка, упав средь болота!

Но, однако, отличие есть!
Чтоб узнать, надо клюквинку
съесть! – кисло...

ОТЧЕГО БЕРЕЗА БЕЛАЯ

Хоть вовсю трещит мороз –
 посевная у берез!

Семена, как конопушки,
 на снегу, по всей опушке.

В снег береза сеется –
 белой стать надеется!

НАЧАЛО ЗИМЫ

Зима, капризная старуха,
поистине, вся извелась:
то сыро ей,
то слишком сухо,
то жестко...

Наконец, из пуха
перину взбила...
улеглась...

И вновь сердито закричала:
– Ну, где их носит, пострелят? –
и колыбельную запела
для внуков –
крепких морозят.

ТАЕЖНЫЙ КАПИТАН

Папа мой на буровой, –
Как моряк, стоит на вахте.
Папа мой – как рулевой
На стальной таежной яхте!

Хоть подземный океан –
Но и в нем бывают бури.
Папа мой – он капитан,
Хоть не плавает, а – бурит.

Ольга КОРОСТЫЛЕВА

Когда я дверь лишь открываю,
Ты уже здесь, ты – у порога,
Когда я ночью засыпаю
У ног моих ты, Недотрога.

Когда порой бывает скучно,
Ты за руки меня хватаешь,
Несешь любимую игрушку
И мячик по полу катаешь.

Когда грущу, с немим вопросом
Ты набок голову наклонишь,
В ладони мне холодным носом,
Ты мордочку свою положишь.

И я от счастья замираю,
Когда когтями по паркету,
Стучишь ты, хвостиком виляя,
И тащишь свежую газету.

Порой друзья не понимают.
Ты понимаешь все на свете,
И не заслуженно считают
Собакой взрослые и дети.

РОЖДЕНИЕ

эссе

Рождение стиха как рождение ребенка. Почему-то, именно ночью, чаще всего на рассвете, когда особенно сладок сон, стихотворение обрывается фраз, как родовыми схватками. будит тебя.

Ты понимаешь, что завтра у тебя трудный день, полный проблем, которые предстоит решать, насыщенный встречами, и потому ты не имеешь права выглядеть несобранной, невыспавшейся, с красными глазами, и усилием воли гонишь стихотворение прочь в надежде заснуть. Это у тебя не получается.

«Оно», неродившееся, бьется, как дигя. И ты вопреки себе бредешь по спящему дому в поисках карандаша или авторучки. И записываешь то, что льется из глубин твоей души, облекая нахлынувшие чувства в словесную форму. На первых попавшихся под руку клочке бумаги, на газетном обрывке или исписанном детскими каракулями черновике.

Пишешь везде, чтобы утром родилось «Оно» – Твое стихотворение.

Затем вновь заставляешь себя уснуть, но «Оно» опять будит тебя. И ты меняешь местами строки и фразы, и вдруг понимаешь, что в эту минуту, также, как и ты, не спят тысячи людей. Их переполняют те же чувства, их сердца бьются в унисон твоему, и твое родившееся утром стихотворение – лишь подтверждение этому.

Наконец-то осознаешь, что именно ради этого созвучия ты готова жертвовать еще не одной бессонной ночью!

Гренада КУЗНЕЦОВА

СНЕГ ИДЕТ

Медленные, нежные
Чертят хлопья снежные
Линии до самой до земли,
А на них заветные
Письмена приветные,
Только мне знакомые, легли.
Прилетают весточки
О былой беспечности,
Где кружился зимний карнавал,
Где коньки звенящие,
Где лыжня летящая,
Где от смеха ломится привал.
И зима морозными
Не страшна угрозами,
Потому что, знаю, час пробьет.
Будет воздух новыми
Хлопьями линованный,
Новые потехи принесет.

В МАРТЕ

Март метелями беснуется,
В окна ломится и злится.
А влюблённые на улице,
А влюблённым не сидится.
На преграды не оглянутся,
Через все пройдут ненастья,
По весне их души тянутся
Только к радости и счастью.

ДУША

Не знает возраста душа,
И время ничего не значит.
Она лицо своё не прячет,
Задором юности дыша.

Ей окрылённость придавать
Назначено для нас извечно,
Над суетою бесконечной
В пределы света поднимать.

ВЕСТОЧКА ИЗ ДЕТСТВА

Нарисовал мороз на окнах перья,
По граням, отражаясь, луч искрится,
Возможно, это перья от Жар-птицы?
В лучистой сказке до весны теперь я.
Передо мной – сыпучие просторы,
Я по волне, навеянной метелью,
Плыву, среди искристого веселья.
Деревья ветками плетут узоры.
Они на фоне синевы небесной
Ажуром кружев маминых глядятся.
Я долго буду ими любоваться,
Взволнованная весточкой из детства.

ПЕРВЫЙ ОДУВАНЧИК

Май снегами в плен захвачен,
Но в свой срок свои права
Заявляет одуванчик,
Золотая голова.
И горит на всю округу
Он один среди белизны.
Я иду к нему, как к другу
За приветом от весны.

ОБИДА

Уходишь ты, гляжу вослед –
Две кованые цепи вижу...
Мне не понять, чем ты обижен,
В моих словах причины нет.

Цепями перекрыт наш путь...
Куда весна с ручьями делась?
Вокруг меня пустыни серость
И мгла... лучу не проглянуть.

Где мир волшебный на двоих,
Где взгляд любви и почитанья,

Где встреч нечастых ликованье,
Где шутки мягкие твои?

Нам предстояло вековать –
Сердца пылали наши ярко...
Мне верилось: ты, как Петрарка
Лауру вечно мог бы ждать.

Хвалю: ты искренне играл
В любовь... искусно, очень тонко –
И письма брошу я вдогонку.
Мой самый ценный капитал.

Пустыней мрачной побреду,
За юность выйду... и с годами
Весна навеется ветрами,
Развеет навсегда беду.

МИХАЙЛОВА, ОТЗОВИСЬ!

рассказ

Уже заканчивалась первая четверть, когда в классе появилась новенькая. Учительница привела ее перед уроками и сказала:

– Знакомьтесь, Оля Михайлова.

Я почему-то во все глаза смотрел на нее. Она отличалась от наших девчонок, к которым мы привыкли. У нее был белый-пребелый воротничок, выставлявшийся из-под горлышка темного свитера. Две опрятные косички с маленькими бантиками касались плеч. Я так увлекся, разглядывая ее, что не расслышал, когда учительница указала ей на свободное место за моей партией. От такой неожиданности я чуть было не поперхнулся и тихо пробурчал:

– Вот еще!

Михайлова молча села за парту. Начался урок. Она положила на правую ладонь щеку и внимательно слушала учителя, не обращая на меня никакого внимания. Хотя я будто нечаянно несколько раз толкнул ее портфелем, который лежал на скамейке. На перемене, как и все, она выходила из класса, но при первом звонке была тут как тут. Когда вызывали к доске отвечать, лицо ее покрывалось румянцем, но отвечала она спокойно и громко, будто считывала текст из книги.

– Зубрилка, – думал я, – заучивает и тараторит.

Я стал открывать учебник и следить, как она отвечает. Странно: Михайлова ни одного предложения не повторила из учебника. Некоторые слова были мне совсем незнакомые, а учительница поставила ей пятерку. Меня это удивляло и злило, но я делал вид, что не замечаю ее. Считал, что она сильно воображает. Но скоро перестал так думать,

а случилось это на уроке математики. Мы проходили дроби. Вижу, Михайлова запуталась между числителем и знаменателем, пыхтит над примером – не может общий знаменатель вывести. Я -то уже весь свой вариант перерешал. Взял, написал на бумажке знаменатель, и положил ей на тетрадь. Она покраснела, но взяла листок. Потом сама протянула ко мне тетрадь и сказала:

– Проверь, пожалуйста!

После уроков в раздевалке Михайлова подошла ко мне и еще раз сказала «спасибо». Я удивился и не знал, что ответить. Выбежал на улицу, и ни с того ни с чего, начал свистеть. Никогда нашенские девочки мне спасибо не говорили, хотя я давал списывать всем. И, как нарочно, на следующий день Калугина на контрольной работе меня за ворот рубахи тянет и шепчет: «Напиши скорее ответ». А Нуреева на перемене со мной договаривалась: «Не подведи!». Я-то знал, что она имела в виду. А вот Михайлова мне за подсказку одного знаменателя «спасибо» сказала.

– Решай сама, – рассердился я на Нурееву, а Калугиной фигу показал.

– Ты че? – налетели они на перемене. – Жалко стало? Долго ли бумажку передать?

Я промолчал. Когда шел домой, то думал: «Как хорошо на душе от одного слова Михайловой! А этим только дай списать, да дай списать!».

Прошло месяца два, мы изредка обменивались с Михайловой словами. Она была неразговорчива, не умела тараторить на переменах и не давала мне повода, чтобы в чем-нибудь упрекнуть ее, хотя я старался.

Однажды Михайлова догнала меня по дороге домой и, будто извиняясь, заговорила:

– Когда ты сегодня рассказывал про Магеллана, я считала, – ты одиннадцать раз повторил: «это...ну», и часто добавлял слова «как его...».

Мне бы сказать:

– Не твое дело! – а у меня язык не поворачивался. Иду. Молчу.

– Знаешь, Николай (а меня в школе все Колькой звали), – тихо добавила она, – еще между словами у тебя большие паузы.

Мне было неприятно слушать это от девочки.

– Ладно! – только и сказал я Михайловой.

– Пока! – торопливо сказала она и побежала домой.

Я птицей залетел на свой четвертый этаж. На столе уже лежала мамина записка, напоминающая мне не забыть сходить в детский сад за сестренкой. И удивительное дело, я торопился все сделать побыстрее, чтобы сесть за уроки. Это все из-за Михайловой! – признался себе. Уборку дома сделал махом. Быстро достал учебник по биологии, прочитал задание, стал рассказывать сам себе. Слежу по учебни-

ку, и вправду, как говорит Михайлова: то и дело запинаясь, тараторю «этто...ну как там?». Только на пятый раз перестал нукать.

Достал историю. Там имена, даты. Стал пересказывать и опять мычу. Выписал имена, повторял долго с закрытыми глазами, пока они как горох посыпались.

– Завтра, – думаю, – тебе Михайлова нечего будет считать! Не дожدهшься! – торжественно говорю, представляя удивленное лицо Михайловой.

Вызвали меня отвечать. Я даже вздрогнул. Стою у доски, отвечаю и боюсь взглянуть на Михайлову. Ответил. Нина Павловна похвалила меня, даже стыдно стало. Иду на место и думаю: «Только бы Михайлова ничего не говорила». А она как сидела, даже в мою сторону головы не повернула, будто не заметила.

Мне понравилось так учить уроки. В классе заметили, что я стал лучше учиться, а Михайлова молчит. Но я заприметил, что выходя из школы, стал поджидать Михайлову. Как-то раз идем рядом, а она, будто между прочим, про какого-то Монтигосо стала рассказывать. Я первый раз слышал такое слово. Кроме школьных учебников ничего не читал, а она, эта Михайлова, спросила:

– Так ты не читал про Монтигосо?

Хотел спросить, что означает это незнакомое слово, но не осмелился, стыдно стало.

– Книжку эту я у дедушки взяла, он сказал, что она больше для мальчишек, а прочитала с удовольствием.

От неловкости я поторопился свернуть к дому.

Дома изо всех сил начал вспоминать это слово, но оно вылетело из головы, а на языке вертелось: «Ммагомет...магма». Я удивился, какие она читает заковыристые книги, а сам скорее записался в библиотеку, но не в школьную, а в городскую, чтобы не узнала Михайлова.

Библиотекарь спросила, чтобы я хотел почитать. В голове завертелись слова «магоме», «магма», но сказал: что-нибудь интересное. Мне предложили Конан Дойла. Я согласился, хотя об этом писателе тоже ничего не знал.

Передо мной открылся удивительный мир. Я стал беречь каждую минутку, чтобы дочитать начатую книгу. Мама, постоянно заставлявшая меня читать, была удивлена, и иногда говорила: «Отвлекись от чтения, сходи на улицу».

Я с интересом выписывал трудные названия и имена, хотел знать значение всего выписанного. Мне хотелось пощеголять перед Михайловой. Однажды осмелился спросить, читала ли она про Баскервилей.

Она не смутилась, сказала: «Нет, не читала».

Я ликовал. Еще бы! Перещеголял Михайлову!

С тех пор мы стали обмениваться впечатлениями о прочитанных книгах, и я уже не испытывал никакой неловкости. С математикой

Михайлова справилась сама. Очень редко на контрольных, когда видел, что она упрямо молчит, подсказывал.

Но все-таки это трудное слово «Магомет-магма» не давало покоя, и я решился спросить.

– Да это из Майн Рида, – ответила она, как бы между прочим.

– Ну, Михайлова! – воскликнул я.

– А меня, между прочим, Ольгой зовут. А ты все Михайлова да Михайлова!

Я не знал, что ответить. Звать ее Ольгой у меня не получалось.

На летние каникулы меня отправили в деревню, к бабушке. Там была хорошая библиотека. Я записался и сразу взялся читать Майн Рида. По прочтению каждой книги представлял разговор с Михайловой.

Прошло лето, я торопился в школу.

Первого сентября надел новую белую рубашку, новый костюм, боялся опоздать на первую линейку, а главное: поскорее увидеть Михайлову. Во все глаза смотрел по сторонам. Михайловой не было.

– Неужели опаздывает? А может, еще с каникул не приехала, – утешал я себя. Но она больше в нашем классе не появилась.

Учительница сказала: «Михайлова уехала в другой город. Ее папа военный».

Кто бы только знал, как я был расстроен! Придя домой, закрылся в своей комнате, чтобы никто не увидел и плакал.

– Где ты, Михайлова? Отзовись! Мне так без тебя тоскливо.

СИНЕГЛАЗКА

рассказ

Накануне лыжного похода в нашу давно сбитую команду пришла незнакомка.

– Наталья, – представилась она, – художник-оформитель театра.

– Милости просим, – отозвались друзья, переглянувшись. – Край наш удивительный, красоты необыкновенной, знают все, а у нас свой маршрут разработан, лыжня проторена. Захотелось человеку экзотики или, быть может, проверить себя, или просто побыть в компании таких же безалаберных и веселых людей, для которых горные перевалы, бурные реки, ночные привалы, отвлекали на день-другой от повседневных забот.

Дня через три мы отправились в поход.

Спутница наша оказалась особой интересной и наблюдательной: она замечала разные следы на снегу, мимо которых мы проходили, уже не обращая внимания. На первом же привале доставала альбом и делала в нем наброски. Украшала душистыми ветками прокопченные стены охотничьей избушки. Вечерами мы пели песни. Вели разгово-

ры на разные темы, не упускали случая посплетничать о городских новостях.

Однажды кто-то спросил ее мнение о мастерстве популярной в городе актрисы Хохловой и ее романе с режиссером.

Наталья, немного смутившись, ответила: «Я знаю, что актриса талантлива. Ее любят в театре, ее любят зрители. А это, наверное, самое главное для актрисы, в остальном, – досужие домыслы». Всем понравился ее ответ. Мы только переглянулись.

Готовясь к ночлегу, расстелив на нарах спальник, она вздохнув, сказала: «Как там моя Синеглазка? Скучает, конечно».

В голосе ее я почувствовала тревогу и тихо спросила: «Это дочка?»

– Есть у меня и сын, и внуки. Там, слава богу, все хорошо. Беспокоюсь о кошке. – И стала рассказывать о ней с такой трепетной нежностью, что я удивилась.

– У соседки оставила, – продолжала Наталья. – А Синеглазка, я точно знаю: не уснет без меня и есть не будет. Мое приближение к дому Синеглазка чувствует даже издалека...

Мы все стали засыпать, а Наталья еще долго ворочалась на нарах и вздыхала. Следующие дни она только и сокрушалась о Синеглазке.

Поход наш проходил интересно: мы вдоволь накатались на лыжах, побродили по лесу, и дни промелькнули незаметно.

По возвращению из похода дружбу не потеряли. Однажды на наше традиционное чаепитие Наталья пригласила к себе. Тогда я и увидела сиамскую красавицу Синеглазку.

Кошка была нежно-голубого цвета с черными подпалинками на мордочке, от которых глаза ее казались бездонно синими. Она лежала в прихожей на пуфике, притворяясь спящей. Но когда кто-то открывал дверь, Синеглазка приоткрывала один глаз и спокойно закрывала, будто приветствовала нового гостя. Когда мы уселись за столом, Синеглазка прыгнула с пуфика и тихо примостилась у ног Натальи.

Скоро Синеглазка привыкла к нам: к кому-нибудь усаживалась на колени, мурлыкала, но чаще сидела на коленях у Натальи. Когда в очередной раз мы уходили в поход, Наталья непременно брала ее с собой. Она была всеми нами обласкана, и по всему было видно, что была вполне довольна своей кошачьей жизнью.

Осенью открылся новый театральный сезон. Наталья была занята оформлением сцены очередного спектакля, и наши встречи стали редкими. После проливных осенних дождей погода установилась, и окрестные леса нарядились в неопиcуемый наряд. Мы с трепетом готовились к встрече на очередной туристической тропе.

Позвонила Наталья.

– Что ты? Какие походы? В саду дел невпроворот!

Я торопливо положила трубку, почувствовав ее раздраженный голос. Какой огород? Откуда он взялся? Не было у нее никакого огорода!

Скоро после нашего разговора раздался звонок. Голос Натальи показался мне тревожным.

– Если свободна, приходи сейчас! – сказала она.

Я заторопилась. Наталья встретила меня взволнованная. Раздеваясь, я обратила внимание на сиротливо лежащий пуфик, на котором всегда лежала Синеглазка.

– А где? – указывая на него, почему-то шепотом спросила я.

– Проходи! Садись, – вместо ответа сказала Наталья и указала на кресло. Сама села напротив. – Не знаю, с чего и начать, – тихо проронила она, опустив глаза.

– Влюбилась я. Уже не думала. Все, считала: отцвели мои хризантемы, – нервно хохотнула она.

Я рассмеялась, зная ее строптивость.

– Да, да! Не смейся, – сказала Наталья. – Вдовец, хороший плотник, подкупил меня красивым уходом, щедростью, тихим ласковым голосом.... Прожили вместе всю зиму, и представь себе, – расписались. У него машина и сад. Он сейчас там, на даче баню достраивает.

Слушая, я искренне радовалась ее перемене в жизни. Сидела, молчала, вглядываясь в ее грустные глаза.

– Не умею я работать на этой даче. Все думала: привыкну. Конечно, и воздух там свежий, чистый...

Немного погодя, шепотом, с грустью сказала:

– С первого дня, как только он переступил через порог, моя Синеглазка вскочила с пуфика, выгнула спину, зашипела, на загривке шерсть дыбом, шагу не давала шагнуть. Никак не могла унять ее всю ночь. Утром, пока Олег спал, отнесла ее к соседке. Уходя на работу, прощаясь возле порога, он как бы между прочим посоветовал мне усыпить Синеглазку, добавил:

– Нельзя же так жить.

Я обомлела, не находила себе места. Не могла же я унести Синеглазку на своих руках на верную смерть. Наталья не сдерживая слез заплакала навзрыд.

У меня не было слов, как ее успокоить.

– Не находила себе места, – рыдала Наталья. – Посадила Синеглазку в корзину, села в автобус, увезла Синеглазку за город и отпустила в лесок. Как показалось, она все поняла: не побежала за мной, не замыкала. Я оглянулась. Она сидела на одном месте, склонив головку.

Наталья всхлипывала, говорила сдавленным голосом: – Все две недели я не знала покоя, все валилось из рук.

Я же сидела, как ошарашенная, и молчала.

– Через неделю мое сердце не выдержало, – сквозь слезы продолжала Наталья, – собралась и поехала за город. Бегу, ноги сами несут к тому месту, где оставила свою любимицу, и вижу: вдоль забора, по кромке дороги, еле шевеля лапками, ползет моя Синеглазка.

Не помня себя, я схватила ее. Прижала к себе. Она вся дрожит. Посадила в корзинку, шепотом просила у нее прощения. Привезла Синеглазку домой, искупала и все приговаривала:

– Привыкнешь ты к нему, привыкнешь. Он добрый, хороший.

Скоро Синеглазка заснула у меня на руках. Я бережно положила ее на свое место.

Вечером, как только Олег перешагнул порог, Синеглазка, по-видимому, собрала все свои силы и издала такой душераздирающий крик, что Олег выскочил на улицу.

Тяжелый наш разговор прервал щелчок в замочной скважине. Наталья вздрогнула, торопливо вытерла слезы. В испуге задрожали губы.

Я столкнулась с Олегом в коридоре, обменявшись торопливым приветствием. Мне не хотелось с ним разговаривать, хотя было велико желание наговорить ему крепких словечек.

Просто жаль было Наталью и Синеглазку.

Прошла зима. Мы несколько раз в выходные дни вставали на лыжи и проводывали наши туристские тропы. Натальи с нами не было. Мы решили не тревожить ее.

И однажды, совсем неожиданно, раздался звонок. Наталья пригласила всех нас на дачу, отведать шашлыков и помыться в новой бане. Но, вспомнив Синеглазку, мы не захотели встречаться с Олегом.

Со временем прекратились и телефонные звонки. От других бывавших у нее знакомых мы мельком узнавали о ее великолепно приготовленных соленьях, но как все отмечали: с тоскливой печалью в глазах.

Года через два Натальи не стало. Она умерла от ранки в ноге, наступив на ржавый гвоздь, работая на даче. «Может, встречу там свою Синеглазку», – были ее последние слова.

Альбина КУЗЬМИНА

** С юбилеем!*

МЕДВЕДИ

рассказ

Хороши летние дни. Такие, как говорят в народе, год кормят. Вот и торопят родители деревенских ребятишек: спешите в лес, собирайте грибы да ягоды.

Солнце едва перевалило за верхушки сосен, а Аля с Любой уже бегут в лес. Места ягодные, столько голубицы вокруг, бери, не ленись! А набрал на поляну – до последней ягоды собери. Бывает и так: только домой засобираешься, как на грех, сразу на крупные ягоды наткнешься! Один соблазн и только! Уже и собирать их не во что, губы и язык почернели, а оторваться нет сил!

– Ты как? – кричит подружке Любаша. – Побудем еще!

– Мне класть не во что, – отвечает Аля.

– У меня лишний пакет есть.

– Я лучше туесок сделаю, – отвечает подруге. Сейчас придет разузнать, сколько у меня ягод! Она такая любопытная.

Люба и впрямь подошла.

– А ты быстро берешь, – сказала и, помолчав, добавила: – Зато у меня ягоды крупнее, я такую мелочь не беру.

Аля ничего не ответила, зная Любашкину зависть. Она ягоду так быстро берет, что никто из местных ребятишек за ней угнаться не может.

Сняв с головы платок, Аля стала взглядом искать трухлявый пенек. Вспомнив, как умело проделывал это отец, увидела покореженную березу, пошевелила: нет, твердо стоит. Присмотрелась. Вот же, старенький пенек. Толкнула рукой, он легко поддался. Вытянула нужной длины бересту, вытряхнула из нее гнилушки и, завязав дно платком, привязала к поясу.

– В таком туеске ягоды не помнутся, – довольная собой, подумала она.

Туесок ее наполнялся быстро. Ловкие руки будто играли с ягодником, а ягоды сами запрыгивали туда.

Девчата не заметили, как в лесу стало темнеть. Аля тихонько позвала подружку, но она не откликнулась.

Погромче крикнула – опять никто не отозвался. Стала громче звать ее Аля:

– Ау-у, Люба! Домой пора!!!

Вокруг тишина.

– Надо же! Все-таки ушла крупные ягоды искать!

Она присела на корточки, продолжая собирать.

Невдалеке хрустнула ветка.

– А-а, идешь. Значит, больше меня набрала! – смекнула она.

Послышался легкий шум. Заволновались молодые пихты в густом кустарнике. Вслед им задрожали ветви осины. Аля съежилась.

– Будто я не слышу, что ты идешь! – стараясь побороть в себе настороженный страх, проговорила она.

Рядом никого не было. Березы шумели листвой, сосны скрипели от порыва налетевшего ветра.

Аля подбежала к сосне, где стояла наполненная ягодами корзинка, прислонилась к стволу дерева и на мгновение закрыла лицо руками.

Стало еще страшнее. Ветер уже выл в верхушках кедров и сосен, словно готовился раскачать могучие деревья и вырвать их из земли. Заволновались травы и кустарники. Але показалось, что забыла в какую сторону идти. Зажав уши, она зашептала:

– Я не боюсь! Мой папа ничего не боится, и я не буду бояться! Это ведь гроза наступает.

Аля еще раз робко позвала подругу.

– Как я без тебя появлюсь в деревне? – думала, испугавшись о Любаше.

Прислушалась. И вдруг донеслось едва слышимое:

– Ау-у! А-ляяя, ты где-е?!

Сложив руки рупором, во весь голос закричала:

– Я здесь, я на старом месте, я на горе.

– Спускайся вниз, к оврагу! – услышала отчетливый голос подруги. Любашка стучала по алюминиевому ведру.

– Перестань стучать.

– Медведи! Это медведи! Я их отпугиваю! – подбегая ближе, кричала взволнованная Любашка.

– С чего ты взяла? Мы же рядом с домом!

– Честное слово! Я их видела! От них бежала! – возбужденно говорила она, дрожа и заикаясь. – О-один ч-черный, большой и страшный т-такой, а другие м-маленькие. Знаешь, какая у медведя морда?!

И Аля поверила. Теперь ей стало понятно, кто трещал сучьями за ее спиной!

Наполненный гулом, сердито шумел старый лес, трещали сучья. От большого кедра отломилась сухая ветка и полетела со свистом вниз на траву. Аля глянула в пихтовник, и ей показалось, что она отчетливо увидела двух маленьких медвежат, а рядом – медведицу. Вот она поднялась на дыбы. Ах, эта большущая черная медвежья морда с огромными глазами и растопыренными лапами!

– Медведи! Медведи! – закричала она и понеслась во весь дух по тропе. Запнулась обо что-то, и скатилась по мшистой траве к оврагу, еле удерживая корзинку с ягодами.

Любашка бежала впереди, визжа:

– Медведь! Он за нами!

Аля, сознавая, что ее вот-вот схватит медведь, старалась догнать подругу. Через какое-то мгновение она увидела, как впереди нее со звоном пролетело ведро Любашки. Опрокинулось в воздухе, и ягоды, Любашкины ягоды, посыпались под Алины ноги.

Чтобы не упасть, она отпрыгнула в сторону. Девчонки-подружки как угорелые неслись по оврагу, не замечая ни холодной ключевой воды, которая обжигала лицо ледяным потоком, ни высоких кустов широколистного, шершавого папоротника, что царапал руки, ни того, что с ног давно слетели башмаки.

Сверкала молния, гремел гром, хлынул проливной ливень. Мокрые с ног до головы, едва переведя дух, они забежали в Алин дом, что был на краю деревни. Аля заметила, как пронеслась мимо отца. Взглянув, тут же закричала:

– Папка, папа! Мы от медведей убежали!

– Не может быть! – усмехнулся отец.

– Да, я видела! Их было много!

– Дядя Семен, – говорила Любашка: – Такие страшнущие! Они нас съесть хотели! – верещала, всхлипывая подруга.

– Там два медвежонка! Они играли в прятки и нас заманивали! – доказывала дочь.

– Не может медведица подойти близко к деревне! Да еще с детенышами.

– Там медведи, медведи! – голосили девчонки.

– Ну, ладно, ладно, – сказал отец, направляя ружье за плечо. – Схожу, погляжу.

Вспомнив, что все собранные Любашкины ягоды остались в лесу, девчонки заплакали.

– И ягоды рассыпали, и туфли потеряли!

– Попадет мне от мамы! – вздохнула Аля.

Вскоре из леса вернулся отец. Снимая с плеча ружье, он сказал:

– Никаких медведей там и близко не было. Никаких следов нет. Просто испугались грозы.

Подруги долго не могли забыть этот день. Ничего они не рассказывали деревенским ребятам, которые просмеяли бы их на всю деревню. Не зря ведь говорят: у страха глаза велики.

КОГДА СНЯТСЯ ОЛЕНИ

воспоминание

Я слушаю песню. Она протяжная, тоскливая, то зовет в дальнюю дорогу, то мчится на оленьих упряжках как вихрь....

Поет хантыйскую песню пожилая, умудренная жизненным опытом женщина.

Семья Хунзи в Нижневартовске многим хорошо известна. На всех национальных хантыйских праздниках они выступают в полном составе семейным ансамблем. Вместе с ними обязательно танцуют и поют их дети, внуки. И всегда рядом – мама Светланы Андреевны Хунзи Елена Ефимовна Кельчина, по мужу Тогачева.

Родилась она в 1924 году за Уралом, в оленьих стадах, в своем родовом стойбище. В это время жители Шурышкарских мест, пастухи оленьего стада, ездят на весновку и все лето живут на стойбище, пасут оленей. Родители Елены Ефимовны перебирались туда ранней весной и только глубокой осенью уходили со стадом оленей обратно, в Шурышкарский район.

Судьба у этой женщины непростая. В семье Кельчиных было семеро детей, пятеро сестер мал-мала меньше и двое братьев. Молодых парней забрали на войну. Елена часто задавала матери один тот же вопрос, куда увезли братьев, а мать качала головой и отвечала:

– Война идет, воевать увезли.

С этим страшным известием так и жили. Старший брат вернулся с фронта раненым, но живым. Младший отдал свою жизнь за победу и погиб без вести, в каких боях, где, место это неизвестно.

Родители ее всю жизнь были трудовыми людьми. С ранних лет, как помнит себя Елена, жили они без отца. Их воспитывала мама. Отца арестовали в конце 30-х годов, и никто уже не видел его в родных краях. Как рассказывала мама, случилось так, что однажды часть оленей погибла при невыясненных обстоятельствах, и все беды приписали отцу, ведь он был бригадиром оленеводов. Будто он специально наворожил, чтобы олени не вернулись домой. Его осудили за шаманство на длительный срок, больше он на родном стойбище никогда не появился, сгинул, как в воду канул.

Мать всю жизнь тянула на себе трудовую лямку. Вынесла все невзгоды. Как не верить советской власти? Нельзя даже было думать, не то чтобы защитить отца ее детей. Чтобы они остались живы, чтобы не навредить никому, женщина-труженица, как могла, преодолевая болезни и голод, зной и холод, ранней ли весной или поздней осенью, работала от зари до зари. Никто в семье не видел, когда она спала или отдыхала. Слыла она великой мастерицей. Создавала красивейшие узоры, расшивала хантыйскими орнаментами любую вещь, будь то малица или кисы, сах или национальное платье, обшивала своих и со-

седских детей, успевала выполнять все заказы, которые получала от знакомых или родственников. Люди ценили ее золотые руки. Мать всегда была в красивом наряде. Видя это, люди упрашивали сшить им такой же.

Как вспоминает дочь Елены Ефимовны Светлана Хунзи, бабушка была самой красивой женщиной. Ее белый сах, длинные звонкие косы, гордая осанка, миловидное лицо, с которого не сходила улыбка. Люди говорили: «Какая богатая». И вправду, глядя на эту красивую женщину, невозможно было догадаться, что она одна воспитывала детей, везде и всюду была боевитой и энергичной.

Вот и Елена Ефимовна вся в свою маму. И красотой взяла, и работоспособностью, и умом. Это сегодня болят у нее руки и ноги, плохо стала передвигаться. Все оттого, сколько себя помнит, все время была в работе. Многому Елена Ефимовна у мамы-рукоделицы научилась. Будучи маленькой, выполняла обязанности по дому и стойбищу. Куда мама, туда и Елена. Что мама делает, она рядом всегда, помогает ей. Мама кроит, Елена шьет. И первую в своей жизни маленькую куклу Елена сшила сама.

С тринадцати лет начала в колхозе работать. Рыбачила, сено метала в стога, зимой на заготовку дров ездила. Оленями управляла ловко, не страшны ей были любые расстояния, доставляла почту, перевозила рыбу. И хотя теперь они были не личными, как раньше, а перешли в подчинение колхозов, удовольствие доставляло держать в руках хорей. Когда перегон начинался нескольких тысяч оленей со стойбищ – вот где раздолье... К каждому оленю свой подход надо было иметь, чтобы он тебя слушал. Кого-то погладить, на кого-то прикрикнуть. Не зря говорят ханты: без оленя человек сирота. Они и сейчас ей часто снятся.

Так и пережили войну ударным трудом. Многие тогда не вернулись с фронта, погибли, и надо было работать за семерых. Страшные болезни тоже пережили. Очень много людей умерло тогда от тифа, который выкосил половину стойбища... Жили, спасаясь трудом.

Пришло время, и работающую Елену заприметил местный рыбакохотник Тогачев из Мужей. Сосватал. Появилась семья, Елена Ефимовна воспитала семерых детей.

Дочь Светлана и сын Аркадий, у которых она живет, тоже родились в хантыйских юртах. Поэтому, наверное, все в руках у них спорится. И шить, и кроить, и орнамент выложить бисером, все умеют. Мастера, как и их мама. Научила, когда платье шьют, чтоб ни лоскуточка лишнего не осталось. Желает детям одного: чтобы соблюдали традиции и обычаи своего народа.

Муж Елены Ефимовны слыл на весь район удачливым охотником. А дочь добавляет: «За хорошую охоту моего папу земляки прозвали: «Шоул верты ху», что значит: большой охотник на зайцев. Вместе с другими охотниками уйдут в тайгу, он всегда приносил богатую добы-

чу: весь обвешан разной дичью, и обязательно зайцами... Когда приезжаем в родные места, спросят: чья ты дочка, – скажу: Шоул верты ху, – головой кивают: твоего отца мы хорошо знаем».

Род Тогачевых издревле у хантов считался княжеским. Прадед, говорят, был очень богат, бывало, на нескольких лошадиных подводах товар возил на ярмарки в Тобольск, Березово, добирался до самой Москвы. Благородной рыбой да серебристыми мехами удивлял. Сам он был неграмотный, но родовую печать ставил умело, поскольку каждая хантыйская семья имела тамгу – родовой знак, а у Тогачевых преклонение отдавали знаку лисы: Юрта их из поколения в поколение передавали. Был прадед хорошим рассказчиком, поскольку общался со знающими людьми, столько порасскажет, как придет. Это потом уже было раскулачивание и все вытекающие отсюда последствия...

Большая жизнь у Елены Ефимовны за спиной, много трудностей позади, но свою судьбу она считает счастливой. Грамоте ей учиться не пришлось, но к ее мудрым советам прислушиваться в семье будут, сколько себя помнить. Потому что было детство, рядом родители, и – олени. Гордые властелины тайги.

– Эх, дали бы мне оленей, вновь вернулась бы в свою молодость, – улыбается Елена Ефимовна и запекает тоскливую гортанную песню на родном языке про быстроногих красавцев.

Когда человек рождается, маленькая девочка куклу себе шьет, слово судьбу выбирает. Не только кукол жизни, но и узорчатые орнаменты молодых оленей Елена Ефимовна расшивает, – каждый позавидует, – гладит она рисунок, и светлеют при этом ее глаза, добрая улыбка на лице. Надется, продолжат ее дело внуки и правнуки. Появятся и у них когда-то олени...

Прощаясь со мной, она кланялась и желала всем нам долго жить. Жить, и жить счастливо.

Светлана ЛИХАЯ

ПРОДОЛЖЕНИЕ СУДЬБЫ

Ее подруга предала,
Как прежде Каин брата,
И трещину любовь дала,
Надежная когда-то...
И вот, мятежная душа
В ответ на гнев Господний,
Все отвергая и круша,
Несется к преисподней.
И стыд, и память сожжены,
Ослеплены зеницы:
Клеймо обманутой жены
Сменил венец блудницы!
Теперь иной тянуть ей гуж,
Коль нечисть верховодит, –
Теперь чужой лукавый муж
Украдкой к пей приходит.
Она при встрече весела,
Ни в чем не обвиняет,
Но будто лодка без весла,
Кружит, ведь сердце знает:
Не свить из грешных уз гнезда,
Как ласточке из глины.
И рвет покорные уста
Улыбка Магдалины...
Проводит гостя и замрет,
Ссутулит зябко плечи.
На ключик дверь свою запрет,
Затеplit тихо свечи.
Знаменье крестное творя,
Шепнет чуть слышно: «Отче...»
И вспомнит: дверь монастыря
Не заперта до ночи.

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ

Открыты царские врата пред нами,
Святой огонь сияет от свечи...
Кругом опять расставлены во храме,
Цветные яйца, пасхи, куличи.
Еще темно, но солнышко играет,
Играет всеми красками небес
И радостно друг другу повторяем:
– Христос воскрес!
– Воистину воскрес!

КОЛОКОЛА

Хорошо на колокольне
Позвонить в колокола,
Чтобы праздник был раздольней.
Чтоб душа запеть могла.
Будто Ангельское пенье,
Этот дивный перезвон
Светлым гимном Воскресенья
Зазвучал со всех сторон.

НА ТРОИХ

рассказ

Накрывшись с головой, Вовка неподвижно лежит с закрытыми глазами. Он старается уснуть, но это ему не удаётся. В той же комнате, рядом с его постелью, за столом сидят трое: отец и два соседа. За свою пятилетнюю жизнь Вовка научился понимать часто произносимые отцом и его приятелями слова – «на троих». Вот и сегодня отец вернулся с работы в сопровождении двух соседей. Когда после короткого разговора Вовка услышал тихо произнесённое «на троих», у него сжалось сердце: опять будут выпивать, шуметь, а то и подерутся... потом мама будет плакать.

Вовка прислушивается: он хорошо усвоил последовательность происходящего. После первой бутылки разговор оживляется, участники компании становятся весёлыми, и кто-нибудь под одобрение двух других предлагает сбежать в магазин, чтобы «повторить». Тут же слышится голос матери и громкий крик отца: «Не твое дело!» В наступившей затем тишине, пока двое терпеливо ждут возвращения из магазина своего собутыльника, Вовка стал засыпать. Но сон его быстро прерывается, он вздрагивает от разразившегося смеха – допивается вторая бутылка.

Далеко за полночь компания выходит на улицу, нарушая тишину. Вовке уже не уснуть: вернувшись, отец кричит на мать. Раздаются материнские рыдания. Вовка тоже начинает плакать: ему жаль маму.

Это повторяется в те дни, когда отец работает в утреннюю смену. Но хорошо, когда он на заводе в вечернюю смену. Утром, когда он трезв и мастерит что-нибудь по хозяйству, он непременно позовёт Вову, объяснит, покажет, приобщит его к «мужским» наукам. А Вовка и рад: интересно быть рядом с папой.

Однажды в выходной день отец взял Вову в парк покататься на каруселях, а потом они ели мороженое, и на рынке отец купил ему плюшевую игрушку, о которой давно мечтал Вова. Покатались на каруселях, зашли в кафе. Заняв столик, отец заказал пирожное с кремом. Неожиданно к отцу подошёл незнакомый мужчина, показал три пальца, одновременно кивнул. Отец тут же вскочил, велел Вове никуда не уходить. И тут Вовка услышал страшное слово: «на троих».

Оставив все нетронутым на столе, он стремглав помчался домой, к маме. Бежал, запинался и плакал. Его преследовали ужасные слова: «на троих», «на троих».

– Что с тобой? – прижав к себе сына, спросила мать. От ласковых слов и маминых рук он успокоился и уснул. Вскоре домой пришел отец.

Взволнованным голосом спросил:

– Вова дома?

– Спит. Случилось что?

Не раздеваясь, отец подошёл к кровати, наклонился, погладил вихрастые волосы. Затем устало сел на стул. Перед ним промелькнули события дня: прогулка по парку, кафе, и неожиданное исчезновение Вовки.

– Не заболел бы, еде-еле успокоила, – услышал он голос жены.

Посмотрев на нее, на мирно спящего сына, он закрыл лицо руками.

– Брошу я это дело «на троих!» – сказал после долгого молчания.

СЕБЯ – ТО ЖАЛКО

рассказ

Миша весь день мастерил что-то в своей комнате. Плотно закрыв за собой дверь, он стучал, резал, пилил, завязывал... и – сделал рогатку. Хорошая получилась рогатка: с туго намотанной резинкой, подкрашенной синей шариковой ручкой. Нужно немедленно испытать! Но дома стрелять нельзя, да и не в кого. Наскоро натянув куртку, Миша быстро выскользнул на лестничную площадку. Вприпрыжку спустившись с третьего этажа, он тут же, в подъезде, увидел мишень. Это был кот.

– Вот удача! – радостно воскликнул Миша. – Не успел выйти из квартиры, а уже можно пострелять!

Вытащив из кармана рогатку, вложил в нее камень, он нацелился в кота. А кот даже и не думал убегать. Сидел и вылизывал свою блестящую шерстку.

– Не боишься? – спросил, глядя на кота, Миша.

Кот потянулся и, лениво зевнув, посмотрел на мальчика.

– Ах, так! – воскликнул мальчик и... выстрелил.

Но, к своему удивлению, промахнулся. Камень рикошетом отскочил от стены и угодил ему в живот. Согнувшись от боли, бросил на ступеньках рогатку и выбежал на улицу.

У подъезда сидела бабушка. Увидев взъерошенного и плачущего внука, обеспокоено спросила:

– Мишенька, внучек, что случилось? Кто тебя обидел?

– Да это все проклятая кошка! Из-за нее все, – разрыдался Миша.

– Я из рогатки выстрелил, а камень от стенки отскочил – и мне в живот, – продолжал, хлюпая носом.

– А эта блохастая кошка... Она даже не убежала...

Бабушка нахмурила брови:

– Так ты в кошку стрелял?

– Не знаю, может, в кота...

Миша взглянул на бабушку в надежде, что она пожалеет его. Но вместо этого она, сурово взглянув, спросила:

– Так значит... себя-то жалко, а кота нет?

Всхлипывая, внук опустил голову.

ПОХИТИТЕЛИ

рассказ

Все началось с того самого несчастного понедельника, когда Егор схватил по русскому, аж две двойки подряд. Правду говорят: понедельник – день тяжёлый!

Денис Смирнов и Егор Мельников сидели в прескверном расположении духа у подъезда.

– Да... – тоскливо вздохнул Егор.

Смирнов из солидарности тоже вздохнул, да так старательно, что закаплялся.

– Сегодня родительское собрание, – уныло продолжал Мельников. – Ох, и будет мне дома!

– Мне тоже будет. У меня троек пять по английскому, переводить не умею, – утешил друга Смирнов и хлопнул его по плечу.

От этой небольшой встряски мозги Мельникова заработали в другом направлении...

– Денис, давай стащим журнал из учительской и переправим наши оценки!

– А если поймают?

– А про родительское собрание ты забыл? – напомнил ему Егор.

И друзья решились.

В учительской было тихо. Бордовые шторы на окнах пропускали мало света, и там царил полумрак. Страшно! Для полноты картины не хватало каких-нибудь душераздирающих звуков, но у наших друзей и без того коленки тряслись.

Егор вытащил из ящика журнал 5-го «Б», и вот незадача, замок нечаянно захлопнулся. Мальчики растерянно посмотрели друг на друга.

– Как же положим журнал обратно? Ведь ящик-то теперь не отккрыть? – чуть заикаясь, проговорил Егор.

И тут зазвенел звонок!

Закинув журнал на шкаф, Денис с Егором опрометью бросились из кабинета.

После уроков 5-й «Б» попросили зайти в учительскую.

– Дорогие учащиеся, – трагическим тоном произнес директор, – произошло неприятное событие: пропал ваш классный журнал. И это в конце учебного года!

Директор надел очки.

– Кто взял журнал? – спросил он грозно у притихших ребят.

Все молчали. Денис посмотрел на шкаф – журнал лежал на самом краешке, грозя вот-вот упасть.

– Может, его взяли инопланетяне? – робко предположил Женька Рогожкин, помещенный на «Секретных материалах».

– Я вас серьезно спрашиваю! – директор в сердцах стукнул кулаком по шкафу.

От сильного толчка журнал, хлопнув страницами, как крыльями, свалился на голову разгневанного директора. Тот изумленно посмотрел на журнал, упавший сверху, сунул очки в карман и задумчиво произнес:

– А, может, и инопланетяне...

Толкаясь, 5-й «Б» вышел из учительской.

– Хорошо, что журнал нашелся! – счастливо вздохнула отличница Настя Самойлова.

– Угу, – угрюмо согласился Егор.

– И что все оценки сохранились! – продолжала Настя.

– Ага, – неприязненно буркнул Денис.

Позже неудачливые похитители сидели на своей излюбленной скамейке у подъезда.

– Ну, что делать-то будем? – спросил Денис.

– Что-что... Оценки исправлять! – грустно ответил другу Егор и углубился в учебник русского языка.

Вздыхнув, Денис достал из портфеля учебник английского.

ЖАР-ПТИЦА

сказка

На краю деревни жила-была девочка, которую звали Любавушка. Тебе, наверно, дружок, это имя кажется немного необычным? Ты скажешь, что девочек сейчас так не называют. Но ведь эта история произошла очень-очень давно, тогда, когда твоя прапрабабушка была маленькой девочкой и ходила, как и ты, с косичками. Любавушка была умница-разумница, за что ни возьмется, все в руках у нее так и горело. И спечет, и сварит, и лён посест, и полотно отбелит, и рубашку бисером разошьет. А уж как грибы да ягоды собирать умела.

Как-то раз пошла Любавушка в лес за ягодами. Набрала целую корзину, а ягод в лесу видимо-невидимо. Сорвет одну ягоду, а другая с куста подмигивает: мол, сорви и меня. Припозднилась Любавушка. Уже и темнеть стало.

И вдруг, что за чудо? Небо огнем запылало. И на полянку опустилась птица красоты невиданной. Любавушка так и замерла заморожено. Впервые увидела она Жар-птицу. Слышать-то слышала, но чтобы увидеть воочию... Глаз с нее не сводит. А Жар-птица подлетела к корзинке Любавушки и – ягоду клевать. Клюет, поклюет и на девочку глянет, поклюет, и вновь на Любавушку посмотрит. Словно спрашивает: можно ли еще ей ягод отведать?

Поклевала ягод и на куст вспорхнула. Сидит, красуется. Головку то в одну сторону наклонит, то в другую. А вокруг нее такое сияние, – глазам больно. Посидела, посидела, и вдруг расправив крылья, взлетела. Заревом лес озарила. А Любавушка, забыв обо все на свете, за ней следом бросилась. Бежит, ног под собой не чувствует. Да и как же такую красоту из виду потерять?

А Жар-птица летит в чашу лесную, непроходимую. Но не страшно девочке. Ничего вокруг не видит, только о Жар-Птице и думает. Вдруг птица как сквозь землю провалилась. И сразу темнота со всех сторон окружила Любавушку.

Никогда не приходилось Любавушке быть так далеко от дома. А лес вокруг стеной стоит, неподалеку филин ухает, цапля болотная выпью кричит. Оглянулась по сторонам девочка, и сердце у нее замерло. Одна она в лесу. И Жар-птицы нет. Может, привиделось? Заплакала Любавушка. Но слезами горю не поможешь. Надо тропинку домой искать, из лесу выбираться.

Долго блуждала по лесу девочка и вышла на край леса. А на краю леса избушка на курьих ножках стоит. На пороге старушка сидит. Странная такая старушка. Платок повязан почти по самые глаза, а из-под платка космы грязные торчат.

– Здравствуйте, бабушка, – поздоровалась Любавушка. – Не укажете ли мне дорожку домой? Я заблудилась.

– Здравствуй, девонька, здравствуй, милая. Заблудилась, говоришь? – прошамкала старушка, – ну, что ж, утро вечера мудренее. В избушку проходи, гостьей будешь. Я пока посплю, а ты похозяйничай. Печку истопи, да кашу свари. А потом видно будет.

Залезла старушка на печку и захрапела.

Догадалась девочка, что к Бабе-Яге попала. Но деваться некуда. Не найти ей ночью дорогу домой.

Прошла Любавушка в избушку. Темно в избушке, хоть глаз коли. Смотрит, на столе клетка стоит, грязной тряпицей покрытая. Сдернула Любавушка тряпицу, и сразу же избушка светом озарилась.

– Так вот ты где живешь, красота невиданная, – прошептала девочка, заморожено глядя на Жар-птицу. Как же ты в неволе -то оказалась? Бабе-Яге попалась?

Молчит птица, только краем глаза на нее смотрит. Вздохнула Любавушка, набросила на клетку Жар-птицы тряпицу и за дело принялась: печку истопила, кашу сварила, в избушке убралась, нашла холст льна, отбелила да сарафан Бабе-Яге новый сшила. А потом баньку истопила, Бабу-Ягу разбудила, выкупала, в сарафан новый обрядила да космы ее заплела.

Преобразилась Баба-Яга, милой старушкой стала. Сидит на печке, ноги свесила и в осколок зеркала любит. А из зеркала на нее глядит опрятная бабуся. Подобрела Баба-Яга после бани:

– Спасибо тебе, девонька, сто лет косточек не парила. За доброту твою и тебе добром отплачу.

– Ничего мне, бабушка, не надо. Скажи только, как к тебе Птица-Жар попала? Выпусти ее на волю, свободу ей дай.

Приздумалась Баба-Яга. Жалко ей с Жар-птицей расставаться.

– Ну, уж ладно, уважу я тебя, девонька, отпущу птицу. Давно она у меня в услужении. Лет сто тому назад Кошей Бессмертный мне ее подарил. Сослужила она мне службу хорошую. Много людишек в избушку заманила. А впридачу дам тебе сундучок с приданым девичьим.

И подала Баба-Яга Любавушке сундучок маленький. Счастливой дорожки ей пожелала да тропку до дому указала.

Идет по тропочке девочка, па избушку Бабы-Яги оглядывается. Тут небо заревом озарилось, то птица красоты невиданной в небо взметнулась. Прибежала домой Любавушка, сундучок открыла, а там приданое сказочное, жемчугами унизанное. Да не до приданого Любавушке, дни и ночи о Жар-птице думает. Хочется ей еще раз на красу невиданную взглянуть. Да видно единожды дано счастье людям Жар-птица влетела.

Дни идут за днями, месяцы за месяцами, в года складываются. Выросла Любавушка, девушкой милою стала.

Но вот однажды огнем горница Любавушки вспыхнула. То в горницу к ней Птица-Жар влетела. Влетела, посреди горницы села и к

ногам Любавушки яблоко золотое положила. Онемела от счастья Любавушка, слово вымолвить не может. А Жар-птица перо золоченое из крыла своего вынула да рядом с яблоком положила. А потом вверх взметнулась и вдали потерялась.

ОТКУДА БЕРУТСЯ ДЕТИ?

сказка

На крыше старого заброшенного замка пара аистов свила себе гнездо, в котором и вылупился герой нашей истории – аистенок.

Каждый день аисты летали на ближнее болото за лягушками, а малыш – аистенок, свесив голову из гнезда, с интересом изучал простирающийся перед ним мир. А там было на что посмотреть: бегали мохнатые звери, издающие странные звуки – Гав-гав, звучно гудели большие жуки – Би-би, и какие то непонятные существа, в странных одеяниях, с не менее странными крыльями, копошились внизу.

Вернувшись с болота, аисты кормили своего сына лягушками, которых приносили в своих крепких клювах.

Однажды, плотно пообедав, аистенок поинтересовался у родителей:

– А что там движется внизу, – и громко так говорит: – Гав-гав?

– Собаки, – произнесла мама – аистиха.

– Что такое собаки? – спросил аистенок.

– Надоедливые звери, – сказал папа-аист. – С ними лучше не связываться, толку от них никакого, только гавкают. И нам, аистам, нет до них дела. Не зря же мы, аисты, говорим так: « Собака лает, ветер носит».

– А что там за большие жуки, что так громко гудят: – Би-би?

– Это не жуки, а железные коробки с какой-то гудящей штукой внутри. Они не живые, их сделали люди, – вновь пояснил папа-аист, – Вот люди, те занятные существа. Очень занятные.

– Люди? – продолжал интересоваться аистенок. – Выходит, они очень умные, эти люди, да, папа?

Папа-аист задумался:

– Ну, как тебе сказать? Они, конечно, не глупы. Но не так умны, как мы, аисты.

– А откуда берутся эти люди? – вновь поинтересовался аистенок.

– Из детей, – пояснила мама-аистиха.

– А откуда берутся дети? – не унимался аистенок.

– Говорят, что их приносят аисты, – как-то неуверенно ответил папа-аист.

– Ой, как хорошо! – воскликнул аистенок, – Тогда сейчас же принесите мне одного!

И так топнул своей тоненькой ножкой, что гнездо зашаталось.

– Принести? – удивилась мама-аистиха, – И зачем он тебе нужен?

– Как зачем? Папа же сказал, что их приносят аисты. Вот и принесите мне этого люди! И немедленно, слышите, немедленно! – не успокаивался аистенок.

– Ну, хорошо, хорошо. Только не кричи так громко, – успокоила его мама-аистиха, – папа сейчас принесет.

Папа-аист щелкнул от досады клювом, но все же не стал спорить со своей супругой. Взмахнув крыльями, полетел к ближайшему дому, где на днях видел младенца, спящего в колыбельке.

Колыбелька стояла у раскрытого окна, рядом дремала утомленная бабушка. Осторожно подцепив клювом пеленки, папа-аист полетел в свое гнездо. И так же осторожно приземлившись, положил кричащего младенца посередине гнезда.

– Какой же он голенький, неоперившийся! – почесывая свой клювик, разочаровано протянул аистенок, – А где же у него крылышки?

– Их нет, – буркнул папа-аист.

– Как нет? А как же мы с ним будем учиться летать?

– Никак, – вмешалась мама-аистиха, – ведь папа тебе уже сказал, что у него нет крыльев.

– А чем же он тогда так машет?

– Это такие хваталки.

– Хваталки? – удивился аистенок. – А для чего они нужны?

– Люди берут ими еду, а потом кладут себе в рот.

– А зачем он так громко кричит?

– Наверное, есть хочет.

– Скорее принесите ему лягушек, да побольше!

– Я полетел за лягушками, – сказал папа-аист, распрямляя свои длинные ноги.

– Да, да, папочка и побыстрее! – поддержал отца аистенок.

– Ну, уж нет. Лишний рот нам совсем ни к чему, – решительно сказала мама-аистиха и, подхватив клювом сверток, полетела к дому, из которого отец принес ребенка.

Влетев в комнату, она аккуратно уложила младенца в колыбель. Бабушка все еще дремала. Не спал только старший брат малыша. Слегка приоткрыв глаза, он увидел, как мама-аистиха подлетела к колыбельке с младшим братиком в клюве и положила малыша.

– Значит, бабушка сказала правду, что детей аисты приносят, – произнес он, – а я ведь ей не верил.

– Как хорошо, что я не люди, – думал в это время сидя в гнезде аистенок.

КАК ПОЯВИЛИСЬ ЯЩЕРИЦЫ

сказка

Жил-был на свете трехголовый Змей Горыныч. Горыныч как Горыныч. Как и все остальные Змеи извергал пламя, имел такие же чешуйчатые лапы, тот же длинный зеленый хвост и был такого же большого роста. Словом, он был такой же, как и все. Такой да не такой. Ему хотелось иметь только одну голову. И быть не такого большого роста, каким он был. Не хотелось быть Змеем Горынычем. Не хотелось, и все тут! Не хотелось обитать, как остальные Горынычи, в недрах гор и глубоких пещерах. Хотелось видеть солнце ясное, солнце ласковое.

А в темном-темном лесу жила Баба-Яга. Ей тоже, как ни странно, не хотелось быть Бабой-Ягой. Никого в печь она не сажала, никого не ела, а только собирала разные целебные травы и варила из них зелья. Этими зельями она лечила заболевших или попавших в беду зверюшек.

Бывало, попадет в капкан охотника серый волк, Баба-Яга тут как тут со своим зельем. Поможет выбраться ему из капкана, смажет больную ногу, пошепчет колдовское заклинание, смотришь, нога уже не болит. И он, преданный, лижет руки своей спасительнице. Или выпадет из гнезда птенец, Баба-Яга уже торопится на помощь. Поднимет с земли птенца, исцелит раствором, посадит в гнездышко, смотришь, он уже и щебечет, благодарит Бабу-Ягу за доброту ее. И зачем делать ей добрые дела, если от этого нет для нее никакой пользы? Ведь настоящая Баба-Яга должна все делать только для себя. А эта делала для других. Странная, очень странная была эта Баба-Яга!

Как-то варила Баба-Яга целебное снадобье и вдруг раздался стук в дверь. Открыла она и очень обрадовалась: на пороге стоял ее старый друг Змей Горыныч. Пригласила Баба-Яга его к столу, накормила пирожками с малиной, напоила чаем с целебными травами. Обычно она ела настоящие колдовские яства: жабью икру, суп из мухоморов и поганок, да киселем из тины болотной запивала, а Змей Горыныча потчевала ужами запеченными, сморчками маринованными да слизнями болотными. Но Баба-Яга и этот Горыныч любили теперь обычную человеческую пищу и были ей очень довольны.

Попили чай, сидят, разговаривают. Неожиданно Змей-Горыныч залился слезами. Всполошилась Баба-Яга:

– Что с тобой, Горынушка? Что с тобой, милай?

– Эх, Ягушечка, – говорит ей Змей-Горыныч, – надоело мне пламя извергать да людей своим большим ростом пугать. Надоело трехговым быть! Про кого сказки страшные рассказывают? Кем по ночам детишек малых пугают? Мною – Змеем Горынычем: «Вот прилетит Змей Горыныч, унесет тебя в страны далекие!» А если я никого обижать не хочу? Если сердце у меня доброе? – и пуще прежнего залился бедный Горыныч слезами горючими.

Слезы потоком хлынули из глаз его, весь пол залили в избушке Бабы-Яги. Гладит Баба-Яга Горыныча по голове, успокаивает:

– Не плачь, Горынушка! Я что-нибудь придумаю.

Задумалась Баба-Яга. Долго думала и решилась:

– Помочь я твоему горю, Горынушка, могу. Есть у меня такое зелье, которое рост уменьшает. Но вот беда, нет такого зелья, которое три головы в одну превращает...

– А нельзя ли, Ягушечка, попробовать сделать его? – сквозь слезы спросил Змей-Горыныч, – век благодарен тебе буду...

Согласилась Баба-Яга. И стали они с Горынычем зелье варить. Варили они его, варили, долго мучились – и зелье вышло на славу! В состав его вошли слезы самого Змея Горыныча, жабья икра, зубы кентавра, волосы Златовласки, скорлупа от яйца динозавра, мышинный помет, кожа змеи, мертвая и живая вода, пух из перьев Жар-птицы и лепестки цветика-семицветика. Славное вышло зелье, славное...

Выпил его Змей Горыныч и пропал...

Испугалась Баба-Яга, мечется по избушке, Горыныча зовет:

– Горыныч, милай, где ты?

Молчит Горыныч, не отзывается. Отчаялась Баба-Яга, думает, погубила она друга своего любезного.

Вдруг из-под стола голос послышался:

– Здесь я, Ягушечка, здесь, душечка!

Заглянула Баба-Яга под стол, а там ящерица сидит, маленькая такая ящерица, зелененькая.

– Ты ли это, Горынушка? – спрашивает она шепотом бывшего Горыныча.

А ящерица головкой кивает:

– Я, Ягушечка, я, душечка...

Тяжело вздохнула Баба-Яга, на руки ящерицу взяла, а та ей на плечо влезла и «спасибо» на ухо прошептала.

Сергей ЛУЦКИЙ

ОСКОЛОК ИМПЕРИИ

рассказ

Участковый Плесовских копал картошку, когда услышал недалекий выстрел.

Удивляться, в общем-то, было нечему – охотничий сезон на водоплавающую птицу уже открылся. Настораживало другое: стреляли близко. Хотя и это можно было объяснить – озера и старицы подступали к поселку вплотную. Как раз на них опускались пролетающие утки.

Когда спина участкового под адидасовской курткой уже взмокла, ударила калитка на тугой пружине.

– Опять кого-то черти несут, – проворчала жена Лена, распрямляясь и глядя в сторону дома. Неполное ведро картошки покачивалось в ее руке, обтянутой грязной резиновой перчаткой. За почти десять лет службы Плесовских она так и не привыкла, что к мужу могут обратиться в любое время. – Гос-с-поди, греческая смоковница!.. Опять у нее проблемы.

В голосе Лены слышалась чисто женская неприязнь. Мало того, что идущая от калитки Машка Сардакова напропалую гуляла, так весной у нее еще умер ребенок. Выполз вечером за порог и угодил в лужу. За ночь вмерз в нее. Машка в это время спала пьяная.

– Евгений Сергеевич, – еще издали заговорила Сардакова льстивым голосом, – вам из сельсовета дозвониться не могут. У Батаева чэпэ. Осколок империи его медведя застрелил... То есть Ефим Егорович Сигильетов медведя застрелил.

То, что почти у каждого здешнего жителя была кличка («погоняло» – говорила молодежь), Плесовских знал. Знал и то, что многих называли по имени-отчеству не из уважения, а потому, что иначе легко было запутаться в многочисленных членах нескольких хантыйских родов, проживающих в поселке.

А вот почему Машка Сардакова заговорила таким голосом, он мог только догадываться. Машка закодировалась и уже третий месяц не пила. Ее даже взяли техничкой в поселковую администрацию, где она по совместительству выполняла обязанности посыльной.

«На всякий случай прогибается, – подумал Плесовских. – Похоже, ненадолго ее кодирования хватит...». Сильно пьющих участковый не любил, и в поселке это хорошо знали.

Через несколько минут он – уже в форме и с официальным выражением лица – шагнул в сторону рыбокооповского магазина. Низкорослая Машка Сардакова едва поспевала следом. Что, впрочем, не мешало ей без умолку тараторить.

– Этот Ефим Егорович вообще оборзел. Считает, все ему можно. Отец рассказывал, он такой крутой раньше был! Если олени в колхозе пропадут, сам воров находил, милицию вызывать не надо. Всем говорил, скоро коммунизм наступит, нужно только хорошо работать и не пить. Приколно, ага?.. Совсем одичал на своем стойбище! За что медведя застрелил? На него даже нефтяники приезжали смотреть. Медведь, как негра увидел, так забился в угол клетки, испугался. Нормально, ага?..

Машка забежала сбоку, искательно заглядывая Плесовских в глаза. «Точно, сорвется скоро», – понял тот. С негром, инженером российско-американской нефтяной компании, действительно вышло смешно. К русским и ханты, которые частенько останавливались возле клетки, медведь привык. А вот черного человека увидел впервые. Мужики потом рассказывали, что медведь дрожал, прикрывался лапой и даже обделался. Может, привирают. Но негр обиделся, это точно.

– Правильно журналист его тогда назвал – настоящий осколок империи. Додумать надо, лучше всего для хантов-колхоз! Вот придурок!.. Мы что, дети, чтобы на нас всю дорогу давить? Воспитатели!.. Мы как люди жить хотим, свободно. Чего нас воспитывать, этого нельзя, того нельзя... Я правильно говорю, Евгений Сергеевич?

Об истории с журналистом Плесовских тоже слышал. Несколько лет назад – он еще здесь не работал – приезжал корреспондент из Москвы и попросил, чтобы его познакомили со старожилом из аборигенов. Что-то там ему для экзотики нужно было. Дед Сигильетов как раз находился в поселке, с ним и познакомили. О чем они разговаривали, никто толком не знает. Только потом в поселковой администрации корреспондент качал головой и советовал внимательно присмотреться к старику. Не приемлет демократических преобразований. Может на других плохо повлиять. Даже не из застойных времен человек, а какой-то сталинист отпетый.

– Вы как представитель власти поддерживаете меня, Евгений Сергеевич? Хант тоже человек, свобода выбора у него должна быть. Жить надо, как хочешь. Согласно общечеловеческим ценностям. Я правильно понимаю?..

Плесовских покосился на нее. «Наслушалась телевизора... Сегодня и запьет, – окончательно уверился он. – Как раз зарплату в администрации выдавать будут». То ли специалисты в райцентре были слабые, то ли еще по какой причине, но на поселковых кодирование практически не действовало. Начали пить по-новой, когда хотели.

У рыбкооповского магазина стояла внушительная клетка, сваренная из армированных прутьев. Внизу ее темнела непонятная издали грудка. Рядом топтались несколько мужиков, курили и негромко переговаривались.

– Здравствуй, Сергеич, – вроде бы по-свойски, но в то же время уважительно протянул руку фермер Батаев. Это был мужчина средних лет с бледным лицом, по виду язвенник. – Ерунда какая-то вышла, Сергеич. Думал пристрелить мишку по снегу, а видишь, опередили. – Батаев просунул ногу в белой кроссовке между прутьями и толкнул темно-коричневую грудку, оказавшуюся мертвым медведем. – Что сейчас с ним делать? Какая в сентябре шкура?.. Больше провозишься.

Плесовских тоже просунул в клетку ботинок с высокой шнуровкой и толкнул колыхнувшуюся массу. Казалось, медведь спит. Крови видно не было, лишь пологий лоб над полуоткрытыми глазами был мокрый, будто по шерсти потекло масло.

Мастерский выстрел.

– Кого-нибудь подозреваете? – как полагается, спросил Плесовских. Медведь принадлежал Батаеву, хотя фермер и держал его не на подворье, а рядом с магазином. Здесь постоянно крутились дети, подкармливали медведя хлебом и дешевыми конфетами.

– Я вообще-то не видел, а вот мужики ... – заговорил Батаев. Глаза у него бегали.

Он был совсем непрост, этот человек, знающий, чего хочет от жизни. Раньше Батаев, участковый слышал, заведовал местным отделением зверопромхоза, принимал у хантов пушнину, обеспечивал их боеприпасом и платил зарплату. А когда зверопромхоз прикрыли, он не запил, не слонялся без дела, как многие промысловики, а подался в фермеры. Под это дело районная администрация давала хорошие ссуды.

– Так кто стрелял?

– Да вот говорят... Мужики, кто?

– Осколок империи. Он.

Участковый помолчал.

– Будете заявление писать или договоритесь между собой?.. Чего так водкой-то несет? – Плесовских повернулся к мужикам.

Те задвигались и отступили на шаг.

– Мы чего... Это от мишки, он пьяный был.

– Поили, что ли?

– Граммультку. Сам попросил.

Батаевский медведь был чем-то вроде бесплатного цирка в поселке. Кто его приучил к водке, неизвестно, но пил он с большой охотой. Обхватывал обеими лапами поллитровку, сгрызал крышку и, обливаясь, урча и закидывая голову, тянул из горлышка. Захмелев, вел себя, как шутливый мужик – ревел и пробовал раскачать клетку. Плесовских однажды сам видел.

– Ну так что? Решили?

Фермер потер ладонью шею, помялся.

– Тут вот такая ситуация, Сергеич... Медведь, конечно, мой, но подарил его дед Сигильетов. Так что вроде как и его тоже... – Батаев глянул в сторону мужиков. Лицо у него светилось честностью. – А с другой стороны, охоту открыли только на утку и гуся. До районной инспекции дойдет, спросить могут, где, мол, были. На ваших глазах происходило. Не знаю даже...

Плесовских усмехнулся. Хитрован! И рыбку, значит, съесть, и на хер сесть. Ладно, посмотрим.

– Пошли, – бросил он и зашагал от магазина.

Мебель в избушке Сигильетовых была убогая. Непокрытый стол, две табуретки, железная койка в углу... У порога сидела на корточках старуха и стирала в корыте с мятыми боками.

Плесовских много раз приходилось бывать в домах местных жителей и каждый раз у него начинало саднить сердце, когда он видел эту бедность. А ханты, казалось, не придавали этому никакого значения.

– Здравствуйте, – поздоровался он. Батаев держался на полшага сзади.

Худой, высокий старик (он сидел, но рост был виден и так) повернулся и посмотрел на них большими и мутными за стеклами очков глазами. В руках он держал какие-то листки.

– Здравствуйте, – с достоинством отозвался старик и снял очки, к которым вместо дужек была приспособлена резинка. Хохолок седых волос остался торчать на затылке. – Из-за мишки пришли? Я музей разговариваю. Сиди здесь, Антонина.

Антонина, красивая румянолицая хантыйка, устроившаяся перед стариком на табуретке, неуверенно посмотрела на Плесовских и сделала было движение подняться. Участковый успокоил ее:

– Ничего, ничего. Мы подождем.

– Участковый тоже говорит, сиди, – довольный тем, что Плесовских не стал проявлять власть, отозвался старик. – Участковый уважает музей.

Плесовских сдержанно улыбнулся:

– А почему бы не уважать?..

Антонина, директор краеведческого музея, ему нравилась. Мало того, что симпатичная, так еще толковая, недавно окончила институт в Питере. Не так часто это среди здешних жителей случается. Досадно было лишь то, что девушка отчего-то сторонилась его. Хотя своего отношения к ней Плесовских никак не демонстрировал.

– Тогда я покурю во дворе, – торопливо сказал Батаев и с готовностью прошмыгнул бочком за дверь, стараясь не задеть стирающую старуху.

Дед Сигильетов прищелкнул языком и насмешливо развел руками.

– При советской власти тоже плохой люди был. Однако ханта за бутылку работать не заставляли, – проговорил он, явно имея в виду Батаева. – Сейчас можно, сейчас пожалуйста... Здесь я молодой. Тысяча шесть штук белка добыл. Фотографировали, грамота давали, отрез на костюм давали. – Он протянул Антонине пожелтевшую вырезку из газеты.

В отличие от большинства поселковых, говорил Сигильетов с сильным акцентом. Чувствовалось, всю жизнь провел в лесу, а русский выучил в детстве, когда жил в интернате, и успел с тех пор его изрядно подзабыть.

– Ты просила, я стойбища привез. Возьми газету музей, пусть музей будет. Кому отдам? Умру скоро. Грамоты тоже бери, много дали.

Антонина осторожно приняла ветхую вырезку, негромким, волнующим Плесовских голосом сказала:

– К верхним людям торопиться не надо. Торум всех в свое время позовет.

– Э, Торум! Я в Торума не верю, нет его.

– Ваши отец и дед верили, почему вы не верите?

Девушка быстро посмотрела на Плесовских. По всему чувствовалось, присутствие участкового сковывает ее. Она вдруг перешла на хантыйский язык, и выражение лица у нее стало таким же, как в избушке Натускиных. Упрямым и замкнутым.

Тогда случилось то, что Плесовских до сих пор понимал плохо. Грамотный человек, пять лет в Ленинграде прожила, а... Бабка Натускина умирала от старости. Она пережила всех своих детей, внуки перебрались в Покачи, и присмотреть за ней было некому. Когда Плесовских вместе со специалистом по соцзащите поселковой администрации (это она подняла тревогу) вошли в избушку, от смрада невозможно было дышать. В тряпье на полу лежала высохшая мумия и слабо постанывала.

«В дом престарелых отправим, – заявила специалист, грудастая громкоголосая женщина. – Хоть помогут и накормят». «Не надо, – сказала Антонина, ее взяли с собой переводчицей. – Я буду за ней ухаживать». – «Она твоя родственница?» – «Нет. Она от русской пищи умрет». Специалист обиделась: «Чем наша пища плохая?.. Ты еще шамана вместо фельдшера позови».

Директор музея упрямо наклонила голову: «Не надо ей мешать. Ханты лучше умирать дома. Так всегда было». – «Ты это серьезно? – округлила глаза специалист по соцзащите. – Сама тоже лечиться не будешь, если прижмет?..». Антонина промолчала. Приводила она кого-нибудь в избушку Натускиной – чем черт не шутит! – камлать над старухой или нет, Плесовских не знает. Но до самой смерти бабки ходила к ней. В дом для престарелых так и не дала отправить.

– Торум! Торум!.. Витька, – возбуждаясь, быстро заговорил по-русски и стал совать в руки Антонины какие-то фотокарточки дед Сигильетов. Он поглядывал на участкового, словно призывал в союзники. – Пьяный был, облас перевернулся, Витька утонул. Нет мой сын!.. Вовка, дочка муж, ноги отморозил, отрезали. Дочка его кормит, пенсию один пропивает, протезы ходить не хочет. Хорошо?.. Тоже возьми, стеклянный ящик положи. Внук чегырнадцать лет, костер зимой зажечь не может, мордушку поставить не может, пить водку – может!..

Антонина опять что-то сказала по-хантыйски. Старик досадливо хлопнул себя по коленкам, деланно засмеялся. Чувствовалось, ему, пожилому солидному человеку, не полагается так горячиться в разговоре, особенно с женщиной, но уж очень, видно, за большое задела Антонина.

– Раньше молодые были, меня боялись, председателя боялись, милиция боялись, – с трудом подбирая слова, но все же по-русски отвечал он, поглядывая на Плесовских. Вены на его худой шее вздулись. – Сейчас никого не боятся! Воруяют, пьют, баня не ходят. Трахома еще нет, вши есть, туберкулез есть. Это хочешь назад было? Как дед жил и отец жил? Такой Торум надо?..

Спокойствие давалось Антонине нелегко. Ее румяное лицо покраснелось еще больше, стало пунцовым. Она тоже заговорила по-русски:

– Были туберкулез и трахома, это правда. Но душа у ханты была живая, царь и купцы ее не могли убить. А коммунисты хотели нашу душу уничтожить. Это хуже, чем туберкулез и трахома.

Похоже было, что и она говорит это не столько для того, чтобы возразить деду Сигильетову, сколько для участкового.

– Ты тогда не жила, откуда знаешь?! – вставая с койки, закричал старик. – Почему говоришь?! – И перешел на хантыйский.

Он, видимо, сказал что-то оскорбительное, потому что молчаливая старуха у порога замерла, не вынимая из корыта мокрых рук, а Антонина вскочила с табурета и, мотнув полами городского плаща, стремительно вышла за дверь.

Плесовских чувствовал себя неловко, будто присутствовал при семейной ссоре. Дед Сигильетов достал из кармана мятую пачку «Примы» и закурил. Руки у него прыгали.

Участковый переложил с колена на колени папку из кожзаменителя, кашлянул. Нужно было работать. Однако старик заговорил первым:

– Как ребенок, мишка был, маленький сын. Оленя молоко ему на стойбище давал, из соски поил... Витька утонул, Вовка ноги отрезали, внук учиться не хочет, водку любит – нет родных...

Из путаного рассказа можно было понять, что в позапрошлом году кто-то из дальних родственников оставил у старика на стойбище медвежонка. Мать убили в берлоге, а недельного сосунка

пожалели. Дед Сигильетов к нему привязался. Пока было можно, держал на стойбище, потом подросший медведь стал пугать оленей. Пришлось привезти в поселок и отдать фермеру – в лес мишка уходить никак не хотел.

– Еду поселок – хорошо, радуюсь! Мишка увижу, поговорю, ласковый мишка, всё понимает... Витька пил, Вовка пьет, внук пьет. Приехал – мишка пьет! Лес жить не хочет, ягода есть не хочет, берлога спать не хочет. Пить – хочет! Зачем такой зверь?..

Досада и горечь в голосе старика были такие, что Плесовских не сразу спросил:

– Так вы его за это застрелили?

– Да! – с изумлением, словно удивлялся, что можно было поступить по-другому, подтвердил старик.

– Ружье зарегистрировано?

– Регистрировано.

– Документ где?

– Стойбище лежит.

Плесовских кивнул на старую, с вытертым ложем тулку на стене:

– Оно? Из него стреляли?

– Да, – простодушно сказал старик.

Плесовских поднялся, снял с гвоздя ружье, переломил пополам. Из стволов резко пахло порохом.

– Пока у меня побудет. Документ привезете, верну. Порядок должен быть.

На лице у деда Сигильетова мелькнула обида, но он тут же согласно закивал головой:

– Да, да, порядок! Понимаю!..

Плесовских удовлетворенно кивнул. Со стариками работать легко, у них еще пресняная закваска. Надо так надо. Это молодежь по пустякам лезет в бутылку. Наслушаются телевизора...

Ни во дворе, ни на улице Батаева видно не было. «Жучара, – подумал участковый. – Смылся... Потому, наверно, и язва у него – все думает, как бы выгадать».

Плесовских тоже знал, что на дальних протоках на Батаева рыбачат несколько поселковых ханты. Пушнину сейчас сбывать тяжело, а рыбу в городе продать можно. Денег Батаев хантам не платит, рассчитывается водкой. Тех это, видно, устраивает – с заявлением никто не обращался. Да и есть ли сейчас такая статья, чтобы за это привлекать?.. Другие времена.

А насчет тулки он, Плесовских, правильно сделал. Как бы старик за сородичей не принял. Пьющих в поселке с избытком. Прошлой весной, во время межсезонья, когда связь с городом была только вертолетом, Плесовских пришлось взять в осаду одну из избушек. Там засел пьяный хант с ружьем и налил во всех подряд.

«Ты, главное, горячку не пори, – сказал по рации начальник районной милиции, тертый калач, прослуживший на северах добрых два десятка лет. Рация трещала и подвывала. – Не вздумай штурмом брать. Ты следи, чтобы никто ему водку не носил. Протрезвеет, сам сдастся». – «Товарищ полковник, может, группу захвата?.. Застрелит еще кого-нибудь. И к власти неуважение». – «Ага, сейчас я тебе вертолет со спецназом отправлю, – спокойно сострил начальник райотдела. – Ты где служишь? Умей находить с аборигенами общий язык. Привыкли, понимаешь, на большой земле... В общем, действуй. В смысле, не пори горячку. Само должно устаканиться».

Вышло так, как и говорил полковник. Хант протрезвел и вышел из избушки безоружный. Покорно молчал, когда Плесовских надевал ему наручники. Так же покорно сидел в вертолете, склонив к коленям взлохмаченную, давно не стриженную голову. Впору было пожалеть его, если бы этим же рейсом не увозили в город двух раненых.

«А может, не мешать деду? Он сейчас на взводе, пусть разберется с алкашами, как считает нужным...», – мелькнула мысль. Плесовских тотчас прогнал ее. Мало того, что криминал, так ведь еще и не поможет.

Работа, что ли, в поселке для хантов появится? Зверопромхоз восстановят? Или водкой в рыбокопьевском магазине перестанут торговать?.. Нет, правильно сделал, что забрал тулку. Правильно.

Серенький денек к обеду разгулялся. За рекой горел золотом красивый, как у Левитана, березовый колок. Редкие осины бросались в глаза густым свекольным цветом. Вода с заливных лугов сошла в этом году поздно, и хозяйева спешили запастись сеном. По противоположному низкому берегу ползала казавшаяся отсюда маленькой сенокосилка, звук тянувшего ее шестиколесного «муравья» был едва слышен.

«Посуху картошку докопаю», – с удовольствием подумал Плесовских, шурясь на пробивающееся солнце. Подбросив плечом сползающий ремень тулки, он заспешил домой.

Возле краеведческого музея участковый придержал шаг. Здесь стояли вывезенные с заброшенных стойбищ лабазы на высоких столбах с хитроумными – от мышей – вырезами. Рядом просторно расположились летние и зимние хантыйские жилища – приземистые, крытые берестой или плотно обложенные дерном. Чуть в стороне виднелся широкий загон с дымокуром, вокруг которого, участковый знал, олени спасаются летом от гнуса.

Общий тон этих экспонатов под открытым небом был неброским, серым. И, наверно, оттого, что стойбище выглядело забытым, каким-то обездоленным, казалось: время здесь остановилось. А если и движется, то едва заметно, как сочится густая кедровая смола, наглухо запечатывая и чешуйки коры, и неосторожного муравья, и случайно коснувшегося крылом комара.

Сейчас острота уже не та, а раньше Плесовских чувствовал себя здесь так, словно смотрел по видеку фильм про взеземную цивилизацию. Чуждое все и непонятное. Другой мир. Другая, непохожая жизнь.

«Интересно, а какими русские в первый раз хантам показались? – вдруг подумалось ему. – Бородатые, с длинными лицами, круглоглазые... Черти! Точно, черти!..»

Участковый усмехнулся.

Из обшитого вагонкой административного здания музея вышли Антонина и молодые учителя – муж и жена, тоже националы. Как и Антонина, одеты они были в непривычные для поселка длиннополые светлые плащи, но разговаривали по-своему. И совсем не смутились, не перешли на русский, когда увидели участкового. Судя по всему, учителя заходили в музей, чтобы всем вместе отправиться на обед.

Подавленной после разговора с дедом Сигильетовым Антонина не выглядела. Но Плесовских все равно захотелось сказать ей что-нибудь хорошее, ободряющее.

– Вы меня, Антонина Акимовна, в прошлый раз, честно сказать, поразили! Не каждый в наше время согласится ухаживать за беспомощным старым человеком, верно? Да к тому же еще чужим!..

Поравнявшись с молодежью, Плесовских прищурился, заулыбался. Он немного рисовался. И эти слова, и игривый прищур – всё для Антонины. Она ему все-таки нравилась, хотя рассчитывать женатому человеку здесь было явно не на что. Не девушка – кремень.

Учителя и Антонина с интересом посмотрели на него.

– Вы про Дарью Прохоровну?

– Ну да, про Натускину.

Молодежь переглянулась.

– А вы бы своего Бояна в дом для престарелых сдали?

– Бояна? – Плесовских сдвинул фуражку на лоб, комично почесал в затылке. – Если хороший баян, не сдал бы. Сам бы играл!

Девушки засмеялись, парень с редкими жесткими усами снисходительно усмехнулся.

– Вещий Боян, это из «Слова о полку Игоревом». Слышали о таком? – Молодое высокомерие к не слишком грамотному менту чувствовалось в его голосе.

– Приходилось.

– Дарья Прохоровна для нашего народа все равно, что для русских Боян или для греков Гомер. Она сказительницей была. Про нее в учебниках написано. Вы хотите, чтобы мы такого человека сдали в богадельню?..

Напористая молодежь. Новое поколение. Национальная интеллигенция, как в газетах пишут. Этим палец в рот не клади.

– А что же вы только о Натускиной позаботились? – заговорил он, понимая, что раздражаться сейчас нельзя. Но уж слишком бесцер-

монно вел себя молодой учитель. Да еще в присутствии Антонины. – Почему на алкоголиков не обращаете внимание, не боретесь? Почему не защищаете земляков, когда их в наглуую обманывают? Почему на счет работы вашего голоса не слышно?..

Парень пренебрежительно усмехнулся:

– Вы считаете, надо против ветра писать?.. Наш парод всегда пил. И ничего, многие столетия живет и жить будет. И купцы его всегда обманывали. Тоже не смертельно.

– Так ведь спивается же!..

– А это уж позвольте не согласиться. Не сопьется. Компенсационные возможности у ханты велики. У вас, например, сколько детей?

– Один, – помолчав, ответил Плесовских. Похоже, этот салага брал над ним верх.

– А у нас с женой трос. Хотя мы моложе вас.

«Может, зря мы в их жизнь лезем?! – в сердцах подумал участковый. – Может, пусть живут, как хотят? Пьют, детей морозят, прохиндей пусть их обманывают!.. Другой мир, свои законы».

– Участковый! – вдруг закричали сзади истошным голосом. – Участковый! Осколок привязался!..

Плесовских обернулся. По улице бежали два или три подростка, за ними, заметно поотстав, Машка Сардакова. Она и кричала. Машка прижимала к груди куртку, под которой было что-то спрятано. Сзади всех ковылял старик Сигильетов и размахивал палкой.

– Отдохнуть по-человечески не дает. Осколок сраный! – От запыхавшейся Машки несло водкой. Волосы растрепались, на лице – праведное возмущение. Машка мотнула головой на разбегающихся между потемневшими брусковыми домами подростков, цепкой рукой перехватила бутылку под курткой. – Я их заставляю? Сами приходят!.. Задержи его, участковый, он убить меня хочет. Задержи, виноват будешь!..

От прежнего заискивания не осталось и следа. Наглая опустившаяся бабенка. К тому же малолеток спаивает.

– Завтра зайдешь ко мне. И чтоб трезвая! – жестко приказал Плесовских. Честно говоря, он был рад, что больше не нужно спорить с учителем.

Антонина и молодые учителя отвернулись, всем своим видом показывая, что происходящее их не касается.

– Да ладно тебе!.. – с пьяной фамильярностью Машка попробовала хлопнуть Плесовских по плечу. Она хотела сказать что-то еще, но оглянулась назад и припустила по дороге, громко матерясь.

На деда Сигильетова и в самом деле было страшно смотреть. Застывшее лицо со всклоченными седыми волосами, неистовый взгляд, побелели вцепившиеся в палку пальцы. Он пробовал бежать, но получалось это плохо. В конце концов дед добрал до участкового и остановился, трудно, со свистом дыша.

– Витька река утонул... – с паузами заговорил он так, словно искал защиты. – Вовка пьянка ноги отморозил... Внук оленя боится, умрет один лесу... Скажи, почему так?

Голос у старика делался все тише, плечи опускались, пальцы, сжимающие палку, слабели. Этот когда-то неукротимый человек уже не возмущался и не требовал, а только бессильно и горько недоумевал.

Он вдруг перешел на хантыйский. Плесовских ничего не понимал, лишь снова и снова отмечал знакомое «Витька», «Вовка».

И столько отчаяния и боли было в голосе старика, что Плесовских только смотрел на него и молчал.

Марьям МАМЕДОВА

КРАСОТУ УВОДИТ ВРЕМЯ

Максимы

- Годы берут свое, я – свое.
- Между парой влюбленных – Роман... Неужели он не понимает, что третий – лишний.
- Была настолько увлечена красотой природы, что не заметила, как мою красоту забирает время.
- Прежде чем спешить занять достойное место, подумай, достоин ли ты его.
- Любовь... Ты напоминаешь о себе каждый миг моей жизни.
- Любая женщина, как лягушка из сказки, снимая дома халат, выходит к людям царевной.
- Земная жизнь – короткое знакомство; небесная обитель – вечное.
- Хотелось бы родиться мальчишкой, а родилась с мужским характером.
- За удачей бежишь, бежишь, а она преподносится кому-то на блюде без всякого труда.
- «Съедобное» – на один раз.
- Имела терпение, но его не хватило, как и денег в кармане.
- Жизнь дорога? Конечно! Ее каждое мгновение поднимает ставку на себя.
- Много знает тот, кто меньше говорит.
- Между жизнью и смертью я выбираю время здравствовать.
- Люби свободу, но не давай ей властвовать над собой.
- Галактика такая огромная – как жизнь под микроскопом.
- Между прошлым и будущим есть настоящее наше творение.
- Иногда я с собою на «Вы» из-за непонятия себя.
- Прошлое – такое далекое... я купила бинокль.
- Жизнь меня вознаградила за хорошую роль в ней на сцене судьбы.
- Жизнь – клубок на руках судьбы, который распутывает время.
- Женщина с характером похожа на розу и необъятную звезду.
- По природе я – женщина, но оставила после себя мужские следы: обувь была не по моему размеру.

УЧИТЕЛЯ ДАВАЛИ МНЕ УРОКИ

Максимы

- Учителя давали мне уроки, за невыполнение которых наказывали оценками. Родители ставили меня в угол. Но жизнь делала это без всякого колебания: она принимала у меня настоящий экзамен жизни.
- Дорога... Кто-то вначале пути. Дорога... кто-то уже прошел.
- Жизнь изменилась, я – тоже. И мы не узнали друг друга.
- Сколько бы мы ни витали в мечтах, однажды придется приземлиться.
- Каждое появление младенца на свет – счастливая звезда, упавшая на землю.
- Если нет средств подарить любимому подарок, дарите улыбку друг другу.
- Ревность выходит из моды, получив статус ненависти.
- Мне не трудно выполнять твои желания, кроме одного: «Забудь обо мне».
- Ах, мгновения! Как мало их для счастья и как много для разлуки.
- Кому дело на успех, кому – курам на смех.
- Нет вдохновения – горе, душа – мертвое море.

ЛЕГЕНДА

Самые умные, самые красивые и самые сильные джигиты захотели быть бессмертными и отправились в кругосветное путешествие найти и выпить «живую воду».

Каждый из них во время путешествия встретил свою девушку. При виде ее красоты невозможно было устоять. Влюбившись в красавицу, джигиты отдали ей свои кольца и обещали жениться на ней, как только вернуться.

Шло время. Когда джигиты каждый в свое время возвращались домой, то на этом же месте встретили красавицу – теперь уже старушку. Забыв о своем обещании, они не стали искать красавицу.

Однажды старушка собрала всех джигитов вместе, вернула им кольца, которых невозможно было счесть. Они были как скопления звезд. Когда удивленные глаза джигитов были устремлены на старушку, она вздохнула и сказала: «Я – та красавица, которой вы дарили свои кольца и обещали на ней жениться, но больше не стали ее искать. Я сама нашла вас!»

Тут на глазах изумленных джигитов она снова превратилась в юную красавицу и сказала:

– Эх, вы, джигиты! Сколько таких, как вы, я буду еще встречать и отправлять дальше?!

– Кто ты, красавица? – спросили ее.

– Это я, Вселенная!

Светлана МАЙОРОВА

ДЕРЕВЕНЬКА МОЯ

Стоит деревенька моя:
Повыцвела и покосилась.
Вроде все те же дома...
Да что же с тобою случилось?

В домах-то живых стариков
Осталась самая малость.
Печаль, деревенька моя,
Во мне вызываешь и жалость.

А тянет, как прежде, туда,
Где босоное детство промчалось,
Где реки, леса и луга,
Где сказка повсюду являлась.

Где поле пшеницы цвело,
Где песня о Родине пелась...
Куда же все это ушло?
Куда же все подевалось?

Душа моя снова скорбит,
О прожитом и безвозвратном.
Так хочется в детстве побыть!
Так хочется в сказку обратно.

Стоит деревенька моя,
Повыцвела и покосилась.
Я с детством своим навсегда,
На вечные веки простилась.

ЕСЕНИНУ

Ты – моя Россия, вы – мои берёзки,
Плачете доселе по тому Серёжке.
Богом он прощённый. – Ведь его убили.
Как же его, дурня, женщины любили!..

Зря ли баламутом на Руси прослыл он?
Был ли шарлатаном или просто милым?..
– Не узнаем правды. Грязью всё зашито.
В нашей-то России, что ни свято – скрыто.

Эх, дружок Серёжка, как ты мне понятен.
За десятком осень много белых пятен.
И сегодня слышу, как душа страдала.
Но твоей эпохе боли было мало!

Плакали берёзки по твоей кончине.
«Не умру!» – кричал ты. Жив твой стих и ныне.
Русь многострадальной, видно, долго будет,
И увидит много выстраданных судеб!

Не попрошу у Бога много,
А попрошу лишь только то,
К чему небесная дорога
Ведет и трудно, и легко.

Спокойствия и покаяния,
Согласия в своей душе.
Все кажется, довольно просто.
Все просто. Но поймут не все.

Здоровье – это прикладное,
И счастье, и земной успех
Придут, как только ты прогонишь
Из сердца – зло, из мыслей – грех.

Павел ПЛЮХИН

** С юбилеем!*

РОДИТЕЛЬСКИЙ ДОМ

Неторопливый сельский день:
Сугроб, промёрзшая сирень,
Мерцанье у иконы свечки,
Две нары валенок на печке.
Пылают, щёлкая, поленья,
Плывёт по комнатам тепло
И я, во власти впечатлений,
Смотрю в промёрзшее окно.
Блестит среди узоров – льдин
Блик солнца,

словно апельсин.

А где-то рядом, за стеклом
У палисадника сугроб,
Январь,
бросающий в озноб...

А в горле ком –
мой старый дом...

СЕВЕР

И через год! И через пять
Вам Север песней будет сниться,
Тянуть к себе, колдуя, звать,
К снегам и топям возвратиться!
Жечь будут болью изнутри
Вас годы северные эти,
Стучать в висках, как глухари,
На устье Ваха на рассвете.
Здесь факела – крыла Жар-птицы –
Взлетают к небу из болот,
Вам Север песней будет сниться,
Поверьте, года не пройдёт!

АПРЕЛЬ

Может, явь, а, может, снится
Лёгкой песней звон капели,
И подснежника ресницы,
Что раскрыться не успели.
Щиплет лось брусничник горький,
Полный свежести и сока,
А в лучах весенней зорьки
Заалела гладь истока.
Я иду неспешным шагом
По тропе в таёжной чаще,
А в сугробе, под оврагом
Слышен ручеек журчащий.
Вразной поют синицы,
Упиваясь потепленьем,
Разве дома усидится
Этим тихим днём весенним!

ЛУННАЯ НОЧЬ

Взошла луна,
В реке разлив,
Тропинки свет
Меж берегами.
И млечный путь,
Его продлив,
Повис
Над сонными лугами!
Июнь.
Тепло, как от печи,
Струится жар,
И нет прохлады...

А в комнате –
Лишь треск свечи
И нежный вкус
Твоей помады...

БУРОВАЯ

Здесь трубы стучат
Километров на пять,
Пугая бельчат,
Не давая им спать,
Но пахнет теплом
От трубы нефтяной,
Что прямо в снегу
Пролегла к дожимной.
В снегах – облаках,
В белизне утопая,
Стоит на болоте
Краса – буровая!
Бригада, спеша
После вахты домой,
Кричит: «До свиданья!»
Своей буровой.

МИ-ВОСЬМОЙ

*Г.Кузнецову, одному из первопроходцев-
энергетиков посвящается*

Мы с тобою вдвоём
Обходили немало
Самотлорских дорог,
Мегионских болот,
По «лежнёвке» кружа,
Нам пурга подпевала,
Когда сутками ждали
Домой вертолёт.
До «кустов», буровых
По сугробам шагали,
Знали точно, что нам
Всё равно повезёт.
Уже годы спустя,
Вспоминали медали,
Но дороже нам был
МИ-восьмой вертолёт!

Сидит старушка на крыльце,
Рубли в ладошку собирая,
Сидит надломленно-немая,
С печатью горя на лице.
А мимо празднично народ
Цветы, торты в руках несёт,
Счастливой сытостью сверкая,
Как бы её не замечая...

Прости меня, чужая мать,
За всех твоих родных и близких,
Склониться хочется мне низко,
И плакать хочется,
Кричать...

О СЕБЕ

ироничное

Ещё не стар!
Не стопроцентно сед!
Ещё волнуют
Пушкин, Бунин, Фет!
И восторгаюсь
Женской красотой,
Хотя вопрос,
Конечно, не простой!
Уже не юн,
Но хочется запеть!
И длинный список:
Что
Хочу
Успеть!

Светлана ПУЗЫРЕВА

Дождь, как речка-перевертыш,
Выплеснул всю боль на город.
Словно месячный зародыш,
Сжалась я, внутри все стонет.
Вою вместе с непогодой,
Но без слез – глаза сухие.
Вырваться бы на свободу,
Распрямить больные крылья.
Зачарована тоскою,
Даже проблеска не видно.
Безнадежно любовью
Заменяется обида...

Разбросало солнце лучики
Во все стороны,
Обогрело нас своей радостью
Лето жаркое.
В жизни все у нас
Непринужденно – здорово,
Когда грусть в душе –
Улыбнись солнцу яркому!

На окошке моем
Появился подсолнух,
Ярко-желтый такой,
Да листы изумрудны.
Он кивает игриво
Мне своей головою,
Освещая пространство
Сквозь печаль непробудну...

Сколько вершин предстоит покорить,
Сколько тропинок еще не прошел,
Каждый ручей пробуй в брод перейти,
Чтобы понять, что мечту ты нашел.
Самую яркую в мире мечту,
Ради которой так хочется жить,
И каждый день воспевать красоту,
Следовать сердцу
И – просто любить!

Я смеюсь над собой,
Над бесплодием мысли –
Вроде ручка в руках,
А листок еще чистый.
В голове сплошной бред –
Все запутано, сложно.
Мне не нужен ответ,
Знаю, будет он ложным.

Мне надеть бы колпак
Разноцветный в квадратик,
И, как «клоун-дурак»,
Засмеяться, не плакать!
Пусть внутри все рыдает,
Подпевая погоде,
Боль никто не узнает –
Чувства нынче не в моде.

Я смеюсь и в улыбке
Губы нервно трясутся,
Словно струны на скрипке
Все никак не сойдутся...
Ум, смеясь, сочиняет
Рифму жизненной прозе
И, смеясь, погибает
От смешной «передозы»...

Мне не важно, какой
Цвет у бури в пустыне
И каков запах первой
Грозы в сентябре.
Мне плевать на вкус ночи
Пред зажженным камином,
Потому что все это неведомо мне...
Вы скажите, какой
Цвет у пыли, что люди
Ежедневно умело
Пускают в глаза,
А каким должен быть
Вкус у «дара на блюде»,
И какая на ощупь
Человечья слеза?
Не хватает мне слов,
Чтоб на ярком рассвете
Вдохом мысли заполнить
В пустой голове.
Ну, так надо ли знать
О каком-то там цвете
Какой-то там бури
В песчаной земле?...

Игорь СЕВЕРСКИЙ (КИРИЛЛОВ)

*К Пушкину А.С. 1799 года рождения
все ниже написанное
не имеет ни малейшего отношения.
Все совпадения случайны.*

АЙ, ДА СУКИН СЫН

Поэма

Холера, осень, Болдино, дожди.
Поникшей ржи несжатая полоска.
И в голове стальной пружиной
Вьется:
«Тепла не жди, да и добра
Не жди.
Живи, не верь, не бойся,
Не проси».
Откуда это в душу прилетело?
Забавно,
В эту осень то и дело
Осколки фраз вонзаются в мозги.
Как будто где-то был гигантский взрыв.
Вся мудрость предыдущих
Поколений
Отправилась скитаться по Вселенной,
Как яростный и пламенный призыв.
Призыв к потомкам, Богу?
В пустоту?
Мольба о помощи, а может,
Клич прощальный...
Как зябко, право слово, стало в спальне.
Пора вставать и падать
В суету
Привычных дел и тягостных забот.
Долги гнетут, торопят кредиторы...
А что в столице?
Сплетни да раздоры.
Любовь, измены, карты, ссоры,
Споры.
Пустых страстей густой
Водоворот.

По крайней мере, пишут так ему.
Наверное, пытаются утешить.
Мол, караван идет, собаки брешут...
Так далее, подобное тому...
А вот письмо – затеяли журнал.
Однако, нынче мода на журналы.
Зовут к себе, считают дельным малым.
Хотел им отказать,
Не отказал.
А вдруг да не откажутся платить,
Подумал вслух.
Да, деньги будут кстати.
Ведь надо как-то жить,
И вон с кровати.
Да, друг старинный лучше
Новых двух.

2.

Перо скрипит, рождается строка.
Доволен он –
Сегодня занят делом.
Но фраза, что недавно прилетела,
Застыла,
Словно пуля у виска.
Шумит, стучится, требует впустить.
Так пьяный путник ломится в ворота.
И нужно, хоть и страшно неохота
Вставать, идти ворога отворить.
Но путник что?
У печки враз заснет.
А эта – нет.
И ход привычный мыслей
Нарушен будет.
Скуксится и скиснет набор готовых строф.
И все пойдет,
Покатится куда-то.
Жуть берет.
Так лед бывает взломан половодьем.
Оковы рухнули.
И дерзостно, свободно
Река бежит вперед!
Вперед! Вперед!

3.

Вот и теперь шальная эта мысль
Ему твердит – живи, не верь, не бойся.
Твори, не прогибайся и борись.
И больше ни о чем не беспокойся.
Вот это жизнь!
Вот это, братец, жизнь!
А что же свет?
Долги, желанный чин?
Мужчине не пристало быть без чина.
А может, в этом кроется причина
Его хандры...
Одна из тех причин.
А как все было сладко и легко.
Слегка прогнулся...
Ножкой шаркнул лихо.
Он помнит, как мгновенно стало тихо.
Как было удивленье велико.
И как внезапно сразу стал любим.
А все вокруг твердило и бурлило.
О, как же ты нам всем необходим.
Взойди же, наше новое светило.
И, кажется, доволен был сатрап.
Что все довольно мило завершилось.
Что все свершилось, и скажи на милость,
Каков арап, чудесный наш
Арап.

4.

А тут опять – не бойся, не проси.
Таких не любят, как таких не любят.
Их быстро забывают, быстро губят.
Творят такое – Господи, спаси...
Но поздно, право поздно причитать.
Ему уже доподлинно известно,
Что будет дальше...
Мыслям будет тесно.
На жизнь, на свет, на ласку –
Наплевать.
Вдруг захотелось что-то почитать
Из своего,
Да, да – из Годунова.
И он прочел: «Вначале было слово!»
И удивился...
Начало светать.

ГЛАВА 2.

Царствование Александра II. (Освободителя).

Первая треть.

1.

Халат, чубук, свеча чадит.
И жить не радостней с годами.
Того гляди – вперед ногами
Уж понесут, душа болит.
Увы, не нужен никому,
Судьбина выбросила фортель.
Не нужен даже Бенкендорфу,
«Мой друг, мир праху твоему».
Что книги?
Встали в стройный ряд,
Друг друга подперев боками.
Молчат, не спорят с дураками.
Есть, пить не просят,
Не горят.
Что деньги?
Нет их, как всегда,
Но нет долгов,
Уже не занимают.
Да, дети, правда, навещают.
Но очень редко – вот беда.

2.

Что Натали?
Она молчит.
Не суждено ей стать Ланскою.
На мир в окно глядит с тоскою,
Там солнце зимнее горит.
Что Государь?
Он увлечен реформой
Да еще девицей.
Нельзя им, правда, пожениться,
Но это все им нипочем.
Нам повезло, он не дурак.
В России это, право, ново.
Того глядишь, свободу слова
Дарует нам.
Гражданский брак,
Суд независимый,
Свободы.
Совсем с ума сойдут народы
От этих вольностей...

Чудак.
Свои убьют, сотрут, сомнут.
Им это дело так знакомо.
«Да он опасней Пугачева,
наш Государь...»
Суров их суд. И наказание сурово.

3.

Читатель мудрый скажет:
«Что за бред?
Погиб поэт, нам год и век
Известен.
В рассвете лет погиб
Невольник чести.
И никаких сомнений в этом нет».
Все верно.
Лошади храпят.
Возок стрелой несется
К речке Черной.
Седок чуть задремал,
Вчера упорно он что-то сочинял
И плохо спал.
Вот, прикорнул.
Привиделось ему.
Усталость, грусть, забвение и старость.
Но он проснулся.
Где-то там остались
Свеча, халат.
Все кануло во тьму.

ГЛАВА 3.

(Наши дни)

Ну, вот, сбылось.
Я – памятник.
Стою
Здесь, на Тверском.
Заметьте, весь из бронзы.
Поклонницы кладут к подножью
Розы.
Кладут любовь и преданность
Свою.
Я возведен на мощный пьедестал.
Пред ним Москва торгует и
Клубится.
А мой народ на образ мой молиться

Уже готов.
Ну, вот вам финал
Финита ля комедия –
Я – Бог.
Такой разброс,
Что шире не бывает.
Сначала убивают, забывают.
А ныне – пресмыкаются у ног.
Поют осанну, издают труды.
Портреты, улицы, музеи.
А я стою вот тут и бронзовею.
Посмертной славы сладкие плоды.

Меж тем, потомок умер в нищете.
Он не был ни гуляка, ни бездельник.
Но прожил жизнь он
Как-то «мимо денег».
Сгубил талант
В тоске и суете.

2.

Довольно странно мой народ живет.
Чтоб он ни делал – поздно или рано
Власть над собой он отдает тирану
И славу деспоту без устали поет.
Потом грустит, на кухнях водку пьет.
Ворчит и ковыряет пальцем рану.
Свободы ждет...
Что ж? Поздно или рано
Священный миг свободы настает.
Но не надолго, новая заря
Народу дарит нового царя.
Да, Саша Пушкин.
Ай, да сукин сын.
Не повезло тебе, Mon sher,
С народом.
Зачем в жестокий век
Восславил ты свободу.
На кой она свобода эта им?
И без нее наш доблестный народ
Веками припеваючи живет.

3.

Так он стоял и думал
О народе,

О Родине своей и о свободе.
А также о превратностях судьбы.
О бунтарях, пророках
И тиранах.
В Москве была жара,
И утром ранним
Асфальт дымился
И ловил следы.
Как это просто –
Свой оставить след.
Лишь надо пробежаться
Утром знойным
По мягкому асфальту,
И довольно.
И дальше жить, не зная
Ни мук, ни бед.
Не зная зубов насмешницы судьбы
Глухих утрат,
Коварства славы поздней.
А нужно лишь легко и грациозно
Повсюду разбросать свои следы.
И вот он – памятник:
Разбитым каблукам,
А также старым
Сношенным подошвам,
Солдатским сапогам и босоножкам.
Всем нам минувшим
И грядущим нам.

Елена СЛИПЧЕНКО

НА ПРАВОМ БЕРЕГУ ДНЕПРА

На правом берегу Днепра – гроза!
А левый тихо ждёт её прихода...
Забыв про всё, закрыв на миг глаза,
Я захожу по щиколотки в воду.
Как долго из Сибири поезда
Стремилась расстояния измерить,
Камыш, песок и синяя вода,
Я здесь – и не могу в это поверить!
Ведь только здесь мечтаю и маня,
Осталась детства твёрдая опора.
Я чувствую, как вечность ждёт меня,
Но, к счастью, мы с ней встретимся не скоро.

Доступное жильё – очередной обман!
А мы с тобой который год без крова...
Кредитов кабалу и долговой капкан
Нам предоставить Родина готова!
Нет плюсов никаких у съёмного жилья –
Чужие и обшарпанные стены...
В них умерло давно понятие «семья»,
Я иногда с тоской смотрю на вены,
И может быть, но ним прошлось бы остриё,
Никчёмность нищей жизни обрывая.
Но ТЫ моя любовь – бессмертие моё,
Я даже в нищете с тобой живая...

КАЗАНТИПУ

Разобрали танцпол у меня на глазах,
Ночи в Мирном становятся всё длинней,
Залегла тишина в постоянных дворах.
Казантип, я не вижу твоих огней!
Белоснежные яхты отплыли вчера,

Исчезают машины в пыли дорог,
И на пляже находят приют до утра
Те, кто всё здесь оставив, уехать не смог.
Перед долгой дорогой в кафе «На углу»
Заправляется пивом усталый ди-джей
Скоро к осени мы попадём в кабалу.
Казантип, я не вижу твоих огней!
Разбредётся по странам великий народ,
Шум танцполов заменит осенний прибой.
Я прощаюсь и чувствую, как целый год
Буду жить предвкушением встречи с тобой...

КОГДА МЕНЯ НЕ СТАЛО

Я помню миг, когда меня не стало.
Примерно за пол года до весны.
Ты рядом под защитой одеяла
Смотрел свои загадочные сны .
Тогда казалось нам, любовь – причуда,
Но разорвав тоску осенней тьмы
В ночи возникла мысль из ниоткуда:
МЕНЯ не стало, появились МЫ.

РАДУГА НАД МОРЕМ

Отъезд из Крыма кажется мне горем,
Проводники спешат раздать бельё,
Я вспоминаю радугу над морем
И радуюсь, что видела её.
Мы часто помним только огорченья,
И светлых впечатлений рвётся нить,
А я одно вчерашнее мгновенье,
Боюсь, уехав, навсегда забыть.

Я С ТОБОЙ

Я не уверена ни в чём,
Притих мой ангел за плечом,
Пусть спит ребёнок неземной,
Он так намучался со мной.
В потоке радостей и бед
Он был со мной все тридцать лет.
Мы подождём, и снова в бой,
Не бойся, милый, я с тобой...

ДАВНЯЯ ИСТОРИЯ

рассказ

Я проснулась оттого, что какой-то болван во дворе надрывно выкрикивал моё имя. Будильник показывал четыре тридцать утра. Всего два часа назад после подсчёта несметного количества воображаемых овец, выкурив полначки сигарет и вконец извертевшись на кровати, я всё-таки заснула. И вот, пожалуйста!

Причиной изнурительной июньской бессонницы ежегодно становятся «белые ночи». Солнце в это время года на нашей сибирской земле практически не заходит, а вместе с ним не спят и горожане. Насидевшись долгими зимними вечерами в квартирах и по кабакам, летом они «фестивалят» на улице до самого утра. К рассвету город выглядит так, будто сквозь него прошло вражеское войско. Ну, а жители первых этажей такие как, например, наша семья, становятся мучениками. Впрочем, тем, кто живёт выше, ненамного легче. От шума и воплей, сопровождающих массовые гулянья, нет спасения. Не помогают пластиковые окна, не спасают беруши, не действует снотворное. Единственный выход – веселиться вместе со всеми и, напившись до потери пульса, не реагировать уже ни на что. Но трудящихся этот вариант, разумеется, не устраивает, поскольку им нужно рано вставать. «Аааняя...» – в очередной раз проорали на улице. «Убью гада! – подумала я с тоской. – Кто бы ни был!!!».

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул отец. Тёмные волосы всклокочены, лицо сонное и недовольное. «Не спишь... – хмуро констатировал он. – Твой кавалер гарцует во дворе?» Это было уже слишком... Я вскочила с кровати и рывком отбросила занавеску. Однако! Такого мне ещё видеть не доводилось. Около подъезда, рядом с машинами соседей, стоял абсолютно реальный, гнедой конь. Его наездник выглядел, как персонаж из рассказа Тургенева «Бежин луг». Он восседал на коняге без седла, босиком, облачённый в старое трико и футболку не первой свежести. На фоне бетонных «хрущёвок» всадник смотрелся весьма живописно. Задрав физиономию, поросшую русой щетиной, он, как заклинание, вопил заветное имя Аня. «Мне, конечно, не помешал бы принц – сказала я отцу, – только не на коне! Минимум на «мерсе». А этот «красавец», кажется, вызывает к Аньке с пятого этажа». «Чего орёшь, Серый? – наконец отозвались наверху. – Весь двор перебудил!» Судя по интонации, Аня была не в восторге от своего визитёра. Зато он аж подпрыгнул от радости на лошадином крупе и взмолился к пятому этажу: «Анюта! Солнышко! Займи полтинник!»

«А без опохмелки никак? – задала риторический вопрос Анюта-солнышко, работавшая в общеизвестном баре «Кристина». – Сейчас сброшу, лови и исчезни отсюда!»

Спустя минуту мимо моего окна спланировала авоська, в которой, видимо, и заключался вождеденный полтинник. Босоногий мужик резво спешился, подобрал с клумбы сумку, затем снова вскочил на коня и исчез за углом магазина. Под перестук удаляющихся копыт мы с отцом обалдело переглянулись. «Всадник без головы хренов!» – буркнул батя и вышел из комнаты.

Я повалилась на кровать и, закрыв глаза, попыталась переварить информацию. С одной стороны, смотришь «телек» и убеждаешься, что сейчас двадцать первый век. Стремительное развитие компьютерных технологий, сотовая связь – все блага цивилизации. С другой стороны, выглянешь в окно и понимаешь, что ничего, в сущности, не изменилось. Русский человек, если ему нужно опохмелиться, коня в городе добудет, чтобы сгонять за деньгами. Как есть, в «триконах» и футболке, поскачет. Босиком. В этот момент я поняла, что сегодня уже не засну, и от всей души возненавидела нуждающегося в полтиннике.

Год спустя депрессивное затворничество, в которое я впала, будучи несправедливо уволенной с работы, нарушила тёзка с пятого этажа. Ане понадобилось срочно позвонить в бар, а её мобильник по закону подлости в этот вечер приказал долго жить. Пока Аня ругалась с кем-то по телефону, я размышляла над извечным вопросом, а не сходить ли за пивом? Перспектива была заманчивой. Когда соседка положила трубку, я посвятила её в свой замысел. Она внимательно посмотрела на меня и тут же разоблачила: «До сих пор страдаешь!» Отпираться было бесполезно. – «Вот сейчас возьмёшь пузырь пива, засядешь одна дома и будешь опять весь вечер размышлять над несправедливостью жизни. Лучше одевайся и пошли со мной в бар, сегодня моя смена». Я восприняла эту идею без особого энтузиазма. «Знаю, знаю! – перебила меня соседка. Тебя такие злчные места не прикалывают. Но это лучше, чем дуть пиво в одиночку и обливаться слезами».

Через пятнадцать минут мы пересекли пустырь и вышли на берег Комсомольского озера. Вообще-то Комсомольским оно называется официально, а в народе, вот уже лет тридцать, именуется Мёртвым озером. Что послужило причиной столь мрачного названия, неизвестно. Возможно, в его основу легла какая-нибудь хантыйская легенда, а быть может, тот факт, что раз в год милиция вылавливает в холодных водах озера очередного утонувшего бомжа. Так или иначе, никакие предрассудки не помешали какому-то предпринимателю выстроить на его берегу кабак под названием «Кристина», деревянный пирс и завезти два десятка лодок для водных променадов. Впрочем, планы бизнесмена простирались гораздо дальше, и он даже принялся выстраивать на берегу двухэтажный коттедж. Какое предназначение отводилось данному зданию, неизвестно. Либо хозяин хотел поселиться в нём сам, либо собирался соорудить из дома турбазу для лыжников,

которые зимой гоняют вокруг озера. Однако возведение в один прекрасный день прекратилось, и долгострой остался.

Самым интересным элементом приозёрного комплекса являлся списанный вертолёт, размалёванный цветочками, крокодилами и чебурашками. Вероятно, в один прекрасный день он должен был превратиться в оригинальное детское кафе, но что-то помешало хозяину воплотить свои мечты в реальность. Бывший покоритель таёжных небес доживал свой век па площадке перед кабаком, и намалёванные чебурашки постепенно выцветали на его боках.

Пройдя мимо всех этих достопримечательностей, мы поднялись по деревянным ступенькам и вошли в бар. В зале сидело несколько человек, негромко играло радио. Аня усадила меня за служебный столик и через минуту принесла кружку золотого прохладного пива. Я сделала несколько глотков и почувствовала, что жить становится легче.

Спустя некоторое время в бар вошёл молодой охранник, прошествовал к служебному столику, приземлился напротив, неприветливо зыркнул в мою сторону и гордо отвернулся. Ни тебе «здрасьте», ни «до свидания».

Минут через двадцать к нам подошёл мужчина лет сорока, в спортивном костюме и обменялся с охранником рукопожатием. Затем протиснулся мимо него к окну, сел напротив меня и без лишних предисловий спросил:

– Привет, водку будешь?

– В баре водку пить запрещено – опешила я.

– Пить её здесь можно, но только «втихаря», – сказал он, с хитрым выражением лица доставая что-то из-под полы спортивной куртки.

– А покупать, конечно, приходится в магазине. – Под столом глухо стукнуло. – Меня Серёгой зовут, я тут лодочником работаю.

Небритая физиономия Серёги светилась дружелюбным простодушием. Глаза у него были карие, бойкие и весёлые. Не опасен, решила я, и тоже отрекомендовалась:

– Анна – соседка и подруга вашей барвумэн.

– Ясно. Ну, так ты это... пить-то будешь? – и он многозначительно покосился вниз. Я вспомнила своего бывшего начальника и содрогнулась. Потом подумала о том, что завтра всё равно не на работу и утвердительно кивнула – «Наливай».

– «Наконец-то есть с кем пообщаться!» – обрадовался Серёга и заорал в сторону бара: «Анюта! Солнышко! Дай пару стаканчиков». И тут меня осенило: «Постой – говорю, так это ты в прошлом году, ночью к Аньке приезжал на коне? За полтинником!» – «Было дело» – подтвердил Серёга. Официантка принесла пластиковые стаканы и сок. Мой новый знакомый, не таясь, разлил водку, снова спрятал бутылку под стол и продолжил – «Просыпаюсь я под утро с бодуна. Плохо, не могу, денег – ноль, а бар уже не работает. Думаю, ближе всех живёт Анька. Меня трясёт всего, даже через пустырь пройти сил

нет. Вспомнил про коней, они у нас тут в недостроенном доме стояли. А я сам в деревне вырос. Ну, взял одного и поскакал к вам во двор». Мы выпили.

– Откуда у вас кони взялись? – удивилась я.

– Девчонки-малолетки привели из Старого Вартовска. Они здесь каждое лето детей катают вокруг озера – деньги зарабатывают. У них родители пьют, вот они домой не очень-то торопятся. Всё равно утром снова в город идти. В тот раз им пришла в голову «гениальная» идея переночевать в нашем долгострое. Я на них наткнулся, когда обход делал.

– Так ты лодочник или сторож?

– Вообще-то я здесь живу. На берегу возле пирса балок стоит, видела? У меня там кровать, обогреватель, всё как надо. Заодно приглядываю за территорией, мало ли что, мне шеф потихоньку доплачивает. Заглянул на стройку, вижу, лошади стоят, а в другом конце эти малолетки в кучку сбились, спят. Ну, я их оттуда вытащил. Вы чо, сдурели? – говорю. – Замёрзнете ночью. Дом бетонный у самой воды стоит. Привёл их к себе. Кровать, правда, одна, говорю, как хотите, так втроём и устраивайтесь. А сам в бар пошёл, здесь и досыпал на лавочке. Зато, когда очнулся, мне их конь очень пригодился!

Я вспомнила злополучное утро и промолчала. Странная штука – жизнь. Год назад я искренне желала, чтобы этот мужик навернулся где-нибудь по дороге со своей лошади, а теперь вот слушаю его и умиляюсь. Серёга снова протягивал мне стакан. «Кстати, – спохватился он. – Хочешь на лодке покататься?» Меня терзали смутные сомнения. – «А мы в воду не свалимся? Выпили всё-таки». Он рассмеялся: «Нет, конечно, пошли».

Мы оставили охранника в гордом одиночестве и вышли из бара. На улице было по-прежнему светло как днём. Город не спал. «Белые ночи» снова хозяйничали на его улицах. По бетонной дорожке вокруг озера бродили влюблённые пары и шумные компании – все навеселе. Народ энергично отмахивался от надоедавшей мошки. Мы прошли по деревянному пирсу, Серёга наклонился к воде и, ухватив за борт одну из лодок, скомандовал: «Забирайся». Я шагнула вниз и поспешила сесть – лодка ходуном ходила под ногами. Зато мой спутник хоть и был подшофе, весьма уверенно пробрался к вёслам и мы поплыли на середину озера. Когда-то в нём отражались таёжные берега, а теперь водная гладь стала зеркалом для шестнадцатиэтажных домов. Кстати, «шесналки», как их именуют в простонародье, являются неиссякаемым источником вдохновения для местных авторов. Однажды бард Шавкат Бадамшин возвращался из отпуска. Когда поезд подходил к городу, поэт увидел очертания бело-голубых высоток в рассветных лучах – так родилась душевная песня «Нижневартовск – белый пароходик». Впрочем, у творческих людей эти дома вызывают неоднозначную реакцию. Местная рок-группа «Час прилива» довольно долго и

успешно исполняла на концертах песню, которая начиналась со слов: «Посмотри, как раздумянилась заря, а зря! Мне всё небо заслоняют три дурацких «шеспаря». Что ж, тоже вполне справедливо.

Когда мы сходили на берег, солнце светило во всю, становилось жарко, часы показывали 4.30 утра. Я засобиравшись домой, и тут Серёга, видимо, решил окончательно произвести на меня впечатление. Оставив меня возле пирса, колоритный лодочник нырнул в долгострой и через пять минут вывел оттуда под уздцы того самого коня, только на этот раз осёдланного. «Шас мы тебя доставим домой красиво» – сказал он, довольный собой до невозможности. Я с сомнением покосилась в сторону животного: «Ты с ума сошёл, я же не смогу влезть на это чудовище!» Но Серёга был полон решимости: «Я тебе помогу, давай, на нём дети катаются, а ты паникуешь». Общими усилиями мы взгромоздили меня на коня, и когда он тронулся, я почувствовала, как заходили под седлом могучие мышцы. Я судорожно вцепилась в седло, и мы направились через пустырь к шестому микрорайону.

С тех пор прошло много времени, но я никогда не забуду изумлённое батино лицо в окне, когда он, но традиции разбуженный чьими-то пьяными воплями, вышел на кухню покурить и увидел, как я подъезжаю к дому верхом на лошади.

С моим новым знакомым мы дружили ещё несколько лет. Я устроилась на другую работу, встретила парня, но так же, как и Анька, периодически одалживала Серёге деньги на опохмелку. Надо отдать ему должное – он всегда возвращал занятую сумму. А однажды, устав ютиться в холодном балке на берегу озера, он собрал вещи и сошёл с нашего «белого парходика». Серёга попрощался и уехал в неопределённом направлении, но я до сих пор искренне надеюсь, что с ним всё в порядке.

Надежда ТКАЧУК

На юге снова зацвели тюльпаны,
А здесь еще снега, снега, снега...
Проталиною первой долгожданной
Украсилась, как лентою, тайга.

И краски прошлогодние сухие
В сухой поблекшей выцветшей траве
Не радуют. Терзает ностальгия
По первой ранней молодой листве.

Ознобом стылый ветер пробирает
С реки, едва лишившейся оков.
Все хорошо. Но только не хватает
Небесной сини, радуг и цветов.

«МОБИЛЬНАЯ» ЛЮБОВЬ

В мире сотовых телефонов,
Абсолютно свободных связей
Мой любимый сейчас «вне зоны»,
Недоступен... И мне неясно:

То ли что-то у нас неладно,
Допустил оператор сбой,
Или дома забыл зарядное,
Или счет не успел пополнить?

Извиняясь, автоответчик
Отложить разговор предлагает
Дозвонилась... И стало легче...
Видно, чувства мои проверяет.

То ли снег, то ли дождь,
То ли что-нибудь стряслось –
На душе опять тоска-непогодица.
Ни низка, ни высока
Эта самая тоска,
Стороной не обойдет,
Так уж водится.

Хоть крути, хоть не крути,
Нам уж не по пути,
Разбежалась с твоей
Моя дороженька.
Пусть кручинюсь да грущу,
Все равно тебя ищу,
Все исплакала глаза,
Стерла ноженьки.

То ли снег, то ли дождь,
Что-то, видимо, стряслось...

Послушай, не везде и не всегда
Вселенная тебе ответит «да».
Во избежанье разочарований,
За истину терпение прими.
В гармонии с собою и людьми
Постигнешь совершенство мироздания.
И каждый миг, что не напрасно прожит,
Душевное богатство преумножит.

АНТОЛОГИЯ ОДНОГО СТИХОТВОРЕНИЯ

Сергей ГОВЕРДОВСКИЙ

ОСЕННИЙ МОЛЬБЕРТ

Рябина в аллеях костры разложила,
Клубками тумана застелен рассвет,
Природа все краски свои подарила
На яркий осенний мольберт.

И в скверах опять пожелтели березы,
На клумбах нет прежней красоты,
И мерзнут на листьях прозрачные слезы
Последней осенней росы.

Гусиный косяк, над тайгой пролетая,
Гогочет прощальную песню свою,
И звуки ее, в облаках где-то тая,
Волнуют и сердце, и душу мою...

Николай КОЛЬЦОВ

МОЛОДЕЖИ НИЖНЕВАРТОВСКА

Мы – золотая молодежь!
Так говорят отцы и мамы,
И чтобы это доказать
На все готовы мы упрямо!
Все начинается с труда,
Труд невозможен без науки,
И как же хочется быстрее
В труде проверить свои руки!

Припев:

Готовы на подвиг уже с ранних пор,
Героев своих не забыли,
Цвети, Нижневартовск, и пусть Самотлор
Останется сердцем России!

Спасибо тем, кто нас учил,
И доказал своим примером,
В таком же возрасте, как мы,
В Сибирь приехал инженером.
Среди нехоженных болот

Он продвигался осторожно.
И мы хотели б повторить,
То, что казалось невозможным!

Припев.

Александр КОРОЛЕВ

Нет мысли, силы тоже нет,
Что говорить, а может, лучше
Не видеть горести и бед,
За все ответит глупый случай.

Что говорить, когда молчат,
Чему пора не удивляться.
Кому мы можем доверять,
К кому не стоит приближаться.

Не знаю, где и даже как,
Но все равно нас всех не станет,
И смерти черно-белый флаг
Печали ветер развеивает.

Какой нелепый, страшный круг.
Все случай, миг опустошенья.
А нам все также глупо врут,
А мы не верим, ждем спасенья.

Михаил НИКОЛАЕВ

Утром сны свои тучам рассказывая,
Ветер северный пью на бегу.
И за что оклеветан, наказан я,
И понять, и простить не могу.

Я не знал, что легко мир расколется,
Распадется на после... и до!
Перезвоны затихнут на звонницах,
И на помощь не выйдет никто.

И быть может, взгляд твой доверчивый,
Мне поможет себя обрести.
А за то, что судьба переменчива,
Ты прости меня, слышишь... прости.

Александр ОСТАНИН

СЕВЕРА

Севера вы мои, Севера,
Неприветливые параллели!
Вас мороз обжигает с утра
И баюкают к ночи метели.

К вам нескоро приходит весна,
Как всегда заплутавшая где-то,
Лишь потом, после долгого сна
Забегает короткое лето.

Ну, уж если придет, то тогда
Не увидите солнца заката
До ледового моря снега
Все растопит, поверьте, ребята.

И уже будет вам не до сна,
С юга птицы разбудят приветом,
Солнце вновь обогрест сполна
Круглосуточным северным светом.

Жаль, что быстро проходит оно,
Не успевшее толком стать летом,
Как кусочек немого кино, –
Не поймешь, не услышишь, что, где там.

Вас опять одолеют тогда
И ветра, и дожди на недели,
А потом затрещат холода
И завьюжат над вами метели.

Севера, Севера, Севера,
Неприветливые параллели!
Обжигают морозы с утра,
По ночам заметают метели.

Энеиса ПИЛЕЦКАЯ

ТОРЖЕСТВЕННАЯ ОДА

школе №39 г. Нижневарттовска

Нарядная, сияющая школа,
Прекрасен твой достойный юбилей!
Горят глаза школяриков веселых,
Улыбчивы глаза учителей.

И школа, будто в море бригантина,
Дрейфует по бушующим волнам.
Ей не страшна глубокая пучина,
Ведь у штурвала смелый капитан!

Посланники из многих поколений
Здесь чередой шагают не спеша,
Ведь тут царит познаний дух нетленный,
Витает просветительства душа.

И чудится, мужей достойных лики
К нам сходят из портретов и страниц.
Вот Пифагор, а вот Энштейн великий,
Ландау, Менделеев и Эвклид.

В их взглядах мы читаем завещанье
Сокровища Земли преумножать,
Еще, вооружившись жаждой знаний,
Учиться думать, чувствовать, мечтать!

Чтоб школьники учиться не ленились,
Росли и благородней, и умней,
И чтобы непременно научились
Ценить нелегкий труд учителей.

Пусть с каждым годом школа расцветает,
Пусть планка знаний будет высока,
Пусть свет ее лучей не угасает,
Доколь течет премудрости река!

Лидия ТАСКАЕВА

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ГОРОДУ

Тихий город ночной,
Ты закрыл свои окна-ресницы,
Потушил свет огней,
Успокоился в радужных снах.

Милый город ночной,
Пусть тебе только доброе снится,
Пусть качает волна
И играют лучи на губах.

Нежный город ночной,
На постели из снежного пуха
Отдохни от трудов,
От огромной дневной суеты.

Пусть зима и метель,
Пусть пурга-завируха,
Не тревожат твой сон,
Отдыхай с удовольствием ты.

Спят твои голоса,
Пенье птиц и урчанье моторов.
Спит людской разговор –
Зачастую совсем в никуда...
Спят деревья и травы,
До весны еще очень не скоро...
Сни, мой город любимый,
Пусть растают печаль и беда.

НАШИ ГОСТИ

Валерий ОСТРЫЙ, г. Самара

Валерий Максимович Острый – один из первых литераторов г. Нижневартовска, вокруг которого объединялась молодежь. Один из первых освоителей Самотлора, отдавший ему 25 лет жизни. Член Союза писателей России. Повесть «Товарищеский суд» напечатана в №№5-7. Светлая память о нашем друге и товарище по перу останется в наших сердцах.

ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД

Повесть. Окончание.

ГЛАВА 12.

Весна выдалась ранняя, но, как всегда в таких случаях, затяжная и волглая. Вдоль еще покрытых снегом дорог Самотлора все чаще горбатыми китами всплывали коллекторы нефтесборов, докладывая, что самые суровые морозы – позади.

Приближались «майские», работать становилось на одни штаны – ватные – легче.

В один из входных, после расслабляющей прогулки по залитому татой водой вперемешку со снеговой мокретью городу, за миролюбивым семейным обедом Нина задала вполне резонный вопрос:

– Ты отпуск-то где собираешься проводить?

Они остались на кухне вдвоем – Виктор с приходом весны ожил, и хотя ни в городе, ни в окрестностях найти сухую поляну нельзя было даже с вертолета, сидя ли, стоя ли, рядом с ним возникало ощущение, что тог постоянно жонглирует мячом.

Дочка сидела у телевизора, шла воскресная детская передача.

– У вас на работе ничего интересного не предлагают?

– У нас, – фыркнула жена. – У нас... Голый вассер у нас найти можно, а чего остального...

Алексей Павлович не знал, что такое «вассер», вроде в юности что-то похожее в разговорах употреблялось, явно неприличное, но что – черт его знает. Во всяком случае, взрослой женщине не к лицу...

– Зайдешь в поликлинику, такие милые очаровательные женщины, в белых халатах, улыбочивые...

Жена недоуменно уставилась на мужа – куда гнет?

– ...изъясняются на приятном интеллигентном языке: «снимите штаны, пожалуйста, мы вам тут ведерное вливание приготовили с патефонными иглками», так откуда вдруг у моей жены приבלатненные словечки?

Жена покраснела, но не от смущения. Муж понял – переборщил, надо срочно тушить:

– Ты спрашивала насчет отпуска? А у самой какие соображения? Предложения есть? Конкретные?

Жена с трудом подавила в себе жгучее желание трахнуть чем-нибудь – чашкой вот чайной, золотая только – жалко – об пол. А лучше – об мужа.

За что она возненавидела его?

Сама боялась и этого слова, и этого чувства – слишком все названо своими именами. Подводятся черта. За ней пропасть, дна которой не видно, куда затягивало. Приходилось напрягаться, чтобы не сорваться, судорожно цепляться за спасительные опоры-выступы: как-никак первый настоящий поцелуй – с ним, первая ночь – украдкой-охалкой, в чужой квартире – в том же прошлом, разделенном с ним, гуляния и уже взрослые томления, опять любовь и опять скоропалительно посреди каких-то кустов на волжской косе под жарким летним солнцем...

Тут все сладко, со всеми примесями.... Но как давно это было.

И сколько после этого черноты. Нефтяной. Налипшей и пропитавшей Алексея.

Светочку она не могла вспоминать – страшно становилось за себя. Приступы депрессии, слава богу, последнее время приходят значительно реже и до крови в глазах не доходит....

... Но ведь добились того, чего хотела? Свой дом, интересные люди, дети, за которыми муж до сих пор готов выносить горшки...

Господи, о чем вспоминает? Горшки?! Да разбить все горшки этого дома. Это из-за Гнездилина, из-за его горшков больше никто ни разу не примерил свою жизнь на жизнь с ней, никто ни разу не оценил ее ни как человека, ни как работника, у всех на уме одно... На ночь! Только на ночь!

А ведь она заслуживает большего, чем быть домовладелицей рабочего. Разве эти клушки, жены командиров производства, озирающиеся по сторонам в поисках приключений, напяливающие на себя полупрозрачные туалеты, подчеркивающие то, что надо скрывать и утаивать – жирные тела, разве они достойны тех мужиков, которых отхватили только благодаря тому, что в студенческие годы сидели и спали с ними на одних институтских лавках? Почему диплом об окончании индустриального института подкидывает выше, чем удостоверение фельдшерско-акушерских курсов? Несправедливо.

Господи, какой бы она была женой тому, до сих пор неизвестному студенту, который так и не стал министром из-за того, что не он, а Гнездилин предложил ей сходить с ним в кино! Не предложил. И в результате остался рядовым инженером, а она... С чем осталась она? С этой благоустроенной, улучшенной планировки клеткой, выход из которой только через телевизор. Почему?

...Все же свой дом она любит, дом ненавидеть нельзя.

Любит! Нашла, что любить... Да позови... Кто? Студент? Да какой к черту студент, что там вспоминать сопливые годы... Если бы ОН позвал, только бы поманил, разве бы она не сожгла все за собой? Дотла. И не оглянулась бы.

Ей казалось, что еще чуть-чуть, еще один золотник, и весы перетянут... Нет. И как же теперь? Господи, как ей надоел этот треклятый Вартовск, убежать бы куда глаза глядят... Съездить хоть за границу. Посмотреть, как там живут, что едят, что пьют. С кем спят, посмотреть, как у них...

– У вас в объединении путевки есть – круиз по Дунаю. Попроси.

– По Дунаю? – протянул обескураженный Гнездилин, напрягая память в поисках названия страны, где течет эта река.

Почему-то вспомнилось, что в родной Самаре все пивные ларьки, как правило, прозывались «голубыми Дунаями». То ли по цвету окраски, то ли пиво в них лилось полноводной водою-рекою. Говорили: «пошли к голубому Дунаю», и всем было понятно: зовут пить пиво.

Но сейчас «голубой Дунай» означал другое. Пока ясно одно – подороже, наверняка подороже.

Гнездилины последние отпуска проводили в «Нефтянике Сибири» – пансионате главка на Черном море. Конечно, достать туда путевки на летние месяцы – дело хлопотное, но вартовский стаж уже давно работал на Алексея Павловича, да и у Нины профсоюз медиков урывал, где только сможет. Стаж у нее, тоже слава богу, так что иные и подождут. Витьку в летнее время не видно неделями – то у него кубок, то у него первенство, то он в Сургуте, то в Тюмени, так что отпуск они, родители, спокойно проводили вдвоем на Черном море.

Туда и обратно летели через Куйбышев. Помогали матери, чем могли в ее заботах по дому, оставляли ей Катерину, а через месяц-другой обратно, в родную Сибирь.

Мать требовала внимания все больше. Нет, не сама, не лично, просто ее положение – одинокой старухи – требовало не только внимания. Между строк ее писем читалось все больше и больше. Горького.

После каждого полученного письма Гнездилин несколько дней отвечал невпопад и все время искал очки. Слава богу, дела не позволяли печься об одном и том же...

С женой они спорили о разном, доходило дело и до ругани. Не говорили об одном, потаенном и потом болезненном – мать надо было забирать в Сибирь. В их с Ниной дом. Это становилось все яснее и яснее. До неотвратимости. И тем не менее не обсуждалось. Алексей Павлович даже подступить боялся к этой теме, настолько все это стало за последнее время несовместимо – их с Ниной дом плюс его, Гнездилина, мать.

Нина, ее жизнь, ее раздражительность, вспышки гнева и... мать.

Алексей Павлович сам-то многое переносил с большим трудом, зачастую обрывая разгорающийся скандал только с помощью срочного отъезда в бригаду, на скважину. Замазывая себе глаза, что все это возрастное, со временем пройдет, уляжется, рассосется.

И все это было настолько несовместимо с существованием матери в соседней комнате, что у Алексея Павловича язык не поворачивался заговорить о ее переезде сюда.

Оставалось надеяться, что Нина сама, первая, сделает шаг навстречу. Поймет ситуацию, и в один будничным рабочий день, утром ли, за ужином ли скажет: «Перевози. Куда ж деваться».

Но она молчала.

«Так все же в какой стране течет Дунай?» – наморщил лоб Гнездили. Себя он от Дуная отсек сразу, начисто, ни секунду не представив стоящим на берегу этой шикарной заграничной реки. А вот определенная выгода смутно прорисовывалась – не ехать ни в какой пансионат, ни на какое Черное море, а в родной Жигулевск, и разобраться там с матерью, помочь ей во всех ее хозяйственных делах. Ремонт, например, сделать.

– А как же дочь? – вслух спросил он, сразу отметив, что Нина к этому вопросу не подготовлена.

– А что дочь? – выгадывая время, переспросила она. – Или у бабки побудет, или с тобой в пансионате.

Она стояла к нему спиной и что-то терла то ли на электроплите, то ли в кастрюле. Лопатка жены подергивалась, а обнаженный локоть так и норовил побольнее задеть мужа.

– Да сядь ты, не мельтеши, – наконец вынужден был повысить голос Гнездили, и так как такое случалось не часто, жена обернулась и подчинилась.

Двадцать лет назад она не была так красива... Да, обаятельность, свежесть, нежность, застенчивость переплывают любую красоту, но к старости нежность и застенчивость, а уж тем более обаятельность и свежесть исчезают. И происходят превращения: одни толстеют, редкие – хорошеют...

Волосы она стала красить давно. Хорошую краску где-то доставала или лак, что у них там для этого дела... И превращалась в брюнетку. Но у нее крашенные волосы не склеивались в комок, не сбивались, не потрескивали, как будто к ним подведено напряжение, и не резали рук, как металлическая стружка.

«А тебя что, порезы замучили от крашенных волос? Охо-хо, Алексей, вспомнил...»

Глаза у Нины были по-прежнему голубые. Не такие, как у кинозвезд, не сияющие, но с голубизной заметной. А голубых глаз становится все меньше и меньше, косяком – зеленые и серые. Ну, карие еще случаются. А голубоглазых все меньше. Почему?

А у Нины они, потемнев, делались синими.

Рот у нее всегда был припухлым, размытым, а сейчас подобрался, прочертился, или это она его так четко подмазывает? А на носу стала заметна горбинка, раньше ее не было, а сейчас прорезалась. И лицо стало четким, словно нарисованным. И всегда как бы повернуто в профиль. Вроде и прямо смотрит, а виден – профиль.

Но вглядываться в лицо жены Алексей Павлович не любил. Нравилось, завораживало, но удерживал себя, не позволял. Потому что не в горбинку же всматривался, горбинка как горбинка, всматриваются в глаза... А глаза у Нины... Как после отлива. Не-е-т, мусора не видно, но мокрый, блестящий песок – одно, а сухой... Сухой, пересыпается из глаз в глаза и – режет.

И вообще, она ему нравилась больше не крашеной, прежней. Не-крашенные волосы пахнут сеном, теплотой лета, цветами, птицами. Крашенные, хоть и красивее, жженой пробкой, вином, одеколоном.

Но смотреть интересно, гипнотизирует.

Он не фиксировал, но если у них случалось в последнее время, что бывали близки, то происходило такое после бани. Попариться любили оба и вот, придя домой, разомлевшие, растомленные, ненаряженные, если дочери не было дома...

Иногда прямо напоминало те самые первые годы!..

А потом она садилась за трюмо, а он, муж, смотрел на то, что в результате получалось. Уже со стороны. Как посторонний.

– Ну, так что скажешь? – вернула жена мужа к действительности. И старательно посмотрела прямо ему в глаза. Не изо всех сил, но приложив усилия.

А он все досматривал ту жену... Нина, хоть и стояла на расстоянии протянутой руки, отдалялась все дальше и дальше. Если сейчас не вернуть, если сейчас не рассмотреть, то завтра... Что же будет завтра?

– Ну, чего ты, денег жалко? – поторопила она.

– Да, поди, в такой вояж не на рубли счет? – все заглядывал ей в глаза муж.

– Обеднеем, что ли? Куплю там тебе чего-нибудь. Кожанку хочешь? – повернулась спиной жена.

– Тысяча, поболее?

– Полторы. С дорогой, но без обмена. Сколько там меняют на валюту, я еще не знаю. Рублей триста, наверное. Для общего счета – около двух.

– Ничего-о, – уважительно протянул Алексей Павлович, но глаза отвел по другой причине: увидел, понял, как устала жена. – Ладно, не обеднеем, – то ли подвел черту, то ли спросил в надежде на прямой ответ.

Но ответа не последовало.

13.

На майские Витька объявил, что в конце месяца уедет.

... Ему давно стал обрыдлым этот дом. Всего полно в нем – еды, ковров, чистых рубашек, простынь и полотенец. Не стало в нем малого – семьи. Но она им не нужна, а ему зачем?! Думают, если в кастрюле, укрытой чистым полотенцем, лежат пирожки и от них запах на всю квартиру – это и пахнет домом. Фиг на постном масле. Он до-о-о-лго, лет до пятнадцати «глотал» все, что подавали в этом доме. А потом – словно не в то горло. И – до слез.

Вскоре есть совсем расхотелось – кто же ест с похмелья? На похмелье опохмеляются – эту истину он постиг сам. Вместе с ребятами. Они бо-о-льшие мастера устанавливать истины.

Ведь вот чувствовал сам – что-то в доме не так. Но разве самому докопаться? Друзья помогли, «открыли» глаза. Правда, он им благодарности не выразил, больше того, пообещал тому, кто повторит, заикнется – в заиках и оставить... Поверили... В руках у него тогда была бутылка из толстого зеленого стекла, а вокруг еще валялись, и, судя по всему, он был готов... Больше не заикались.

Но с тех пор – уж сколько лет прошло! – он постоянно чего-то ожидал... оскорбительного. И для себя, и для отца. Каким образом, от кого?!

... В минувшую зиму, устав от неясностей в собственной судьбе, от автобазовской суеты, где его вечно держали на подхвате – постоянной машины за ним закреплять не хотели – все равно по весне начнет мяч гонять, так какой смысл закреплять за ним единицу?! – решил податься в помбуры. В настоящие. Не те, что у отца в «капиталке», где по восемь часов в карты режутся, ожидая спецтехнику, четыре часа «порядок» наводят, а на ходовую буровую, где за восемь часов в туалет сбегать некогда. Знал он, знал про все прелести помбурской работы. Да его и предупреждали, отговаривали: «Небо в овчинку покажется». В команде большинство тоже считало: «Не потянет Витек». – «Да-а?!» – насмешливо-презрительно отвечал Витька, но в глубине души буровой побаивался и сам. И все же пошел! Кому и чего хотел доказать?!

Его едва хватило на полгода. Формально дотянул до майских, даже пари у кого-то выиграл, однако спекся значительно раньше и продержался на одном самолюбии.

Но скинув все эти валенки с калошами, ватные штаны, свитера, брезентуху, выяснил – легче-то не стало. Рубец остался. И детская обида. На кого? На что? На кого обижаться, если он вдвоем с другим помбуром – нормальным здоровым мужиком в силе, в теле! – вдвоем иной раз не могли оттянуть на место «квадрат» – стальной четырехгранник длиной за двадцать метров. Корячились-корячились под ним, а задвинуть его на место сил не хватало: мышцы, мускулы были, но к восьмидесяти чужим витькиных пятидесяти килограмм не хватало.

Бурильщик, стоящий буквально рядом, помочь не мог – у него руки лежали на пульте управления, выполняя свое – «виру-майну». И тогда им на помощь сползал «верховой» – помбур, работающий на верхотуре. Который для такой операции – отшвырнуть «квадрат» на положенное ему место – в жизни со своего рабочего места – из люльки «верхового» на высоте двадцать два метра – не сползал. Ведь ему не только слезть, ему потом вновь туда забираться. Не на лифте, лифтов на буровой нету. А по открытым ветрам и морозу грохочущим лестничным маршам. Во всей экипировке – в тех же валенках с калошами, ватных штанах, свитерах и даже полушубке, которые не спасали там, наверху, от ветра. А вот при пересчете лестничных маршей согревали так, что рубашка мокла от пота. А потом – леденила.

Но он слезал и помогал. А потом взбирался наверх...

У Витьки после этого тряслись не только руки, но и губы. Руки – от напряжения, но напряжение проходило... А вот губы – от обиды. На свою маломощность. От которой он освобождался только на футбольном поле – там он отыгрывался, там он отыграется! И он дожидался майских, ибо майские – повод...

Но повод тянул за собой решение.

На автобазу возвращаться не хотел не из-за того, что будут усмехаться, усмешки бы он пережил. Просто надо определяться серьезнее. В конце-концов, играть – так всерьез. А не бодаться в пыли на нижне-вартовском так называемом футбольном поле, где подошвы утопали не в траве, а в песке, и где футбол, в результате, больше походил на борьбу...

Но дело было не в том, «играть или не играть»... И не в буровой, которая его не приняла. Дома ему обрыдло. Смотреть, как отец на старости лет в итээры полез?! Своей фамилией замыкая черный список отстающих? О чем и было пропечатано на весь белый свет в городской газете. Да он, Витька, сходил бы в одно место с этой газетой и всех делов, но отец, седой дурачина, переживает! По ночам не спит – это же надо! Что ему, в бурильщиках было плохо? Материна работа, это ей его роба поперек порога легла, это для нее отцовы приятели – забулдыги и навоз, это для нее все работяги – пьяницы и матершинники. А все ее жопошники – интеллектуалы, специалисты по хрусталу, мебели, заграницам. А главное – по перемещениям и назначениям. И не только в объединении, главке и даже министерстве, не-е-т, эти берут выше... Вперемешку с обсасыванием того, кто с кем, кто от кого, кто к кому... Но это уже на десерт, особо доверительно, кайфуя... Витька пару раз, помогая матери убирать со стола во времена широкого гнездилинского рыбосольтства, уловил обрывки... Черт ввязаться его дернул не в свое дело. До сих пор тошно.

...Дура старая, климакс на носу, а она в трехлетнюю очередь записалась где-то в Ленинграде кожу на носу подтягивать. Или где они ее подтягивают... Сматываться надо, сматываться отсюда к чертовой

матери. Виктору после армии предлагали остаться на сверхсрочную для игры за сборную округа. Там давно хотели сколотить приличную команду, командующий, сам болельщик, дал добро на проведение операции, но в области уже существовал профсоюзный «Труд», которому конкурент был вовсе не нужен. После армии, дома, пришлось играть на три фронта – на производстве, на спортивной площадке и, так сказать, в быту. В футболе он был нападающим, на работе – середнячком-полузащитником, ну, а дома приходилось играть в защите, а то и вратарем... заслоняя отца. Уж слишком широкий спектр. И в конце-концов – припекло!

Вот он и объявил за майским столом:

– А я, предки, пожалуй, вскоре покину вас. Может, чего и выиграю...

Витька охмелел. Он уже прошелся с демонстрацией, а теперь его к вечеру поджидала теплая и сплоченная команда все той же автобазы, дружно готовящаяся к весенне-летнему спортивному сезону.

Витька ковырялся в салатнице, как у себя в тарелке, и было видно, что ему ужасно нравится играть на нервах у матери, которая, насмотревшись на этикетки в великосветских домах, допускать нарушения одного у себя за столом не могла.

– Положи салат себе в тарелку, – попросила она.

– Батя, а ты сегодня в каком дворце собираешься водочки со щами похлебать? – продолжал выковыривать горошины из салата Витька.

– Положи салат в тарелку, – сдерживая себя, во второй раз сказала мать.

– У Баранцева? Это у какого Баранцева? Который в бригаде Медынцева электриком? – прекрасно зная, что Баранцев – зам. начальника нефтегазодобывающего управления по быту и кадрам, ерничал сын.

Изловчившись, он зацепил на каждый зубец вилки по зеленой горошине и уже потянул было вилку ко рту.

– Положи салат на та... – и мать хлопнула по витькиной руке. Вилка звякнула по салатнице, и та аккуратно развалилась на две равные части. С нетронутой горкой салата посредине.

– Не бей по руке, ко рту хлеб тянушей, – спокойно сказал протрезвевший сын и воткнул вилку в салат, как матадор шпагу в загривок быку.

Отец побледнел. Не из-за салатницы, будь она неладна.

Только что был всенний праздничный день, парадный стол, хрустящая белоснежная скатерть, красивая, нарядно одетая жена, веселенький, чуть пьяненький сын и не так часто улыбающаяся дочка. Солнца за окном для праздника явно не хватало, но хрусталинки на столе светились, словно радуясь приподнятому, праздничному настроению семьи.

«Все же уезжает...»

Он знал, что Виктор уедет. Чувствовал. Тот еще никому ничего не говорил, а он, отец, знал, что сын уедет. Предчувствовал. От того, что решение было логичным, правильным? Или от того, что сердце заранее боялось той боли, которая придет после такого известия? Он, отец, не хотел оставаться один на один с женой и дочкой. Витька шалапут и балбес, но именно он еще как-то сплывал, объединял семью.

Без него...

По неделям жил у каких-то великовозрастных дам или у зеленых соплячек, и одновременно был «домовым», без которого квартира – трехкомнатная, с высоким потолком, улучшенной планировки, с двумя телевизорами, двумя холодильниками, двумя стиральными машинами – становилась... культбудкой с вымпелами за победу в социалистическом соревновании.

За что же Витьке такая роль?

14.

Алексей Павлович посмотрел на стул, где только что сидел сын. Там было пусто. А перевести взгляд на жену, на дочь побоялся. Так сидел, и, не видя, смотрел на стул, на котором только что был «домовой».

В праздники бригады не работали. Тридцатого к вечеру скважины как бы опечатывали, а приступали к работе аж через три дня на четвертый – к двум праздничным дням прибавлялось воскресенье. Но трехдневный загул в объединении посчитали непроизводительной роскошью и воскресенье объявили рабочим днем, пообещав присовокупить его к отпуску. Большинство приняло решение объединения молча, однако без бузотеров не обошлось. Чего только ни кричали в защиту «зажатого» дня!

Вообще-то Гнездилин, читая очередной приказ о «приплюсовании выходного дня к отпуску», всегда мучительно вспоминал: а был ли у него отпуск хоть раз на один день длиннее положенного? Ответить не мог. И каждый раз решал: «Надо будет поинтересоваться в кадрах». Но... вспоминал о своем решении только... читая очередной приказ о выходе на работу в воскресный или праздничный день.

То, чем его встретил на базе Проценко, убило наповал. Вот тут он забыл о личном, отбило напрочь, поперву даже забылось про выработанную просительно искательную интонацию, с которой обычно обращался к начальству.

– Что случилось, Леонид Андреевич? Растолкуйте, – упавшим, но натуральным голосом попросил он.

– Ты план, Алексей Павлович, апрельский выполнил?

– Выполнил, – словно после болота ступил на твердую почву мастер.

– Праздники отпраздновал спокойно, с чистой совестью?

– Спокойно, – уже беспокойно подтвердил Гнездилин.

– Тебе нефтяники скважину, законченную в мае, апрелем закрыли?

– Да, подписали апрелем, – на шажок придвинулся к начальническому столу мастер.

– Подвел ты всех, Алексей Павлович, а больше всего эксплуатационников – твоя скважина, не проработав двух суток, дала грифоны. Понимаешь, что это значит? От нас требуют объяснений. Возвращайтесь в бригаду. Разбирайтесь с кем там следует и пишите, каждый в отдельности, объяснительные. Подробные. Уж поднатужьтесь.

... На рабочей площадке скважины никого видно не было, тихо было и вокруг балка. После замолкнувшего цементовоза наступила такая тишина, что было слышно, как туго раскачивается под ветром плохо закрепленная антенна рации.

Она – единственное, что скрипело на кусту.

– А-а-а, тетер, – протянул Тараненко и опять уткнулся в костяшки домино, пригоршня которых была зажата у него в кулаке. – Мы думали, ЦПУ идет, а это – мастер.

В помещении было не прибрано. Конечно, в такую погоду, когда снег перемешался с грязью, трудно поддерживать чистоту, но тут неприбранность была еще и бытовая – пустые банки из-под продуктов, засохшие куски сыра, рассыпанный сахар, луковичная кожура – не только под ногами, под носом.

– А тебе на скважине делать нечего? У тебя там все в полном ажуре? – с трудом сдерживая в себе растущее раздражение, желание трахнуть кулаком по столу так, чтобы все костяшки домино разлетелись по углам, спросил мастер. А у самого внутри все вопило: «Рыба гнилая, рыба вонючая».

В игре наступила пауза. Пожилой машинист взял свои фишки, аккуратно положил их стопочкой на краю фанерки и поднялся:

– Я, это... Пойду цепь редукторную проверю. Ее просолидолить надо. – И бочком, прижав живот, протиснулся мимо Гнездилина.

Алексей Павлович брезгливо стряхнул с освободившегося табурета засаленную тряпку.

– Вахтовый журнал дай.

Тараненко огляделся вокруг, как бы еще не понимая, что они с мастером остались в вагончике одни и команда обращена к нему.

– А что такое? – Не в руки мастеру, а на стол швырнул журнал, словно игральную карту, бурильщик. Но недовольство уже сменялось настороженностью – какой картой и в чьи руки «идет» журнал.

Гнездилин сделал вид, что не слышит. Да он и на самом деле увлекся, изучая странички журнала, выискивая нужное.

«Ага, вот, тридцатое апреля. Опрессовка эксплуатационной колонны воздухом, давление сто тридцать атмосфер, герметично. Подпись – Тараненко. Значит, все же Георгий, именно он...»

На несколько секунд Гнездилин задумался – тридцатое апреля, все уже живут предвкушением завтрашнего дня... И чтобы в предпраздничный день сработал и агрегат, и компрессор – да в жизни такого

не было. Ну, агрегат еще туда-сюда... Вот он агрегатом, жидкостью и прессанул... А журнал заполнил, как надо, по правилам – воздухом, компрессором...

Испытывающе глядя на Тараненко, Алексей Павлович протянул ему журнал на открытой странице:

– Твоя работа?

– А что? Моя! Все по уму.

– Прочти и вспомни. – Бурильщик прочитал, думая о том, к чему могут придраться, но по журналу все было в ажуре, все согласно нормам и требованиям.

– Ты ответь, – подсказал ему мастер, – и давай сразу письменно – как впрессовывал скважину. Грифоны на ней, Георгий, грифоны пошли.

– Ну, а я причем? Пошли, значит, пошли, значит, колонна пропускает. Разгерметизировалась, что вам – впервой? Или у тебя, когда бурильщиком работал, похожего не случилось? – Георгий одновременно и успокаивался, и наливался злобой. – Вчера одно, сегодня другое; вчера ты был бурильщиком, сегодня мастером. А завтра?.. – вызывающе спросил он, откидываясь на спинку лежака.

– Пиши объяснительную, – сдерживая себя, предложил мастер.

– Не буду ничего писать. в журнале все есть – что и как делали. И подпись моя стоит. Кому надо, пусть читают. Учатся, как нужно работать.

– Значит, пусть учатся? – Гнездилин понял, что Тараненко здесь, сейчас писать ничего не будет. Но в то же время бурильщик напомнил ему, мастеру, что вахтовый журнал – тот же документ, с его, Тараненко, подписью.

– ... Докладные, рапорта, – слышал только себя, свое раздражение, неприязнь, даже ненависть бурильщик. – Что тебе еще остается? Доносные-поносные писать. Работать-то ты уже давно разучился, так больше ничего и не осталось, как на других доносы строчить.

– И давно я, по-твоему, работать разучился? – удивился Гнездилин такому повороту.

– А может, и не умел никогда. Начальству в рот глядеть – это да, это ты можешь, начальству во все дырки заглядывать – это ты научился. Квартиры – одну, другую, машины – одну, другую – это, по-твоему, все ты заработал? На скважине? Своим трудовым потом?

– А чем же я все это заработал? – от изумления у Алексея Павловича даже опустились руки. Но постепенно гнев, зарождающийся в кончиках заколовших пальцев, поднимался к горлу, стал перехватывать дыхание.

– Потом. Только чьим?.. – увел взгляд Тараненко.

Гнездилин пока не понял.

– Ты на себя посмотри. И вокруг, – Алексей Павлович обвел рукою. – Это же сортир. Да в общественном сортире чище.

– Ты лучше с собственной квартирой сравни, там, я согласен, единственное чистое место – стульчак в туалете...

– Ты и в культбудке гадишь, и на скважине, – не доходило до Алексея Павловича, не доходило – он выговаривал наболевшее. – После тебя другие в дерьме по уши. Ты хоть понимаешь, что бригада будет вынуждена возвращаться на бракованную по твоей милости скважину? Ты кому очки втираешь, что спрессовывал воздухом? На, – протянул мастер трубку рации бурильщику, – вызови базу и при мне спроси технолога, какая техника была в цехе тридцатого апреля. Если у тебя одновременно был и агрегат, и компрессор, я завтра уйду в бурильщики, даже не в бурильщики, к тебе в вахту помбуром пойду, дерьмо за тобой убирать...

– Сам в дерьме несмываемом... – Но Тараненко уже думал о другом, он понял, что выход техники тридцатого апреля не просто слабое – его голое место. – Нужен ты мне в вахте. Дома лучше у себя разгребай, там у тебя накопилось...

– Пятнадцать человек будут полмесяца исправлять твоё головотяпство, работать за пусто-пусто. – Мастер одним движением руки стряхнул фанерку с доминошками, веером разлетевшимися по всем углам культбудки. – А ты будешь в домино стучать? Ты соображаешь?

– Я-то соображаю, у меня, может, извилин и немного, но живу своими...

– Я тебя отстраняю от работы, – и Гнездилин потянулся к рации

– ... не эксплуатирую извилину жены...

– База, база, база, – кричал, не слыша того, что говорил бурильщик, мастер Гнездилин.

– ... которую... все кому ни лень, кого ты, чтоб у них сил было побольше, взбадриваешь-подкармливаешь ворованной рыбой.

– Что-о-о?! – услышал наконец собеседника Алексей Павлович. И трубка выпала у него из рук.

– И ты меня, гандон отработанный, отстраняешь от работы? Иди жену отстрани, она, пока ты здесь, третью квартиру, на этот раз для твоего футболиста зарабатывает. – Тараненко поднялся во весь рост.

– Положи трубку на место.

– Негодяй. Что-о-о? Ах, какой негодяй. – Гнездилин нагнулся и зашарил по полу в поисках трубки.

– Дай сюда, – шагнул бурильщик, сладостным, неудержимым, неуправляемым движением колена толкнув мастера в объёмистый растопыренный зад. Алексей Павлович потерял равновесие и упал на колени, лбом до крови ударившись о ножку стола. Но Тараненко крови не видел, он через голову Гнездилина тянул трубку на себя, не замечая, что шнуром от рации перетягивает мастеру горло.

– Пусти-и-и. – Алексей Павлович уже не мог говорить, он только нерехватывал и перехватывал нащупанную трубку, тем самым нажимая и отпуская переговорное устройство.

– Одна начальству задницу колет, другой зализывает, благодаря чему квартиры меняют, а сам бьет себя в грудь – на скважине, – свирепел Тараненко, невольно тянясь за трубкой, все больше наваливаясь на мастера, лицо которого несколько раз сильно ударилось о ножку стола. Но сказать об этом он не мог, шнур резал горло, и он только хрипел:

– Пусти, негодяй.

Неожиданно, так и не выпустив из зажатой в кулаке трубки, Алексей Павлович стал валиться всем телом на бок. Тараненко решил, что мастер хочет спрятать трубку куда поглубже...

– Проститутка, и нашим, и вашим, там гнется, чтобы начальству было удобнее его напяливать, а тут пасть разевает... На кого? На меня, работягу.

Внезапно в культбудке отчетливо раздался посторонний голос:

– Тринадцатый, тринадцатый! Что там у вас происходит? Тринадцатый! Гнездилин! Ответьте базе. Ответьте базе!

Сначала это был голос сменного технолога, потом запыхавшегося Проценко:

– Гнездилин, отвечайте. Гнездилин, отве... Черт знает что такое.

Гнездилин отвечать не мог – он лежал, посиневший, на полу рядом с выскользнувшей из ослабевшего кулака трубкой рации. Не брал трубку и Тараненко – он только сейчас увидел кровь на рассеченном лице мастера..

Через какое-то время по дороге на Самотлор помчалась машина с мигалкой и сиреной. То ли скорая помощь, то ли милиция.

15.

Все дни до товарищеского суда – в милицию дело не передали, решили, что Тараненко «прицупил» Гнездилина нечаянно, Алексей Павлович ходил, как больной. Как гриппозный: и сам лишний раз чихнуть боялся-стеснялся, и его сторонились,

И про себя-то было не очень понятно, но еще непонятней – почему сторонились его?! Не хотели напоминать о неприятном? Настолько деликатны? Ответ приемлемый, но, приемля его, кривая усмешка почему-то невольно коробила губы и болью искажала лицо Алексея Павловича, лучше было вопросов не задавать, сейчас ему было не до игры в вопросы и ответы – больше всего ему хотелось забиться в невидимую щель, чтобы никто не слышал его вопросов к самому себе и не видел при этом его лица, со свежим шрамчиком, чтобы ни с кем не общаться, чтобы никто не почувствовал его растерянности и потерянности... Хотелось остаться одному. Переважить. Перечувствовать.

Самое бы лучшее в этой ситуации – уехать куда глаза глядят. Хотя бы на несколько дней. На лодке, подальше. Но река была еще скована льдом, и лодка стояла на приколе. Он все же приходил к ней, трогал

тяжелый замок и до-о-лго смотрел на реку, словно надеясь своим ожогом подтопить лед и тем самым ускорить ледоход.

А может, все было проще: тут, на безлюдном обдуваемом берегу не так жгло и боль незаметно утихала..

Больше всего он боялся, что узнают дома. Боялся не жены, ей чего узнавать... Боялся сына.

Почему?

А стыдно!

На работе можно и не расслышать злобного шепотка за спиной, можно и обернуться, ответить – любому шептуну можно найти в ответ несколько «ласковых» слов. А если и не найдутся, просто плюнуть под ноги, пожелав, чтобы шепчущий поскользнулся па том же самом.

Сыну не плюнешь!

Потому и лежал он ночами, уставясь в потолок открытыми глазами... Считал до ста, пил, и не только воду – «снотворное», не помогало...

Жена, последнее время бревно бревном, зашевелилась. Одна ночь такая, другая. Не выдержав, забормотала:

– Чего ты, Алексей?

Действительно, как спать, если когда глаза ни откроешь, муж смотрит в потолок. Жутко становится.

Ведь не просто мужик – муж! И какой муж! Наверное, она его все же ценила не полной мерой, особенно это становилось понятным последнее время... А что?! Есть женщины, которым нравится больше, когда муж пахнет мазутом и потом и сылет прибаутками типа «наша работа простая: круглое – кантуй, острое – кати»? Не-е-ет, новая работа мужа Нине нравилась намного больше... Конечно, привыкнуть можно ко всему, ко многому привыкают. Она тоже когда-то почти привыкла. И была счастлива, во всяком случае, была уверена в этом... И уже не верила, что в жизни еще многое может измениться... Многое-то и не изменилось.

Во всяком случае, сейчас она заставляет мужа после бритья пользоваться французскими духами. А вечером, прикоснувшись к нему, убеждается, что запах не заглушён, солярой не давит.

И неважно, что ему за сорок пять, осенью она сама отнесет его документы в «нефтяной», пусть попылятся там два года. А через два года придет и защитится. Да Алексей и сам сможет преподавать свой любимый капремонт в том же техникуме, главное, что его открыли наконец-то.

... А это, кстати, мысль – устроить его потом на работу в техникум, в этом, как говорят некоторые полезные знакомые, есть рациональное зерно.

– Алексей, ну чего ты? – Она была недовольна, все же самое красивое и сладкое бывает только во сне. – Алексей, перестань.

Он старательно зажмурился. Когда в глазах появлялись разноцветные круги, в самом дальнем уголке мозга всплывало: «А ведь и за это – стыдно».

Жена успокаивалась – затихала, а он вставал и шел на кухню, где, плотно затворив за собою дверь, неумело давился дымом – а что еще можно делать в два часа ночи на кухне?!

В одну из таких ночей сын, оказавшийся дома, застукал его за этим занятием:

– С какой стати, батя? На старости лет. Не курил – не курил и нате вам.

Попался.

Нет, все же почему он, отец, почти двадцать пять лет проработавший на нефти, возрадивший-вскормивший, обувший-одевший вот этого парня, своего уже почти возрастного сына, должен стыдиться его? Чего было в эти двадцать пять лет такого, чего он сделал не так, чтобы сейчас бояться заглянуть в глаза своему... В свои глаза.

Ведь это Витьке положено краснеть перед отцом! Работает через пень колоду, да просто не умеет, девок портит, по жизни порхает, что та стрекоза, у которой ни угла, ни ума... Висит постоянно на ниточке, и если бы не пашина шея...

А стыдится он, работник и пахарь!

– Иди спать, ничего особенного, – с трудом выдавил Алексей Павлович, старательно дав тлеющую сигарету в пепельнице.

Но Витька не в мать, просто перевернуться на другой бок, когда видит, что другому человеку, даже если это и свой отец, плохо – не может.

И сын топтался то в туалете, то в ванной... Где его, стоявшего в напряженно-замершей позе, с зубочисткой в руках, чутко прислушивающегося к тому, что происходит на кухне, и застал отец. Было три часа ночи...

Жена, наконец, улетела в свой круиз.

Признаваться не хотелось, но облегчение испытывал откровенное.

Однако когда в голову, раз за разом, на мотив популярной песенки пришло: «Баба с возу – кобыле легче, баба с возу...» – устыдился.

Катерину жена отвезла бабке в Жигулевск. Витька должен был улететь в Тюмень: его то приглашали в тамошнюю команду, то раздумывали.

Все катилось, валилось, рассыпалось... Удержать, даже в мыслях, ничего не удавалось, доходило до того, что, стыдно признаться, Алексей Павлович начинал беспричинно плакать, а это была уже такая черга, которой он в страшном сне не предвидел в своей жизни.

Обескураживающий разговор произошел с Проценко.

– Я понимаю, Алексей Павлович. – Проценко перебирал-укладывал с места на место канцпринадлежности. Судя по пыли на папках, по желтизне некоторых бумаг, по затемненному пятну подод-

винутым чернильным прибором, порядок на столе не наводили сто лет. Начальник обычно, подчиненные видели это не раз, с порога кидал папки на стол, словно мяч в эту, как ее, баскетбольную лузу. А тут...

Раньше он на стол садился, чтобы удобнее было заглядывать в глаза подчиненному, а сейчас даже ящики стола выдвинул, чтобы сидеть подальше от собеседника.

И вот там копаются, кнопки выковыривает.

А отработанную копирку, вместо того чтобы выкинуть, на свет рассматривает, словно надеется на ней чей-то портрет разглядеть.

Гнездилин тоже отодвинулся, чтобы лучше видеть и начальника, и его копирку, и что на ней отпечатано.

– ... вам сейчас тяжело, моральная травма дает о себе знать. Безусловно, только это является причиной... – Леонид хотел произнести рядовое будничное производственное слово – «простоя», но в последний момент подыскал, как ему показалось, слово помягче: – застоя в бригаде. Конечно, мы, администрация, по вашей просьбе можем перебросить Тараненко в другую бригаду, а на его место поставить другого бурильщика...

Проценко мялся. Гнездилин ничего не понимал: здоровый, сильный, уверенный в себе начальник, принимавший решения быстрее в ситуациях, в которых следовало бы поковыряться подетальнее, тут мялся.

– До меня, Алексей Павлович, дошло, что некоторые бурильщики заявили, что к вам в бригаду, имеется в виду – на место Тараненко не пойдут.

На полнокровном, багровом лице Гнездилина огтенки просматривались с трудом, но сам он всегда чувствовал, когда начинал краснеть.

– Приказать я могу, – продолжал начальник, – но что это даст? Был один Тараненко, появится другой. Вы понимаете, что я имею в виду?

Гнездилин понимал.

– Мне бы хотелось знать, Алексей Павлович, а как вы сами себе представляете дальнейшее?

Под Гнездилиным жалобно застонал стул.

– Все, Леонид Андреевич, в вашей компетенции... – и только тут до Гнездилина дошло, куда клонит начальник. Но догадка была столь неожиданна, нелепа и даже дика, что самому высказывать ее не хотелось.

Но там, где дикость – там и злость. И Гнездилин потихоньку, на ощупь, как бы вспоминая себя двадцатилетним, начал отдаваться этому давным-давно не испытываемому чувству, точнее, чувству-то испытываемому, но не вырывавшемуся наружу лет сто.

– Мы тут посоветовались...

– С кем это? – перебил мастер.

– ... и реши... и подумали, а не стоит ли вам, Алексей Павлович, на какое-то время, ненадолго, попроситься вновь в бурильщики?

Вот это предложение и было диким, догадка подтверждалась. Надо отвечать, но мешали эмоции. Перехлестывали через край.

А Проценко, сказав, решившись, перестал раскачиваться, позахлопывал ящички, обошел стол и присел на него, как это делал обычно,

– Алексей Павлович, это на какое-то время. Но тут важно, чтобы вы сами написали заявление. Как бы доказали, что вы твердый человек, вас нельзя выбить из седла, что работать вы умеете в сто раз лучше Тараненко.

– А почему – «как бы». Почему как бы твердый?

– В этом никто не сомневается, – спохватился начальник. – Просто обычно Алексей Павлович, у мастеров до такого не доходит, существует черта, которую обычно рабочие не переступают.

– А у меня – дошло, перешли? – и была в этом восклицании искренняя заинтересованность – а как все это выглядит со стороны, и одновременно горький ответ, обращенный в первую очередь к самому себе.

Что мог ответить Проценко? Да и ждал ли от него ответа старый «капитальщик»? Тут себе надо сначала ответить, почему знакомый уважаемый человек вдруг стал раздражать... Сколько бы Проценко себя ни уверял: «Не прав ты, Леонид, не нрав», – сидящий напротив стал раздражать. Жалостью своею, что ли?

Проценко изо всех сил старался держаться с ним ровно, спокойно, доброжелательно. Как тот того и заслуживал. Но удавалось – если удавалось! – с трудом. И даже обдумывать – почему? – не хотелось. Хотя было немаловажным. И не только по отношению к Гнездилину. И Леонид вновь и вновь заставлял себя вернуться к анализу произошедшего.

Больше двадцати лет Гнездилин живет и работает на Самотлоре. Приобрел все, что можно приобрести за деньги: машины, лодки, квартиры, ковры, шубы, дубленки – все. Приобрел не только деньги, был и почет – орден, медаль, казалось бы, веди себя как мужчина, как рабочий, как мастер, в конце-концов, твердо, достойно. Если хотите – гордо. Внешне для этого есть все... Нет. Перед начальством – заискивает. Лебезит, суетится. В бригаде по пустякам принципиальничает, дергает не по делу и себя, и людей. Дотошничает в вопросах, не приносящих результата, ожесточает против себя на ровном месте. Там, где надо быть твердым, он мягкий, где быть бы помягче – он принципиальный...

Проценко понимал, его суждения – результат накопившейся раздражительности, надо переломить себя, наглядеться пристальней...

Проценко частенько вспоминал одного своего бывшего начальника, чем-то этот случай был схожим... Мужик был умницей, порядочнейшим человеком и принципиальности в нем хватался, и тем не менее контора, которую он возглавлял, еле-еле сводила концы с концами. А порой и не сводила.

Проценко ломал голову, чего же не хватает руководителю? Чего-то определенно не хватаю, чтобы контора набрала ход, чтобы шестеренки, цепляясь одна за другую, крутили вал.

И что же выяснилось? Как-то в откровеннейшей беседе тот обмолвился, что с бабами – слаб, нутра не хватает... Не бабник, что присуще многим начальничкам, другое... И все стало понятным. И все стало на свои места.

Казалось бы, какая связь? А доказывать, что она есть, никто и не возьмется. Он, Проценко – ни в коем случае. Если бы он мог ее не только доказывать, ощущать почаще, можно было бы «ясновидящим» работать, а не начальником цеха капремонта...

Но что же с Гнездилиным? Почему он, рабочий из рабочих, не на равных с рабочими? В чем-то выше их, но в чем-то – причем, в основном, – не па равных. Проигрывает. В чем? Черт его знает. Ясно одно – надежд он не оправдал. Не справился. Ну и бог с ним, надоело...

Гнездилини во время всего этого разговора, а еще сильнее во время пауз решался и все никак не мог решиться. На что? Надо еще сосредоточиться. Не получалось – Проценко мешал. То ли безразличием к нему, Гнездилину, то ли брезгливостью к той ситуации, что сложилась. Отношение начальника оскорбляло. Эмоции переполняли. Их надо было остудить и еще раз все взвесить... А зачем? Зачем их остужать? Они что – не твои? Эмоции и ты – не одно и то же? Так почему их надо прятать, а заниматься расчетами и подсчетами? Не часто ли скрывал чувства? Ну, хотя бы те, что испытывал к жене? К тому, чему она уделяла так много времени и сил... К этим приработкам... Обдумывал, взвешивал, отодвигал...

Не вали на жену – посмотри на себя. Пристальнее. Пошел в рабочие – взвесил! – выгоднее, вернулся в мастера – чище, деньги витькиной девчонке – спокойнее, рыбачить сетями – наваристее, угощать – запасливее... С начальством – рассчитал! – самое удобное – на спине и ланками кверху. Сучить хвостом и перебирать лапками.

Вот и досучился.

А сейчас тебе предлагают отползти от Тараненко. От этого затвердевшего куска... считающего единственно себя рабочим классом, гегемоном. Себя – гегемоном, а тебя – гандоном. Отработанным. И как тебе это?..

– Я подумаю, – устало и глухо сказал Гнездилини и, забыв шапку, пошел вон из кабинета.

16.

Заседание товарищеского суда проводили в здании нефтегазодобывающего управления. В красном уголке. Хорошее, детское название – «красный уголок». Но в данном случае получалось – «суд в красном углу». Торжественно и мрачно. Смачно. И не смешно.

Переговариваясь, мужики рассаживались по креслам. Многим из них до Гнездилина и дела-то не было. Но о своем – болело, а к тому, во что собирались посвятить – любопытство. У Алексея Павловича как раз о том, о чем собирались толковать – болело, и обнажать обгоревшее он и стеснялся, и стыдился.

Нет, он категорически не хотел суда. Разговоров с Проценко было несколько. Обида и даже возмущение, возникшие после предложения перейти в бурильщики «на некоторое время», сменились отчаянием и испугом, когда узнал, что предстоит вытаскивание на свет, развешивание его, гнездилинского белья.

Когда в очередной раз увидел Проценко, двух слов выговорить не мог:

– Зач-чем, Леонид Андреевич?

Проценко вся эта история уже давно надоела: план, как всегда, висит на волоске, каждый час на учете, а тут... представление на все управление.

Ничего хорошего в предстоящем разбирательстве не предвиделось – в урок, который собирались преподать одному, конкретному представителю рабочего класса, он, начальник цеха, не верил. Надо было разобрать все на профсоюзе: и вынести решение. Пробить такого дубленого мужика, как Тараненко, не просто, и все же, если поискать, нашли бы чем уесть. Место в садике, квартирная ли очередь, или машина – о чем-то голова болит и у этого дуба. Если она способна болеть. Хотя у него она не болит и с похмелья...

Выносить-выставлять такую голову на общественное осуждение – затея бессмысленная. Но к Проценко не прислушались.

Ситуация осложнялась Гнездилиным. Веди он себя достойно – «требовательный мастер пострадал от хулиганствующего рабочего», – суд был бы хоть как-то оправдан. Но Гнездилин рассыпался, как трубы с перевернувшегося трубопровода. Смотреть тошно.

В принципе, преподать урок таким, как Тараненко, надо – разболтались, никакими вожжами не окрутишь. Но урок давать, так «именем Российской Федерации...». С конвоем вокруг хулигана. Этот вариант отпал. Значит, отдавайте на откуп профсоюзу, там бы расставили все точки над «І». У себя в цехе Проценко тверд не только за начальническим столом; с младых ногтей, с капитанства в баскетбольной команде, с председательства в пионерской дружине, он – за единоначалие... И привык к нему, и этот же принцип отстаивал на производстве, переносил его и на заседания профсоюзного комитета, членом которого, само собою, состоял.

Уже несколько лет, осваивая очередную ступеньку служебной лестницы, утверждаясь в новом назначении, он подавлял подчиненных уверенностью в своих силах, сознательно игнорируя противодействие.

С Гнездилиным он ошибся. В чем? Когда предложил ему возглавить бригаду, то делал ставку на две составные: моральный авторитет,

накопленный за годы работы именно в северных, экстремальных условиях, и на знания, собранные на каждой отремонтированной скважине. Смекалистый рабочий, как пчела пыльцу, знания собирает.

Со знаниями все оказалось верным – Гнездилин давал фору выпускникам технических вузов. Которых, к сожалению, никто и нигде для работы в капремонте не готовит. Не существует в технических вузах такой специализации «инженер-ремонтник эксплуатационного фонда нефтяных и газовых скважин».

Инженерная молодежь проигрывает старикам-производственникам не только в знаниях, многие из них неспособны овладеть главной наукой – требовательностью к подчиненным. Начинают-то правильно, но скисают быстрее, чем можно себе представить – рабочие своей сплоченной массой подавляют. Молодой итээровец, оказавшись с ними наедине, пасовал. Администрация, как правило, поддержку больше оказывает на словах, на деле же выпускник остается один на один с заматеревшим в корыстолюбии коллективом.

«Но это общие рассуждения, – остановил себя Проценко. – В чем ты ошибся в Гнездилине, вот вопрос. Ведь он-то кость от кости! Ему сам бог велел стоять твердо посередине...»

Начальник управления, узнав о происшедшем, встал на дыбы:

– Какой товарищеский? Пусть нарсуд разбирается.

Но в милиции разобрались быстрее – в деле не было свидетелей! Вдруг выяснилось, что никто не слышал, как Гнездилин хрипел, а Тараненко орал: «Отдай трубку, гад, а то придушу на месте». Хотя слова эти висели в воздухе, их слышали в соседних бригадах, где рации были настроены на одну волну. Поначалу молодые мастера брались эти слова повторить. Но как только потребовалось подтвердить их официально, запротоколировать... Никто не слышал!

Милиция и открестилась: «Рабочие ваши? Между собой? Непосредственно на производстве? Последствий нет? Свидетелей нет?.. Самим разобраться придется. А нам пришлете официальное решение товарищеского суда».

Вторым, кто «прочитал» ситуацию, оказался Проценко: одно дело – «именем Российской Федерации», другое – если милиция уходит в кусты... Если свидетели испаряются быстрее, чем снег на коллекторе, что делать на суде товарищеском? Кто там и с чем будет выступать?

Сам конфликт и отношение к Гнездилину осложнились после того, как первый же бурильщик, которого он хотел поставить на место Тараненко, заявил: «Не пойду».

Заканчивая разговор, начальник сел не на стул, а на стол и попросил:

– Ладно, не пойдешь. Поищем другого. Но, между нами, скажи, почему? Ведь учитывая ваш возраст, вам с Гнездилиным легче найти общий язык. Он мужик тоже возрастной, опытный, прекрасно знает дело, с ним-то, наверное, легче, чем с мастером, не умеющим отличить внутреннюю трубу от наружной?

Митрофан Максимович, из тех, кому уже недалеко и до пенсии, терять, а тем более бояться кого-либо из начальства нечего, попробовал объяснить. Получалось у него скомкано, как шапка, которую он мял в руках, но Проценко слушал внимательно, и это придавало сил:

– Мастер, любой, молодой или старый, должен определиться, и для себя, и для других, кто он – или инженер, итээровец и пьешь со своими, или ты рабочий, старшой, защищающий свой интерес одновременно с интересом остальных бригадных, и тогда хлебаешь ши из одной с ними бригадной кастрюли.

– Значит, если инженер, то и выпить со своими не смей, и ши хлебать ездят на соседнюю буровую, к своим не подсаживайся? – Леонид Андреевич заострял сознательно, он понимал, о чем ему говорил старшой бурильщик, но хотел поподробнее, подетальнее.

Митрофан Максимович и так-то сидел, как на электростуле, размазывать кашу по столу ему явно не хотелось, начальника он уважал и старался говорить поскладнее, но слов не хватало. Он собирал-собирал их по одному, складывал в шапку, а потом высыпал вперемежку.

– Это что же, – прервал затянувшееся молчание заинтригованный начальник.

– Если старшой не из ИТР, то вахте, к примеру, можно похмеляться около рации?

Митрофан досадливо кивнул головой – он только сложил слова, а начальник перебил, но на глупость отвечать легче:

– Нет, Андрейч. Старшой может пьющему бутылку в горло засунуть и оловом залить-запечатать. Итээровец такого не сделает, не посмеет. Но тот же старшой докладывает тебе, что у него пьянство в бригаде, не станет. Кроме тех случаев, когда деваться некуда. Он все возьмет на себя. Смекаешь?.. – Пытливо посмотрел он из-под кустистых бровей, в одном месте которых отчетливо проглядывал старый подковообразный шрам. Такие отпечатки получают на специальной печати, спускаемой в скважину, когда хотят узнать – что же там такое, что туда уронили, что мешает прохождению инструмента, или в иных аварийных случаях.

– Смекаю, – уважительно разглядывая шрам, ответил начальник. – среди старичков-«капитальщиков» не было, пожалуй, ни одного, у кого бы на лице не нашлось отметины от соприкосновения с металлом. Интересно, а у Гнездилина есть? – Но это, Максимыч, общие положения, безусловно, представляющие интерес. Ты мне поконкретнее объясни, на примере Гнездилина.

Старшой насупился и спрятал глаза.

– Алексей – он может по-всякому, работник-то умелый, удачливый, но всю жизнь на двух стульях сидеть норовил, а мечтал еще и о третьем, повыше. И с ним за одни носилки братья, с какого конца он, а с какого – ты, не знаешь – не ведаешь. Мне к нему подлаживаться поздно и ни к чему, не волье меня, Леонид Андреевич.

Пришлось отпустить старого бурильщика с миром.

Второй, из молодых, кого Проценко хотел перезапрячь к Гнездилину, отвечал откровенней и категоричней:

– Не пойду. Лижет он всем подряд. Пусть с ним старые пердуны работают.

Этого Проценко отпустил не с миром, но не насильничать же в таких вопросах?!

Как правило, когда направляют людей в ту или иную бригаду, они не противятся – знают, недостатки есть у каждого, но работа подладит друг под друга, и уж если кто противится направлению категорически – это серьезно, тут лучше не пережимать.

Становилось ясно, что Гнездилину своей угодливостью раздражал не одного Проценко – старшие, о которых можно ноги вытирать, еще больше не нравились рабочим.

Проценко шел на суд, не определив своего места на нем. Плохо было уже то, что он, начальник, решил посмотреть, как будут вести себя остальные. Раньше он себе такого не позволял, чем и завоевывал авторитет. Сейчас впервые свое решение перекладывал на чужие плечи, свое мнение связывал с чужим разумением. Злясь за это и на себя, и – особенно – на Гнездилина. И при этом еще полуискренне недоумевал – из-за чего злится?..

Председателем товарищеского суда был старший инженер геологического отдела – ветеран войны и Самоглора. Заседателями – две женщины. Состав суда не имел значения ни для Гнездилина, ни для Проценко: для первого в любом варианте начиналась пытка, для другого – головоломка.

В коридорах конторы старые знакомые Алексея Павловича, вроде, как обычно: кивали, здоровались, приветствовали за руку, в глаза, даже останавливались – из тех, с кем еще осваивали первые скважины. Таких остались единицы, большинство уже давно разводят цветы на большей земле. И все же что-то было не так... Вот чуть быстрее! Чуть дерганее, взвинченнее, вскользь.

Вчера был разговор с Витькой. Так некстати! Сын неделями пропал, месяцами о серьезном не заговаривали, а вчера...

О чем говорили? Витька не хотел жить здесь, в Нижневартовске. Даже в той комнатенке, ради которой...

То, что он, глава семьи, просил об этом жену, уже одно это было дикостью. Но то, что он просил – семечки, как и кого просила она... Вот об этом до конца, до отчетливости, лучше не думать.

«И не буду!» – но вместе с этим решением, даже раньше, наваливалась оглушающая усталость, тормозящая и мысли, и действия, и даже намерения... По-научному такое состояние здесь, на Севере, объяснялось весенней нехваткой кислорода. Но почему-то раньше Алексей Павлович эту нехватку так обостренно не ощущал.

Почему-то вспомнилась детская сказочка, мультипликационная, недавно по телевизору показывали: сын – бездельник, отец ложится и говорит, что умрет от голода, если сын не заработает для семьи хотя бы рубль. Мать за сына то одно сделает, то другое, сын – детина стоеросовая – приносит заработанные матерью рубли, отец кидает их в огонь, а сын тупо спрашивает: «Чего это вы?..» Наконец, зарабатывает сам. Отец кидает в огонь и этот рубль. Но за ним сын лезет в огонь.

Мораль? А черт ее знает, в чем тут мораль, просто от этой морали... хоть в петлю!

А суд пошел своим чередом. Свидетель обвинения – на товарищеских судах их так называют? – технолог цеха, талдычил одно и то же:

– Мне послышался хрип, и голос – «отдай трубку». Ну, и оскорбления.

– Какие? – допытывался судья-геолог.

– Ну-у, сука... Ну-у, гад.

– А еще? Что вы слышали еще?

– Ничего.

Так тянулось минут двадцать. Как ни старался судья, кроме технолога, никто ничего больше не слышал.

... В том, что вчера говорил сын, рождалось что-то конкретное. Витька уставал мотаться между Вартовском и Тюменью, ему надоедал мяк, от такой прекрасной жизни не пилося – не елось.

Уставая, он вырослел.

«Если уж работать, то зарабатывать!» – делился соображениями сын, объясняя намерение податься на самый Север Тюменской области.

Отец поддакивал. По его наблюдениям, сейчас многие молодые ДЕЛО мерили рублем, так пусть и Витька погоняется за ним – глядишь, в погоне за рублем, и в само ДЕЛО войдет.

«Войдет ли?» – тут же закрадывалось сомнение. «Войдет, войдет», – уверял сам себя и добавлял солидности в мальчишеские рассуждения уже взрослого сына: «На Самотлоре, в общем-то, заработки кончились. Режут и тарифы, и наряды. Аттестации-переаттестации. А там северные до восьмидесяти процентов, надбавки через полгода».

Говорил солидно, размеренно и пристукивал чайной чашкой для солидности, а самого аж подташнивало: «Чего мелешь? Чему учишь? Ведь там общага, а в общаге не жизнь... Если только не здесь, не рядом, совсем потеряется парень». Сердце сжималось.

Но в то же время, ведь начинать-то как-то надо? Ведь за незаработанным в огонь не полезешь, ведь незаработанное – трын-трава, пустячно, не ценится. Дом свой не дорог, а если не дорог дом – те же обои, наклеенные самим, чашки, сервиз, из которых пьешь-ешь, ковер, купленный в кредит, мебель на деньги, выпрошенные в долг, если дом свой не дорог – ничего не дорого.

И те, кто в нем живут – не дороги, и те, что рядом работают, и то, что под окном, и то, что рядом с домом... Не дороги!

Так куда же тогда Витьку толкать? В комнатенку, выклянчиваемую женой, или на Север, где ее можно заработать самому?

От всех этих вопросов самому себе он плохо соображал.

Председательствующий упорно долбил свое – искал свидетелей. Но рабочие, мастера соседних бригад отговаривались: работали на скважине, в культбудке никого не было. Хотя несколько дней, пока не надоело, со вкусом обсасывали детали, отдельные слова, донесшиеся по рации.

Гнездилину все поднимающиеся на сцену стадиона одно лицо.

А Проценко заинтересовался: ну, рабочие – понятно, свои защищают своего, а мастера, итээровцы? Гнездилин – не свой, не инженер, не коллега? Не собрат? А может, это возрастное? Разница в годах? Что-то тут не так. Причем, уж один-то из соседей слышал все, во всяком случае пересказывал ему, Проценко, случившееся слово в слово. Даже пояснил тогда – сидел в будке, писал наряды, потому и слышал все дословно. Так почему – в кусты?

Забоялись! Забоялись испортить отношения со своими рабочими! Отношения... Из чего они состоят? Забоялись саботажа, грубости, неподчинения, вражды. Халтуры в работе, брака – и до такого дело доходит. Конечно, со временем все встанет на свои места, рассосется, но ведь и временный раскол надо пережить.

Проценко не успел додумать, как председательствующий, которому, как и всем собравшимся, вся эта бодяга тоже начала изрядно надо-едать, поднял его:

– Слово предоставляется начальнику цеха...

Проценко занервничал:

– Поступок безобразный. Уголовный.

– Значит, вы уверены, что Тараненко душил Гнездилина?

–... Нет, в этом я не уверен. Душить – действие сознательное. А я не уверен, что Тараненко действовал осознанно..

– Значит, по-вашему, если душил неосознанно... – пустился в юридическую казуистику геолог, считавший себя знатоком в исправлении правосудия.

Но Проценко его перебил:

– Отдайте его нам. Мы в цехе лучше разберемся. Если закон, я имею в виду милицию, его не затребовал, если Тараненко в уголовное законодательство не вписался, давайте мы ему в цехе воздадим должное.

– Как? – удивился судья. – Без суда? Без наказания?

– Ну-у, я не знаю, давайте сейчас выразим ему общественное порицание, – замялся Леонид, но председательствующий возмущенно засмеялся:

– С вашим общественным порицанием такие, как Тараненко, знаете, что делают?

Поднялся гвалт, от которого хотелось зажать уши. Гнездилин бы так и сделал, но ему было очень важно узнать, чем закончит Проценко. А тот только раздраженно развел руками. За него закончил председательствующий:

– Суд удаляется на совещание. Мы посоветуемся и проконсультируемся, потом продолжим. Перерыв на пятнадцать минут.

В перерыве к Гнездилину не подошел никто. Ни те рабочие, с которыми он двадцать лет назад осваивал первые скважины, ни те, с кем он их ремонтировал сегодня, ни те инженеры, у которых к нему, Гнездилину, в любое время, завсегда, профессиональных вопросов хоть отбавляй.

«И слава богу», – растерянно-потеряно крутилось в головеу Алексея Павловича, незаметно прижимавшего горячее, словно после пощечины, лицо к прохладному стеклу широкого окна, из которого были видны дымящие трубы котельной.

«И слава богу».

Кому Гнездилин был искренне благодарен, так Тараненко. Алексей Павлович боялся, что Георгий опять начнет повторять сказанное там, в культбудке...

В огромном холле, перегороженном литой ченой чугунной решеткой, по одну сторону которой был зал заседаний с узкими, но многочисленными рядами кресел, а по другую – столы для пинг-понга, в который конторские резались ю время обеденного перерыва, стоять неприкаянно в одиночестве, когда вокруг сновали, переговаривались несколько десятков человек, было и стыдно, и горько.

Гнездилин вообще-то не курил, а уж на людях – тем более, но тут захотелось подымить, подойти к какой-нибудь группке и попросить: «Дайте-ка сигаретку, мужики?» И постоять вместе с ними, обсуждая как по-дурацки вчера московское «Динамо» проиграло «Зениту». Или это дурацкий «Зенит» проиграл москвичам?

... Да и не вчера играли, это бы Витька наверняка смотрел.

Да черт с ним, с футболом, не найдется, что ли, о чем поговорить со своим братом, рабочим? Почему же ноги то как свинцовые, то ватные?

Неожиданно снизу, из вестибюля, донеслись возбужденные голоса. Все задергались, засуетились. Алексей Павлович, который до этого ни с кем никак не мог встретиться взглядом, почувствовал – на него смотрят.

Кровь прилила к голове, стало трудно дышать, но он все же пошел туда, куда заторопились и остальные – по лестнице вниз.

Первое, что выхватил взгляд – на скользких ступеньках, по которым он тяжело, по-стариковски спускался, держась поближе к перилам – несколько ярких капель, их обходили, старались не наступать.

«Боятся поскользнуться?» – неповоротливо думал Гнездилин, тоже переступая через них. Но внизу, на ровной площадке, до него

дошло: «Это же кровь!» – И он оглянулся, рассматривая капельки, словно по ним можно догадаться – чьи они.

Переведя взгляд вниз, охватив им весь вестибюль, сразу различил двоих – Тараненко и сына.

Тараненко-то и вообще бугай, а тут, напряженно растопырив локти, один полвестибюля занял.

Вокруг Витьки было полно народа, его хватали и держали за руки, за плечи, но если бы кто-то догадливый не обхватил обсьими руками за пояс, то, пожалуй, не удержали бы – Витька выскальзывает, как мыло во вспененной воде.

На мгновение Гнездилин оглох, но когда уши отпустило, донеслись крики:

– Милицию! Где телефон? Вызвали? Скорее милицию.

А вперемешку с этими чужими, удивленно-негодующими голосами, один – родной, но узнаваемый с трудом – отчаянно-визгливый, ненавидящий:

– Ссука, ну-у, ссу-ка...

На Алексея Павловича напал столбняк, потом он конвульсивно дернулся и засуетился:

– Ребятки, не надо милиции. Ребятки...

Но бравый суровый сержант уже стоял во входных дверях:

– Что тут у вас?

Ему отвечали, указывая рукой на Витьку. До Гнездилина отчетливо донеслось одно слово: «хулиганство». Потом на какое-то время все, успокаиваясь, стихли, в тишине отчетливо раздался гневный, злобный голос сына:

– Я к тебе, дерьму, в помбуры пойду. Вот тогда попляшешь, гад, вот тогда посмотрим, кто кого прищучит.

Алексей Павлович пораженно прижался к перилам – он никогда не видел и не слышал сына таким... сильным.

Как-то, сравнивая Витьку с Тараненко, он допускал драку между ними. По его представлениям, Витька бросился бы на обидчика с камнем в руках. А тут сын дрался... безоружным, на одной лютой ненависти.

«Безоружный» – не то слово, если без камня – не значит безоружный.

И по тому, как Витька яростно шипел, а Тараненко подавленно молчал, видно было: правота была на стороне Витьки, в победителях оказывался он, хотя кровь на лестнице – его... Вон и с уха капает.

«Сын. Витя, Витенька...» – не в силах сдвинуться с места, всматривался в сына отец.

По лестнице торопливо спускался еще один человек и еще оттуда, с верхотуры, властно спрашивал:

– Что тут происходит?

Люди вновь загалдели, замахали руками, но к ним с другой стороны подходил хоть и побагровевший, с деланной ухмылкой на губах, но уже пригладивший-огладивший себя Тараненко.

Глядя озабоченными и недоумевающими глазами на Витьку, он старательно, с натугой стал успокаивать:

– Это ошибочно, Леонид Андреевич.

Но к сержанту он повернулся уже всем телом и, объясняя, просил, прижав руку с оттопыренным большим пальцем, к сердцу:

– Простите, товарищ милиционер, тут товарищи погорячились, побеспокоили, мы тут все уладим, порядок будет обеспечен, будьте спокойны.

И хотя еще несколько минут все в один голос звали милицию, убежденность здоровенного бурильщика в том, что милиции здесь делать нечего, брала верх, овладевала всеми. Народ, одни недоверчиво, осуждающе покачивая головами, другие – весело ухмыляясь, стал разбредаться по кабинетам, где названивали раскалившиеся телефоны. Ни у кого и мысли не возникло возвращаться в «красный уголок», куда их зазывала перегнувшаяся через перила женщина-заседательница. На нее не обращали никакого внимания – хватит, на заседались, сами вон только стали свидетелями...

В вестибюле остались четверо: Проценко, Гнездилин-младший, Тараненко. А в стороне – сидящий на ступеньке лестницы Гнездилин-старший.

Трое, скрывая свои взгляды, искоса, исподлобья, настороженно следили за четвертым. А тот смотрел не на них, он всматривался во что-то такое, не видимое холодным, острым зрением...

Как прервать затянувшееся молчание, не знал никто.

Первым, так ни слова и не сказав, ушел наверх Проценко,

Вторым – на улицу – Тараненко.

В вестибюле остались двое – отец и сын. Но и они не знали, с чего начать...

ПУБЛИЦИСТИКА

Лариса ТЕЛЕГИНА

ХРАМ ИОАННА ПРЕДТЕЧИ В МОЕЙ СУДЬБЕ

*К 100-летию Нижневартовского храма
Иоанна Предтечи*

Глава 1.

7.07.2007 года. Три семерки. В этот день по всем каналам телевидения вещают: «Это магическое число вызвало небывалый всплеск свадеб. Считается, что кто заключит брак в этот день, будет счастлив». А для меня этот день особенный по другому случаю. Сегодня по православному календарю – Рождество Пророка Предтечи Крестителя Господня Иоанна. И вот, в заново отстроенном храме, освященном в честь Иоанна Предтечи, что находится в старой части нашего города, прошла первая Божественная Литургия.

Святой Пророк Предтеча и Креститель Господень Иоанн особенно дорог мне, с его именем связаны многие важные события в моей жизни. В деревянном храме Иоанна Предтечи, который раньше был в Старом Вартовске и сгорел в 1994 году, крестились моя мама, моя родная сестра, я и мои сыновья – все в один день. В нижнем храме Рождества Христова – храме святого Иоанна Предтечи – мы с мужем венчались.

И счастлива я от того, что Господь сподобил меня, грешную, причаститься Святых Христовых Тайн за первой Божественной Литургией в престольный праздник храма святого Пророка Предтечи Крестителя Иоанна, а накануне вечером на Всенощном бдении здесь же исповедаться.

Жаркий июльский вечер. Я стою на крыльце храма и осматриваю окрестный пейзаж. Всюду – деревянные домики с огородами, в которых стройно взошла посаженная заботливыми хозяевами картошка, кое-где вдоль забора растут крапива, Иван-чай, одуванчики... Тишина. Только колокольный звон разбудил округу, возвещая начало службы. Начиналось Всенощное бдение.

А мои мысли переносят меня в далекое детство...

Глава 2.

Старый Вартовск. Что стоит за этим названием? Для меня, уроженки Севера, – это, прежде всего, островок моего детства, куда переехали родители в 1964 году, привезя меня в 2-х летнем возрасте. Отчетливо помню детский сад «Березка», рядом с ним – пекарню, где мы покупали свежий ноздреватый мягкий хлеб ручной выпечки, любили его есть горячим, ломая на куски и запивая ядреным кваском. (Уже живя в городе, мы долгое время ездили в Старый Вартовск за этим вкусным хлебом в пекарню). Помню свою первую деревянную школу, в которой я училась с первого по пятый классы, свою первую учительницу – Веронику Алексеевну Сухинину, строгую и справедливую (с ней мы впоследствии стали коллегами, работали в одной школе). Шиповник, растущий в палисаднике пашей школы, его плоды мы с ребятами любили вкушать по осени, он такой спелый и сладкий. Директора школы – Антонину Петровну Сущую мы, все ученики, уважали и боялись: она казалась нам очень строгой. С ее дочкой Ольгой вместе ходили в детский сад, затем учились в школе в одном классе. По-детски наивно вопрошала ее: «Оля, а когда мы пойдем в школу, твоя мама будет нам ставить пятерки?» И Ольга с уверенностью отвечала: «Ну, конечно, будет!» Сейчас это все кажется милым и забавным.

Мечта стать учительницей у меня зародилась еще в детстве, когда к нам в 4й класс первой школы пришла молоденькая учительница русского языка и литературы Любовь Анатольевна Кайдалова. Она была молодым специалистом, мы ее очень полюбили, даже провожали после уроков домой и носили портфель с нашими тетрадками... А Любовь Анатольевна вскоре вышла замуж за летчика и больше в школу не вернулась... Много впечатлений оставил в памяти урок пения, на котором мы разучивали песни: «Школьные годы чудесные...», «Тропинка школьная моя». Особенно мне нравилась песня «Погоня» из кинофильма «Неуловимые мстители». С девчонками-одноклассницами заводили тетрадки-песенники и называли их «Эстафета «Дружба». Один такой песенник у меня сохранился до сих пор. В нем – песни моего детства 70-х годов: «Чунга – Чанга», «Зарница», «Журавли», «Орленок», «Где -то на белом свете», «Листья закружат» и другие... Хоть были мы маленькими, но песни переписывали в песенник и взрослые. А еще писали разные пожелания друг другу, например такие: «Я не Пушкин, не Крылов, не могу писать стихов, напишу четыре слова – живи, учись и будь здорова!», «Желаю быть всегда красивой, желаю горя не видеть, желаю быть всегда счастливой, друзей порою вспоминать».

Почта на улице Октябрьской – маленькое одноэтажное здание, в котором сильно пахло сургучом от посылок. Сюда я часто приходила с мамой. Пока она отправляла поздравительные телеграммы, письма родственникам или почтовые переводы, я уютно располагалась за круглым столом, что стоял посередине зала, и сочиняла письмо сест-

ренке в Свердловск. Аккуратно обмакивала перо в чернильницу и писала на обратной стороне бланка телеграммы. Иногда от спешки появлялись чернильные кляксы, что меня очень огорчало. Непременно в каждом своем письме я подписывала: «Лети с приветом, возвращайся с ответом», «Жду ответа, как соловей лета»... А какие красивые праздничные открытки продавались на почте! Особенно мне нравились новогодние, с изображением тройки лошадей с бубенцами. Тут уж поневоле вспоминаются слова писателя Гоголя: «И какой же русский не любит быстрой езды!»

Одним из детских увлечений было коллекционирование открыток, марок и значков. Из разноцветных открыток мы шили удивительно красивые шкатулки и дарили их друзьям. Значки я старалась приобрести в разных городах, когда бывала в отпуске с родителями. Обменивалась ими с подружками. А хранила на бархатной салфетке коричневого цвета. Марки мои бережно примостились в маленьком альбомчике.

Напротив почты жила подружка моей бабули – бабушка Вазмилова. «Жамилиха», – так звала ее бабуля. Мне нравилось ходить к ней в гости с бабушкой, и вот почему. В той маленькой комнатке, где помещались только кровать, столик и стул, в самом верху, у потолка, в красном углу висела большая икона Божией Матери в старинном окладе, давно почерневшем от времени, украшенная цветами. С замиранием сердца смотрела на нее, но очень жаль, что молиться я в то время не умела. Душа просто замирала от восторга, когда я, не отводя глаз, взирая на икону Пресвятой богородицы, слушала рассказы милых старушек «про старинку».

Вот там, недалеко от почты, располагалась контора райрыбкоопа. Далее – магазин «Книги». Бывая в нем, я встречала соседку тетю Валю, что там работала. Хорошие книги, классика раскупались моментально – у нас страна в 70-е годы была «самой читающей страной в мире». В моей домашней библиотеке до сих пор хранятся книги, приобретенные в детстве: «Гора самоцветов» (сборник сказок народов мира), сказки А.С.Пушкина, Г.Х.Андерсена и многих других. Книги издательства «Детская литература» с прекрасными иллюстрациями. Как жаль, что сейчас такие книги уже не выпускают, а иллюстрации в современных детских книжках оставляют желать лучшего...

Рядом с почтой, на улице Октябрьской, во дворе двухэтажного здания всегда стояло несколько машин с надписью «Вода», – это водовозки, как их называли в народе. Здесь на первом этаже располагалась библиотека, а в читальном зале я выбирала для чтения книжки и смотрела детские журналы «Мурзилка», «Веселые картинки». В ней было уютно от книг, аккуратно расставленных на стеллажах, тепло от натопленной печи. На втором этаже здания работала моя мама техником по жилью в ККП – комбинате коммунальных предприятий.

Именно этому ККП и принадлежали водовозки, машины, которые подвозили воду к домам. Сейчас это здание снесли.

Часто, очень часто я бегала к маме на работу. Любила из окна кабинета, в котором работала мама, рассматривать наш поселковый клуб. Он вызывал у меня чувство какой-то необычной загадочности и таинственности. Много позже я узнала, что поселковый клуб располагался в здании бывшей церкви. Однажды, в школьный праздник «Книжкина неделя», проводимый в клубе, я попала за экранное полотно. Там была дверь, ведущая в билетную кассу. Возможно, в прежнее время именно там был алтарь – самое главное место в церкви. Но тогда я об этом не догадывалась, а помню только, что испытала в тот момент непонятное, особое чувство трепета и волнения, даже какого-то неописуемого благоговения. Не знала я тогда, в детстве, что если церкви уже нет, а здание стоит, пусть даже полуразрушенное, или приспособленное под склад или клуб, как часто это было в советские времена, или если даже сгорит, то Ангел-Хранитель до окончания века находится на этом месте. Поклониться бы ему, Ангелу – Хранителю, в том моем далеком детстве.... Но по промыслу Божьему эти поклоны оставлены до времени. И это время наступило.

Глава 3.

В России стали открывать храмы и монастыри, церкви и часовенки. Открылась церковь и у нас в Старом Вартовске, в здании того бывшего клуба. Церковь в честь святого Иоанна Предтечи.

Это было в феврале 1989 года. К этому времени я уже окончила университет, работала учителем, имела семью. Как же я сейчас сожалею, что столько времени потеряно даром! Ведь зная, что в Старом Вартовске открылась церковь, я не спешила туда. Всего лишь три раза побывала там: первый раз – в день рождения подруги Оксаны, в другой раз – со своей тетей Ниной в воскресный день. Шла служба – Божественная литургия, народу – полный храм. Тетя Нина подала записочки, а я купила в церковной лавке маленькую книжицу – Православный молитвослов, репринтное издание Тобольско-Тюменской Епархии 1991 года. Для меня оно и сейчас является настоящей святыней. Не только потому, что это первый Молитвослов в моей жизни, а еще и потому, что в нем есть молитва к святителю Иоанну, Митрополиту Тобольскому и всея Сибири чудотворцу. Этого святого, мощам которого я впервые в своей жизни поклонилась в духовной столице Сибири, очень почитаю.

Моя душа интуитивно искала чего-то спасительного, но о силе молитвы я не помышляла в то время. И вот, по настоянию мамы мы, наконец-то, в 1991 году приняли святое крещение в храме Иоанна Предтечи в Старом Вартовске! Все в один день!

Я стала интересоваться историей храма, в котором крестилась. А история его интересна и удивительна! Оказывается, почти сто лет назад в селе Нижневартовском на другом берегу нашей полноводной реки Оби, в 1908 году был построен первый храм в честь преподобного Сергия Радонежского. Село было маленьким, поэтому приход включал 3 деревни. Эта деревянная церковь сгорела в 1911 году, а со следующего года началось строительство новой церкви на другом берегу Оби, на паровой пристани. Трудились здесь и местные жители, братья Артемий и Тихон Ламбины. Дело спорилось, работали, не покладая рук. Старожилы вспоминают, что весь берег Оби был усыпан деревянными стружками. К 1917 году строительство храма было завершено. Начались службы, к великой радости сельчан. Но недолго пришлось радоваться людям на свой новенький красавец-храм, услаждать душу Божественными песнопениями, очищать ее в святом таинстве покаяния. Пришло суровое время, когда по всей России-матушке стали закрываться церкви и монастыри, а священников объявляли «врагами народа». Наше село постигла та же печальная участь. В 1922 году священник местной церкви был изгнан из села, храм закрыли, изъяли всю церковную утварь и иконы. Здание отдали вначале под школу, затем там проживали учителя, а потом передали под клуб, где показывали фильмы, проводили смотры художественной самодеятельности, устраивали танцы... Алтарь разобрали, купол и колокольню снесли. Вот такое вопиющее глумление над обителью Духа Святого...

Но Бог поругаем не бывает! Истина восторжествовала! Пришло другое время, другая власть. Изменилась общественно-политическая ситуация в стране. Стал возможен диалог между государственной властью и Церковью. В 1988 году исполком городского Совета принял решение об открытии храма в Старой части города на улице Октябрьской, – той самой улице, где прошло мое детство. Оно состоялось. Храм был освящен в честь Иоанна Предтечи.

Первым настоятелем вновь открытого храма стал иерей Михаил Вивчар. По воспоминаниям Пелагеи Иосифовны Туташевой, которая 10 лет усердно трудилась казначеем храма (за что награждена Архисрейской Грамотой), первые прихожане вместе со своим настоятелем приводили в порядок здание полуразрушенной церкви. Заменяли полы, перекрывали крышу, собирали понемногу необходимую для Богослужения церковную утварь, книги, иконы.

– Отец Михаил сам пол стелил, мой брат Иван, хороший столяр, мастерил рамы для храма, – вспоминает баба Поля. – Мы ведь сначала собирались у меня на дому, такая домашняя церковь была устроена. Потом проводили службу в квартире 5-этажного дома, что рядом с магазином «Детский мир». Когда поняли, что людям не обойтись без храма, стали ходить на прием в горисполком по 20 человек «обивать пороги», а нам сказали, что достаточно трем. Но все-таки добились, выпросили здание церкви. Первая служба на Вербное воскресенье

состоялась. Отопления нет, очень холодно. Отец Михаил, пока вел службу, так простыл, что после этого заболел даже. Но все испытали благодать».

Велико было желание людей восстановить храм, чтобы совершать Божественную Литургию – самое главное богослужение. Недаром говорят: пока на земле идет Божественная Литургия – держится земля, стоит мир. ... Сумели люди сохранить в своей душе святую веру, не жалели ни сил, ни времени на обустройство, ни того, что имели: несли в храм свои иконы, молитвословы, делились, кто чем мог. Помогли и местные власти: провели отопление, возвели купол, выделили средства на устройство иконостаса.

«Недаром в нашей церкви чудеса случались, – рассказывает Пелагея Иосифовна. – Икона Николая Чудотворца ликом просветлела, проявилась и стала как новая. А ведь, Казанская-то икона Божией Матери перед пожаром плакала. Православные прихожане из села Покачи, что были на службе, тогда заметили и говорят: «Посмотри, тетя Поля, икона-то плачет». И действительно, сама обомлела: слезы-то с иконы катились одна за другой.... Не смогли мы эту икону уберечь: сгорела она в пожаре».

В Старовартовском храме Иоанна Предтечи с 1991 года стал служить настоятель отец Георгий Безнутров. Он для многих жителей нашего города является духовным отцом. Много времени, сил и здоровья и поныне отдает протонерей Георгий для возрождения духа православия в нашем Богоспасаемом граде! Скольким людям он помог укрепиться духовно, помог своим советом, наставлением и молитвой!

Благодаря батюшке открылась Воскресная школа при храме. У истоков которой стояли преподаватели Валентина Ивановна Чернышова, Анна Дмитриевна Литвинова. В Воскресной школе занимался мой сын, и я благодарна им за его духовное становление.

История не стоит на месте. Она продолжается в судьбе страны, в судьбе города, в судьбе семьи. И я счастлива оттого, что храм Иоанна Предтечи занял достойное место и в моей жизни, в моей семье!

Анатолий КАУРТАЕВ, г. Нижневартовск
*Почетный гражданин Нижневартовского района,
член Общественной палаты ХМАО-Югры,
председатель ОО «Спасение Югры»
Нижневартовского района*

ОБЛАС – БОЛЬШЕ ЧЕМ СПОРТ

К 30- летию обласа

Облас – выдолбленная из осинового, иногда кедрового дерева легкая миниатюрная лодочка. С древних веков у аборигенов Севера он был незаменимым (что тот же олень для аборигена) с открытием рек и озер ото льда.

И даже сегодня, когда на смену пришли металлические (дюральялюминиевые), не знающие, кажется, износа лодки, каждая семья считает за честь иметь у себя эту принадлежность. На нем едут ханты пманси по таежным речкам, озерам от стойбища к стойбищу в гости к родственникам, друзьям, на рыбалку, охоту, к ближайшему бору на сбор ягод, в кедровник на заготовку орехов.

Поистине облас – верный и незаменимый друг таежников. Себя, своих сверстников помню по детству, – начали ездить в обласе, как и ходить, с первых шагов.

Так и говорили про нас: «они родились в обласе». Сначала самый маленький сидит впереди, в носу обласа, у него еще нет весла, не гребет, затем, по мере взросления, перемещается на беседку ближе к корме и уже годам к 10-12 может занимать главную «капитанскую» беседку – он рулит, направляет, руководит экипажем. Он самый главный в обласе! А сколько потехи, игр всяких связано было у мансийских, хантыйских детей: езда стоя. Задача: встретиться с соперником и вывалить его из лодки, затем тут же забраться в нее, на глубине не касаясь ногами дна. Или гонки – кто кого обгонит. Но игра кончается. Проневодили взрослые тонь – рыбу надо доставить в приемный пункт, и это дело доверяется нам, даже еще не подросткам, 7-8-летним мальчишкам. Взрослые загружают облас рыбой до бортов, и ты сидишь по пояс в рыбе, плывешь километров 5-6 до льдо-солевых чанов. А потом гребешь обратно к бригаде. Так, почти, и сегодня. Таким образом – езда на обласе самое обычное и привычное для аборигенов занятие, и связано оно с профессиональной деятельностью аборигенов.

Поэтому, когда решали вопрос: придать этому занятию спортивное начало, сомнений не было. Первые официальные спортивные соревнования по гребле на обласах состоялись 27 июня 1978 года в селе Ларьяк по случаю 50-летнего юбилея Нижневартовского района.

Помню, у меня в кабинете, я был в должности заместителя председателя райисполкома, составили первые положения о проведении соревнований. Мы представляли всю серьезность соревнований и пригласили из Москвы двукратного олимпийского чемпиона мира и Европы по гребле на лодках-каное, (очень похожих на наш облас), заслуженного мастера спорта СССР А. Ю. Виноградова. Он, кстати, принял участие в соревнованиях и стал первым чемпионом района. Затем приезжал к нам в течение, наверное лет 15-20, и сделал очень многое для становления и развития этого национального вида спорта в районе и округе. Через год прошли вторые соревнования, а потом и третьи, и четвертые... Так родился новый национальный праздник в районе – «Праздник обласа». Сам я участвовал в первых и почти до последних соревнований, не раз был чемпионом и призёром. Такой «Облас» полюбился, стал популярным в посёлках, сёлах, деревнях района. Ради этого стали проводить Дни села, Дни деревни. Очень красочно проводились в деревнях Сосновый бор, Пасол, Чехломей, не говоря уже о том, как широко и особо празднично их проводили в селах Корлики, Варьёгане, Агане. Известны чемпионы района – Антонина Виноградова, Павел Камин, Геннадий Калинин, Алексей Кунип, семья Аркадия Прасина: жена Светлана и дочь Карина, Кунины: отец Илья и сын Андрей, а также Нина Мещерякова и Татьяна Скворцова из Охтеурья.

Затем в полную силу заявили о себе гребцы с реки Аган. Это прежде всего Михаил Белов, Маша Белова, семья Плигиных: Лидия, дочь Ирина. Также из этого села Е. Казамкина, Н. Щуклеев, П.В. Казамкина. Много чемпионов и призёров вышло из посёлка Аган: Алёна Тырлина, Максим Покачев, Иосиф Покачев, Татьяна Соколова, Любовь Камеджи.

Надо сказать о важной роли в развитии обласа спортсменов-ветеранов. На всех соревнованиях они выступали каждый в своей возрастной группе. Это были настоящие мастера гребли, умело передающие опыт молодёжи. Среди них: Максим Еремеевич Покачев, Вера Николаевна Покачева, Екатерина Ефимовна Айпина (Аган); Павел Янчевич Айваседа, Владимир Таллевич Айваседа, Павел Васильевич Сардаков (Варьёган); Владимир Камин, Анна Кузьмовна Ляксина (Ларьяк); Антон Николаевич Каткалев, Алексей Егорович Кунин (Корлики); Илья Гаврилович Камин, Юрий Сергеевич Камин (Сосновый бор).

Активными организаторами «Праздника обласа» на местах были и есть спортивные руководители: Л.Л. Айваседа, Л.П. Скворцова, С.М. Тырлин.

Умелыми помощниками являются руководители отделений общественной организации «Спасение Югры»: О.С. Прасина, Т.Ф. Прасина (Корлики); Прасина М.А, А. Трапезников (Ларьяк); Я.Д. Айпин, А.Т. Айваседа (Варьёган); М. П. Сверлова, Ф.С Бондаренко (Аган).

Много сделали для блага «Обласа» руководители района: В. Д. Салмин, Б.С. Хохряков, В.С. Сондыков. Отрадно, что настойчиво продолжает это дело нынешний глава района Б.А. Саломатин. Большую заботу проявляют окружные работники: А.И. Райшев, Г. И. Егорова, Т.Г. Николаева.

За тридцать лет своего существования соревнования по обласу вышли далеко за границы Нижневартовского района. Стали проводиться чемпионаты ХМАО: нынче проводился 7-ой чемпионат! Активно развивается спортивный облас в Сургутском, Кондинском, Нефтеюганском районах, в гг. Нижневартовске, Ханты-Мансийске, Урас.

Команда Нижневартовского района неизменно на всех чемпионатах по обласу занимает ПЕРВОЕ место. От нашего района участвует сборная команда «ОО» Спасение Югры» община «Аборигены Севера».

Говоря об обласе, как о виде спорта, хочу обозначить его важное значение в социальном и духовном развитии коренных народов Севера. Участие, тем более победы, в таких специализированных соревнованиях облагораживают аборигенов, вселяют уверенность в собственных силах, они осознают свою значимость в обществе, видят свою причастность к делам, которые происходят в округе. Ныне соревнования по обласу стали вызывать интерес и привлекать людей разных национальностей.

Нельзя недооценить значение обласа в воспитании детей и молодежи, в укреплении их здоровья.

Если соревнования по обласу взять в купе с таким видом спорта, как охотничий биатлон, то эти национальные виды спорта сегодня являются наиболее популярными среди коренного населения округа. Развивая их, мы получим комплексную систему оздоровления аборигенов. В решении этого вопроса нельзя ограничиваться только соревнованиями. Следует ставить вопрос о создании секций по этому виду спорта в каждой национальной школе, что, безусловно, потребует дополнительных средств на создание материальной базы, однако обязательно окупится.

Мы, федерация гребли и охотничьего биатлона, выходим к вышестоящим органам власти о внедрении данного предложения.

Парфразируя Архимеда: ДАЙТЕ НАМ 100 ОБЛАСОВ, СТОЛЬКО ЖЕ ЛЫЖ, ЛУКОВ И МЫ ДОБЬЕМСЯ 100 % ВОВЛЕЧЕНИЯ ЮНОШЕЙ ИЗ ЧИСЛА АБОРИГЕНОВ В РОССИЙСКУЮ АРМИЮ. Ибо сегодня, по причине слабого физического развития молодежи, из числа коренных жителей округа редко кого можно назвать призывником.

Непонимание отдельных чиновников этого вопроса может пагубно отразиться на физическом и нравственном воспитании аборигенов.

ОБЛАС – не просто лодка, выдолбленная из осинової чурки!
ОБЛАС – эта народность: аборигены Севера!
ОБЛАС – это древняя культура народа, его история и традиции.
ОБЛАС – это качество жизни национального населения Югорской земли.

Наше прошлое, настоящее и будущее.

Поэтому не стоит жалеть средств и сил для развития этого важного вида спорта. Все окупится сторицею.

Эльвира ТАРАН

СЕГОДНЯ СЕВЕРНЫЙ ЭЛЬДОРАДО ПОКОРИЛСЯ НАШИМ ЭКСТРЕМАЛАМ

Кажется, как только появился на Севере человек, так и вступил в борьбу со льдами и водой. История полярных исследований, похоже, никогда еще не знала такого широкого размаха. На освоение Великого Северного морского пути в разные эпохи были брошены силы крупнейших промысловых и научных экспедиций.

Еще в середине XVI века Северный морской путь начали осваивать русские поморы. Обещание небывалого богатства, возможность разжиться роскошной и дорогостоящей пушниной влекли в трудные путешествия искателей. Само название осваиваемой территории – «златом кипящая царская вотчина» – рисовало путникам сказочные перспективы. Морской путь действительно принес уникальные возможности для развития крупного предпринимательства и стал ключом к природным кладовым Севера, Сибири и Дальнего Востока, запасы которых в XXI веке могут стать едва ли не основной сырьевой базой России.

В чем же измерялось величие пути? В количестве человеческих жизней, положенных на его освоение, в бесчисленных километрах протяженности или его экономической ценности для государства? Изучение Северного морского пути вобрало в себя все эти критерии. Потому что его открытие – вопрос выживания северян. Сегодня с изучением этого маршрута связаны имена исследователей Беринга, Вайпрехта, Пайера, Шиллинга, Норденшельда.

По значимости Великий северный путь можно сравнить с открытием в свое время Великого шелкового пути. Тогда шелк познакомил два мира – Запад и Восток, во время же покорения Великого северного пути определяющей ценностью стал мех. Но и здесь вряд ли все сводилось исключительно к торговле. Как и при освоении Великого шелкового пути, первопроходцы проникались духовными ценностями и идеями встреченных ими народов.

Не случайно Великий северный путь до сих пор волнует наших современников – людей пытливых и бесстрашных. Читая этот маршрут километрами, спекаясь в золу от усталости, они снова и снова готовы его покорять. Подтверждение тому – завершившаяся недавно в нашем городе экспедиция «Великий северный путь», в состав которой вошли восемь нижевартовцев.

ВЕСНА СПУТАЛА ВСЕ КАРТЫ

Глядя на фотоснимки вернувшихся в марте участников уникальной экспедиции «Великий северный путь», белые воротнички – заложники офисов – должны ощутить, как холодной струйкой по спине пробежит досада: «Ну почему меня не было среди них?» Путь в четыре с половиной тысячи километров, пройденный за месяц по северу России на армейских снегоходах, способен встряхнуть даже бывалого путешественника-экстремала. А что уж говорить о тех, кто наблюдает будни через окна своего кабинета... Когда жизнь в четырех стенах течет однообразно, самое время прервать ее четкий интервал и рвануть на снегоходах на просторы, где взгляд не в силах овладеть пространством.

О нижевартовской экспедиции «Великий северный путь» горожане узнали еще в феврале нынешнего года, когда ее участники только готовились покорить сложный маршрут. Переход на снегоходах, организованный автономной некоммерческой организацией «Экспедиция НГГУ» под руководством врача, писателя Валерия Михайловского и радиста, мастера спорта Валерия Нестерова, была запланирована на первые дни весны. В состав команды вошли президент корпорации «Славтэк», депутат городской Думы Александр Петерман (именно «Славтэк» выступил в качестве основного спонсора исследовательской экспедиции), культуролог, аспирант НГГУ Алексей Загрусин, видеооператор Кузьма Таран, водители-мотористы, представители коренных народов Севера Павел Покачев и Иван Тылчин. Администратором команды, ответственным за обеспечение экспедиции, выступил Александр Небутов.

И вот 4 марта 2008 года после недельных сборов, приобретения необходимого оборудования и амуниции нижевартовская команда выехала из Санкт-Петербурга для изучения исторического пути расселения и миграции финно-угров в северной части русского Севера и Севера Западной Сибири. Конечным пунктом своего путешествия искатели обозначили родной Нижневартовск, добраться до которого решено было через следующие стоянки: Моленьга – Ухта – Салехард – Белоярский – Когалым – Колекъеган – Корлики – Ларьяк. Маршрут, правда, во время следования пришлось скорректировать – никто из участников «Великого северного пути» не ожидал аномального потепления, столь нетипичного для этих широт в марте.

Искатели успели побывать в поселке Винницы (Ленинградская область), Пудоже (Карелия), Плесецке и Мезени (Архангельская область), Нарьян-Маре (Ненецкий автономный округ), совершить опаснейший переход через Уральские горы, проехать поселковые поселения Ханты-Мансийского округа и добраться до Сургута. Но, сделав остановку у соседей-сургутян, участникам перехода окончательно стало понятно, что дальнейшее передвижение на снегоходах

до Нижневартовска не представляется возможным. Вместо заснеженной трассы на поверхности дорог уже образовались лужи, поэтому снегоходы пришлось перевозить до конечного пункта большегрузным транспортом. Сами же искатели добирались до Нижневартовска уже на автомобилях.

«Мы лишили себя самого приятного и долгожданного момента, – сокрушались они на итоговой пресс-конференции. – Никто не знал, что мы вернемся ночью, почти на сутки раньше. Поэтому как таковой торжественной встречи не состоялось, все сразу разъехались по домам». А ведь пересечение «финишной ленточки» планировалось стройной колонной на снегоходах с развевающимися флагами России, Югры, Нижневартовска и спонсоров экспедиции.

ИГРАЕМ ПО РОЛЯМ

На встрече с журналистами участники экспедиции дали волю эмоциям и начали взахлеб рассказывать обо всем, что увидели и узнали во время длительного перехода. Стенографической краткости, впрочем, от путешественников никто не требовал, поэтому спрашивали участников «Великого северного пути» обо всем подряд в деталях.

В первую очередь интересовало, удалось ли искателям увидеться и пообщаться во время пути с большинством представителей национальностей, входящих в финно-угорскую группу. Напомним, за время следования путникам предстояло оценить особенности жизни населения полярных районов, природопользования, проанализировать социально-экономические последствия изменений состояния окружающей среды полярных регионов и их влияние на жизнь коренных народов Севера.

Врач Валерий Михайловский рассказал, что участники экспедиции пообщались с представителями вепсской культуры, карелами, коми, ханты, а также с поморами и ненцами. Путешественники изучили особенности различных природных парков, врач-психотерапевт Валерий Михайловский взял для генетического анализа образцы крови аборигенов и провел сеансы лечебного гипноза по методу Довженко в поселках по маршруту экспедиции.

У культуролога Алексея Загзурина была своя миссия – найти устные свидетельства древних взаимоотношений финно-угров и русских в виде преданий, сказаний, легенд. Тем самым попытаться установить пути переселения и миграции финно-угорских народов. Радист, чемпион России по радиоспорту Валерий Нестеров, как и намеревался, провел во время пути сеансы связи (более 20 тысяч!) с радиолюбителями всего мира, плюс несколько раз установил радиосвязь через Луну.

Видеопрезентацию экспедиции «Великий северный путь» представил оператор Кузьма Таран. Перед началом пресс-конференции жур-

налисты смогли увидеть, насколько сильными и прочными красками играет путь через русский Север, нетоптаную и диковагую красоту российской природы.

НОВЫЙ РЕКОРД

Естественно, после того как все участники перехода поделились результатами своей работы, внимание журналистов переключилось на предпринимателя Александра Петермана. Что же его потянуло на целый месяц в столь трудное путешествие? Вряд ли Александр Анатольевич не может себе позволить более комфортное времяпрепровождение. Но Петерман объяснил сразу – да, жизнь вижу из окон офиса и автомобилей. Поэтому когда еще удастся проехать по России таким маршрутом на снегоходах? Когда перед тобой простирается весь путь, и то, каким он будет, зависит от тебя. Александр Петерман всю дорогу шел первым в колонне и прокладывал дорогу остальным участникам. Если путь лежал через тасжные дебри, депутат шел впереди с топором и вырубал деревья, мешающие пройти снегоходам дальше.

Что же касается схемы передвижения, то, как объяснили искатели, в день им приходилось идти почти без остановок по 14-18 часов, далее – 2-3 дня на восстановление сил на стоянках. Путь, пройденный нижевартовцами, считается рекордным – никто в мире не проходил подобного расстояния на снегоходах. К примеру, в районе Печоры путешественники умудрились разом перемахнуть 610 километров.

Особенно дух искателей перехватило, когда они увидели безлюдную красоту Уральских гор. Тем более горный переход был сопряжен с опасностью сгинуть здесь навсегда. Александру Петерману объяснили, что тот путь, который выбрала экспедиция, никогда не использовался потому, что есть вероятность сорваться вниз, особенно при передвижении на снегоходах. Но как объяснил депутат журналистам, он рассчитал алгоритм движения и принял решение провести всю группу вперед, что благополучно и сделал.

Не обошлось во время перехода без невероятных встреч. Так, искатели помогли жителям одного из поселений Архангельской области разыскать родственников в Саранпауле. О том, что найденные путешественниками люди действительно родня, даже доказывать не пришлось – просто сравнили фотографии: одно лицо! В следующем поселении Югры путешественники наткнулись на заброшенную избушку, где живет покинутый всеми 83-летний старик. Он попал сюда еще будучи ребенком вместе с родителями-спецпереселенцами. Когда его соседи решили покинуть это место, мужчина отказался. Теперь доживает век в одиночестве, пишет стихи. Кстати, свои рукописи он передал нижевартовцам в надежде, что они здесь выйдут в печать.

Сейчас насчет совершенного путешествия у участников экспедиции возникли новые соображения – переход доказал свою туристическую

привлекательность, а это значит, в будущем «Великий северный путь» может стать традиционным маршрутом для любителей экстрима.

Поездка и преодоление трудностей с задором и вызовом в одной команде скрепляет людей надежнее любого шва. Так проявляется высокое сопротивление моральных и физических качеств, из которых соткан человек. А потом, приключенческая романтика, конечно, всегда присутствует в подобных путешествиях. Когда спишь по 4-5 часов воробьиным сном, а на рассвете выпускаешь себя в жерло выюги и не перестаешь дивиться, что снег способен светить не хуже электричества, а облака проваливаются прямо за шиворот горизонта.

Ясно, что жители городских джунглей, жизнь которых давно уже сосредоточилась на одной ноте, могут только позавидовать участникам перехода. Это отметили и журналисты центральных и региональных телеканалов, по которым уже прошли сюжеты о нижевартовской экспедиции, во всех городах дивятся смелости сибирских мужчин, тому, что отдыху на пляже они предпочли испытание на прочность в суровых условиях. Зато у участников «Великого северного пути» при просмотре видео- и фотоматериалов уже никогда не возникнет досадного чувства: «Почему меня нет на этой фотографии?!»

МЫ РЕКЛАМИРОВАЛИ НИЖНЕВАРТОВСК

Участники уникальной исследовательской экспедиции «Великий северный путь» особенно отмечали, что на всем пути следования им попадались добрые, отзывчивые люди, что делало дорогу гораздо легче. Тем же, кому довелось встретиться с нижевартовцами (в частности – журналисты), дивились, как удалось организовать столь серьезный переход в наше время?

Здесь искатели благодарили за поддержку весь Нижневартовск, руководство ОАО «Нижневартовск-НИПИнефть», городскую Торгово-промышленную палату, корпорацию «Славтэк», банки «Приобье» и «Ермак», службу такси «Форсаж», предприятие «Витамин», торговый комплекс «Полигон», ООО «КОД», ООО «ГИФ», ООО ПКФ «Стор», ООО «Оптима», ЗАО «Ливалд», компанию «Коллек-Еганнефть», «Нижневартовскстройдеталь», «Инселко-Холдинг», ТК «Империя-Т», ООО «Интекс-Т», корпорацию «Мехк-Си», «Самотлор Инженеринг Строй», «Олвэйс», «Сибинтерн», ОАО ПАТП-1, «Сити-центр».

«Так мы рекламировали Нижневартовск, – говорят путешественники. – На каждой нашей остановке встречались с журналистами, с главами населенных пунктов, школьниками, рассказывали о своем городе, дарили книги о нашем чуде – Самотлоре – и о главном богатстве города – его людях».

Владимир ЛАЙТЕР

РОССИЯНЕ ДОЖДАЛИСЬ ПОБЕД

Отличная игра сборной России на Чемпионате Европы-2008 после победы сборной России над сборной Голландии дала повод считать, что потенциал роста могущества нашей страны неисчерпаем. Понятны эйфория и восторг, охватывающие после очередной победы. Миллионы российских болельщиков с нетерпением ждали поединка нашей сборной по футболу с голландцами. Сумев выйти в четвертьфинал чемпионата Европы впервые за последние 20 лет, молодая российская команда позволила нам испытать уже забытое чувство гордости за отечественный футбол.

Не знаю, кто из пижневартовцев побывал на футбольном чемпионате Евро-2008, но мне известен один из таких счастливицков – ведущий инженер по технадзору технического департамента ОАО «Варьеганнефтегаз» Игорь Лысов, который посетил три матча с участием российской сборной. Он увидел то, чего так долго ждали соотечественники, и потому, вернувшись домой, по достоинству оценил красоту и значимость недавних спортивных баталий.

Разговор с настоящим болельщиком и действующим спортсменом начался с неудач российской команды и закончился его личными впечатлениями. После поражения со сборной Израиля мало кто верил, что у России есть шансы завоевать путевку на чемпионат Европы. Спасибо хорватам! Прогрызш англичан на родном стадионе «Уэмбли» выглядел фантастикой. Не выход в финальную серию игр Евро-2008 сборной Англии и уступка места российской команде казались невероятным фактом.

Путешествие Игоря за рубеж связано с радужининской туристической фирмой «Роза ветров». Путевка в Австрию была рассчитана на десять дней, (с 9 по 19 июня) с посещением трех футбольных матчей в подгруппе с участием России (Россия–Испания, Россия– Греция и Россия–Швеция). Россиян разместили в городке Нойштифт в 25 км от Инсбрука. Здесь находится спортивная база сборной Испании. Там имеются три естественных футбольных поля, где и тренировались испанцы. Рядом расположена база российского футбольного Союза. Во время турнира Союз организовал два футбольных мероприятия – товарищескую встре-

чу между правительством Москвы и друзьями Российского футбольного Союза (в ее составе участвовал Андрей Чернышов – известный игрок, а затем тренер «Спартака») и соревнованием болельщиков. 16 июня провели однодневный турнир с участием 15 команд. Создали три подгруппы по 5 команд в каждой. Играли по круговой системе, а потом уже встречались победители. Игорь Лысов играл в команде «Рыцари Московской области», которая заняла 12 место из 15.

Основным пунктом туристической программы являлось посещение футбольных матчей. Кроме того, проводились и такие приятные мероприятия, как обзорные экскурсии по городам Австрии – Инсбруку и Зальцбургу. Впечатления словами не описать, это надо видеть и слышать, посмотрев видеоматериал, отснятый Игорем. В момент выхода сборной России на зеленое поле, во время захватывающих игровых ситуаций у футбольных ворот стрелка микрофона видеокамеры зашкаливала – настолько была мощная и сильная поддержка болельщиков. Шокирующим оказался старт россиян 10 июня в Инсбруке на Евро-2008 – разгромное поражение от испанцев со счетом 1: 4. Казалось, что участь футболистов из России решена. Однако в жизни бывает все, даже то, чего не бывает никогда. И в этом убедился наш герой, когда болельщики морально поддерживали свою проигравшую команду.

Благодаря большой работе, проведенной Российским футбольным Союзом, игроки сборной сумели преодолеть пораженческие настроения, а болельщики поверили в успех любимой команды. В зоне, выделенной для болельщиков России, почти на каждом месте находились плакат со словами из гимна РФ и флаг с надписью «Вперед, Россия!» и изображением разъяренного медведя. Даже те, кто не был подготовлен, пел вместе со всеми соотечественниками российский гимн. Было приятно слушать торжественное песнопение и осознавать, что подъем в России патриотизма связан со спортивными победами на футбольных полях. Когда Россия играла с Грецией в Зальцбурге (190 км от Инсбрука), на трибунах стоял рев. Игра была тяжелая, затяжная, на равных. Красивейший гол в фантастическом матче еще больше заставил поверить в умение российских футболистов побеждать.

Следующие соперники России – футболисты Швеции. Шведские болельщики предпочитали не жить в Австрии, а приезжать к конкретным матчам с участием сборной Швеции. Их всегда было много. На игру с испанцами, например, приехали 37 тыс. человек. Когда российские и шведские любители футбола шли на стадион, то обстановка была дружелюбная. Шведы и россияне шутили, смеялись, обнимались, фотографировались. Все говорило о том, что это будет футбольный праздник, а не война и борьба. Российские болельщики кричали шведам: «Shweden, go home! (Шведы, езжайте домой!)». Насколько они были уверены в победе своей сборной.

Две трети болельщиков на стадионе составляли шведы в желтых майках и только одна треть – россияне в красных. Но при всем этом

шведы не могли перекричать российских болельщиков. Это помогло. Россияне уверенно повели в счете 2: 0, противники не оказали стойкого сопротивления. Один гол соперники россиян забили явно из позиции «вне игры». Не случайно судья его отменил. Когда закончился матч, надо было видеть лица шведов. У многих на глазах были слезы. Они не думали, что так будут играть их кумиры. А российские болельщики после игры со шведами выдвинули другой лозунг: «Golland, go home! (Голландцы, езжайте домой!)». Это было 18 июня, за 3 дня до игры с голландцами. Болельщики знали, что сборная России выиграет, но не думали, что с таким крупным счетом.

Безбилетные из разных стран размещались вокруг стадиона в фанатных зонах (фанзонах). Фанзоны создавались на открытых площадках, огораживались турникетами выше человеческого роста и обтягивались плакатами с надписью «Евро-2008». В них устанавливались огромные экраны, располагались выездные кафе с пивом, закусками, но в основном продавалось безалкогольное пиво. Алкогольное пиво можно было купить в других местах и принести в фанзону. Россияне шли со своими горячительными напитками. «Секьюрити» (охрана) этому не препятствовала. На входах проверяли лишь большие сумки, рюкзаки на предмет безопасности (наличие взрывчатых веществ и оружия). Многие россияне, не попавшие на матч, «болели» рядом со стадионом в фанзонах, оборудованных новейшими техническими средствами, могли смотреть, что делается на футбольном поле, и слушать комментаторов. Каждая фанзона рассчитана на определенный уровень болельщиков. Были фанзоны – шведская, российская, австрийская, греческая, испанская. Любой желающий мог пойти в понравившуюся фанзону.

Болельщиков окружала доброжелательная обстановка, не наблюдалось никаких эксцессов, конфронтации, по крайней мере, в подгруппе, где играла Россия. Не было и никаких нареканий со стороны полиции к болельщикам.

Везде по улицам ходили люди в российских футболках красного или белого цвета, на которых было написано «Россия» или «Россия, вперед!», либо «Российский футбольный Союз». Создавалось впечатление, что Россия везде в Австрии. Российская команда вышла в четверть финала.

И сразу туристические фирмы стали предлагать своим клиентам остаться, но при этом аннулировался авиабилет на обратную дорогу, и надо было платить за проживание в гостинице. Самый дешевый билет на футбольный матч в туристическом агентстве предлагался за 900 евро. Настала пора возвращаться.

Надолго запомнились Игорю прекрасный австрийский пейзаж, фанаты футбола, великолепные футбольные матчи и игроки высочайшего класса. Он собственными глазами увидел, как российским футболистам удалось удивить мир, а россиянам – дождаться побед.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ирина РЯБИЙ,

*кандидат филологических наук,
доцент Югорского государственного университета*

ГЕРОИ СЕРГЕЯ ЛУЦКОГО: СПОР СО ВРЕМЕНЕМ

*И ветром перемен дыша,
Не утруждай себя работой –
Твоей единственной заботой
Пустькай останется душа.*

Д. Мизгулин

Современные критики, размышляя о прозе Сергея Луцкого, многое уже успели заметить о его творческой манере. «...Книги его задевают за живое»... Он «мастерски накладывает художественный вымысел на реальную почву, а потому повести читаются почти как документалистика». «Крушение эпохи СССР Луцкий представляет без претенциозности, в бытописании обычных людей – Кирюхина, немолодого Трифоныча, Надежды Вилоровны...». «При общей эпичности его повествовательной манеры проза Луцкого глубоко лирична».

Действительно, герой Сергея Луцкого обыкновенен, он живет среди нас. С ним не происходит никаких экстраординарных или мистических событий. Луцкий вообще традиционен: для русской классической литературы всегда был важен человек, его душа, а не ловко закрученный сюжет, не хитрая интрига. Проза Луцкого не богата захватывающими событиями. Поэтому, взяв в руки его книгу, читатель, испорченный остросюжетными бестселлерами, может ее тут же отложить: мало действия, нет детективного азарта. Ведь многие рассказы и повести Сергея Луцкого построены по лирическому принципу – нанизывания и увязывания. В начале может даже показаться, что «нити торчат», но нет, оказывается, и они вплетены в общий венок. И если ружье висит на стене, то оно обязательно выстрелит. Поэтому больших отличий между «ранними» и «поздними» произведениями Луцкого нет или они незначительны. И хотя «ранние» относятся к 1980-м годам, а «поздние» к 1990-м и к 2000-м – а это совершенно различные эпохи, – герои повестей при всех их индивидуальных особенностях чем-то схожи между собой. Все они ищут для себя выход. Каждый, разумеется, плутает по-своему, но все они блудные дети на дорогах России.

Поиски смысла жизни героями Луцкого можно вписать в контекст мировой литературы, назвав их «растерянным» поколением» по аналогии с «потерянным поколением». Исторические ситуации в чем-то схожи: на глазах человека рушится мир, к которому он так привык,

черное и белое меняются местами. Ценности, о которых твердило все общество, оказывается, ничего не стоят в этом же самом обществе. Но, конечно, есть разница между «потерянным поколением» Хемингуэя и «растерянным поколением» современного писателя. Первое «потеряно» в результате глобального кризиса европейской культуры, поддавшейся ницшеанскому заявлению: «Бога нет». Второе «растеряно» в результате ряда локальных российских катаклизмов: предательства веры, царя, и как следствия этого – революции, гражданской войны, ГУЛАГА, Великой Отечественной...

В повестях Луцкого эти катаклизмы присутствуют по преимуществу вторым и третьим планом, зачастую подспудно, намеком. На первом плане катаклизмы нашего времени. Уже в семидесятые и восьмидесятые в стране не было никакой «веры» в коммунизм (помните: самый короткий анекдот – «коммунизм»), и человек, чувствуя какие-то перемены, не мог найти твердой почвы. Но вот наступила эра свободы, которую так жаждали советские граждане, казалось, счастье должно свалиться всем на головы, но реальность оказалась не такой, как себе представляли. И бродя среди обломков рухнувшего мира, русский человек никак не может отыскать свои несохранившиеся драгоценности. Так, в повести «Затмение» Валентин Семёнович Кирюхин, заведующий отделом КБ, кандидат наук, постоянно испытывает чувство неполноценности. Работа и связанный с ней статус, обеспечивающий в советское время финансовую стабильность и почет, в новых условиях не может его элементарно прокормить. Поколение в буквальном смысле растерялось, многие оказались не готовыми к жизненным испытаниям, растратились и канули, так ничего не поняв: за что?

Только ли о 1990-х годах идет речь? Если посмотреть на все повести Луцкого, представленные в книге избранной прозы («Затмение», «Снохач Бусыгин», «Варианты Надежды Вилоровны», «Страсти по Василию», «Будни, или Сразу после армии», «Игорь Турчин»), а также недавно напечатанную в журнале «Урал» новую повесть «Портрет на фоне 90-х» – все они независимо от того, в какое время были написаны и о каких годах рассказывают, прежде рассказывают о выборе человека, оказавшегося на жизненном распутье. Кстати, книга Сергея Луцкого «Ускользящее время», вышедшая в 2005 году, включила несколько повестей и рассказов более чем за два десятилетия (1980-2004 годы). Ее содержание дает основание считать, что мы имеем дело с современной вариацией архетипа «блудный сын», хорошо известного по классической литературе.

1990-е годы только усиливают конфликт между человеком и временем. Поэтому главным героем Луцкого является человек, стремящийся понять и догнать ускользящее время. В его повестях постоянно сталкиваются стереотипы, приобретенные в книгах или навязанные социумом, с реальным положением вещей, их разрушающими, с одной стороны, а с другой – с незыблемыми истинами. И герои повестей

зачастую оказываются между ними, как между молотом и наковальней.

Игорь из повести «Игорь Турчин», старшекурсник техникума, прошедший службу в армии, штангист, кандидат в мастера спорта, которому ничего в жизни не дается легко: и учеба (были проблемы с математикой), и существование (надежда только на самого себя, потому работа в кочегарке), и спорт (строгий режим и тренировки). Но Игорь не унывает: еще немного – и он станет мастером спорта. Цель поставлена, и дорога к ней пряма. Кажется, все просто и ясно. Но вот появляется новичок Муляр, которому штанга дается без всяких усилий. Муляр не знает, что такое дисциплина, спортивный режим: курит, выпивает и вообще торгует своими способностями.

В душе главного героя возникают недобрые чувства – ситуация напоминает нам классическую: Моцарт и Сальери, тем более что автор сам намекает читателю на нее в эпизоде с Эдуардом, сменщиком Игоря в кочегарке. Это когда Игорь слышит тираду по поводу только что прочитанной пушкинской трагедии: «...Оказывается, опасно сильно любить, да!.. Опасно до конца быть преданным дорогому для тебя делу. Цельность и безоглядность опасны! При известной, конечно, доле самолюбия и твердости характера. Оказывается, чрезмерная любовь делает человека ревнивым к любому другому, кто занимается таким же делом. И не дай бог, если этот другой делает твое дело лучше, чем ты! К тому же не прилагая особых усилий. Так, походя. Оскорбительно, можно сказать! Богохульственно! Справедливости нет, мир рассыпается на части, жить незачем – хаос!.. Ты стараешься, из кожи лезешь, по-человечески не живешь, а он, гуляка праздный, легко, свободно...». Высказав мысли Сальери, Эдуард, кажется, попадает в самую точку: Игорь предан штанге, целеустремлен, и вдруг его планы и вместе с ними его мир рушатся, потому что «работают» какие-то другие законы. Но Игорь не Сальери, он не собирается убивать противника, тем более, что тот не просто, с его точки зрения, разгильдяй, но и ничтожество, что подтверждается фактами: Муляр – нечист на руку. Да и прочтение Эдуардом пушкинского Моцарта вызывает сомнение. Может ли быть «богохульственным» то, что противник Игоря не достоин своего дара? Скорее, богохульствует Сальери, считая, что «правды нет и выше».

В повести гораздо важнее другая оппозиция: цель и смысл.

К Турчину приезжает Вакалюк за советом как к старшему сержанту, под началом которого он когда-то служил. Он не знает, что делать, как ему жить дальше. Для Игоря такие вопросы звучат странно:

«... Я пошел учиться. Трудно было, а я смог. И ты сможешь, если человек. Или думаешь, все уже знаешь? Дошел до предела?»

– Не думаю. – Вакалюк усмехнулся и опустил голову. – Ну, ладно, получу я шестой разряд. Даже институт закончу. Дальше что? Лучше мне от этого будет? Счастливым стану?»

– Ты получи сначала! Ты закончи! Говорить потом будем. Трепать-ся просто!.. Видеть не могу людей, которые свою лень оправдывают, философию на мелком месте разводят. Работать надо! Стремиться!.. Ты человек, воля у тебя есть или нет?»

Так происходит подмена смысла жизни целью. Для Турчина, который почти не ведает, что существуют относительные истины, само стремление к чему-либо и есть смысл жизни, но для большинства его сверстников этого самого стремления к цели просто не существует. Придя из армии, по словам сослуживца, многие или женятся, или пьют. Правда, и для Турчина стереотипы, вроде нужно стремиться стать кем-то, начинают ломаться: девушка, которая ему нравилась, торгует собою, честный учитель математики остается без жилья... Но герой пытается себя убедить, что можно добиться цели, не вступая в сделку со своей совестью. А мир стоит на незыблемых основах.

Почти те же вопросы возникают перед героем повести «Будни, или «Сразу после армии». Андрей, ровесник Турчина, только что вернулся из армии. Поначалу его пьянит свобода: ему кажется, что у него неисчислимое количество возможностей: «...езжай куда хочешь, хоть на БАМ, хоть севера покорять...» (с. 203). Но он не торопится выбирать, он наслаждается этим состоянием: «Он теперь хозяин жизни, а жизнь – она проста и понятна, как камешек на ладони...». И поначалу все так и было – просто потому, что жизнь после армии казалась щедрым подарком. Но как только Андрей огляделся вокруг, все оказалось не таким уж простым. На работе им пытается командовать жена бывшего прапорщика Людмила, а начальство вместо того, чтобы ее приструнить, старается замать конфликт. Николай Кузьмич, его сменщик, которого он уважал за военное прошлое, оказывается, служил всего-навсего начфином; а смазливая, казавшаяся доступной, Анюта оказалась не такой. Нина Голосуева, соседка его крестной, бросила Петю Чаева – знаменитого футболиста, как только тот запил и его выгнали из команды...

Цепь разочарований в людях, в жизни на гражданке вызвали в Андрее тоску. «И все больше он недоумевал: неужели никто из этих людей не понимает, какая скучная у них жизнь? Какая безысходная и душная?.. Где яркость и необыкновенность?» (с. 265) Вообще за два года, пока он служил, многое изменилось: те, кого Андрей презирал, смогли «выбиться в люди» (Наташа и Вовка Губенковы), новая молодежь даже веселится теперь иначе: никаких застолий с тостами, а фуршет и танцы. Героем нового времени является Дима – заместитель главного инженера на их заводе, он же жених Нины Голосуевой. Ничего плохого о нем не скажешь, человек он достойный: и образован хорошо, и специалист прекрасный, и на работе горит, по что-то в нем не так, с точки зрения Андрея, слишком уж он правильный и обыкновенный. Его армейские мечты, столкнувшись с обыденностью, разбились, но он все равно не хочет приспособливаться к этим новым обстоятельствам.

В разговоре с Голосуевой он все время вспоминает о детских идеалах, которые теперь забыты и, как Андрей считает, преданы ею. С точки зрения Нины, Андрей задержался в развитии, не хочет взрослеть, не даром в детстве его прозвали «Чадо». Нина пытается ему объяснить: «В жизни нет ничего постоянно хорошего или постоянно плохого» (с.283). Но как мораль примирить с этой диалектикой? «А как насчет порядочности и честности?» – спрашивает Андрей. Он поражен тем, что Нина относится к людям, как к вещам: «Отслужил свое – выбрасывает! Или в комиссионку – может, и подберет кто похуже...» (с.280). Но сам Андрей, отрицающий чужой прагматизм и безнравственность, наивно полагает, что жизнь дана человеку только на радость: «Почему смиряться надо? Почему мучиться?.. Разве люди живут, чтобы страдать? Зачем такая жизнь?» (с.280). В поисках этой другой жизни он решает уехать на Север, не думая о том, что ответственен за Валю, с которой случайно завел роман, и за их будущего ребенка.

В этой повести стереотипы, ломаясь, ломают и главного героя.

Значит ли это, что действительно нет абсолютных истин, или герои слишком наивны, беспомощны, заиклены на прошлом, которое – «только выдумка»?

Василий из повести «Страсти по Василию», прибывший из заключения в родную станицу Солончаковскую (он отбывал наказание за то, что во время оккупации служил полицаем), гордый и сильный человек. Его внутренняя сила привлекает Аллу, женщину с непростой судьбой, которая ради него дает отставку выгодным любовникам. Василий на зубок выучил правила игры в футбол, который к тому времени завоевал сердца его земляков. В этих правилах он видит отсвет справедливости, которая должна быть главным в мире. Однако первая же игра между своими и чужой командой, к которой допустили его в качестве судьи, обнажила давний конфликт между ним и станичниками. Честность и принципиальность Василия как судьи были восприняты своими однозначно: предатель, «полицай»! В итоге героя «ссылают» работать кладбищенским сторожем. Но эта непрестижная работа дает ему возможность установить последнюю справедливость, с которой солидарен его приятель Миша-безногий:

– Возле акаций место дал?

– Ну.

– Хорошее место – песок, сухо!.. А кому возле болота дашь? Кто сгниет в момент и косточки от него не останутся, га?

Но жизнь Василию не дает вершить «правосудия», он сам гниет заживо, так как заболел в лагере проказой. Когда диагноз становится известным Алле, та его отталкивает, и Василий вообще исчезает из станины. И здесь, в этой далекой станице, время крушит своих героев, и здесь бушуют страсти, сталкиваются идеальное представление о жизни и то, какая она на самом деле. Василий презирает земляков, которые только и умеют, что подчиняться обстоятельствам и долбить в

местном карьере камень, зарабатывая силикоз. Для него они – было, но и современная молодежь («стиляги», которых почему-то ненавидят в станице), – то же было, так как он понимает только силу (эпизод с покупкой велосипеда). Давняя обида точит Василю и руководит им. Он пытался «встать» над станичниками, быть их праведным судьей, заодно осудить время и овладеть им, но этого не дано никому.

Беспощадно время и к героям повести «Затмение». Из одних оно вылепило хищников, из других – жертвы, поскольку те не смогли расстаться с традиционными представлениями о чести и совести, которые уже «не работают» в новом мире. И вот из уверенного в себе, успешного человека, Кирюхин превратился в «маленького человечка», зависимого от продавщицы в поселковом магазине, где продают дешевое молоко, от Гены Ратникова, бывшего коллеги, теперь коммерсанта средней руки, от бригады, решающей давать или не давать высокий коэффициент за работу. И пусть Кирюхин еще способен принимать разумные решения (например, отправить сына подальше от бандитских разборок), но он не знает, что делать самому. Герой понимает, стать хищником или приспособиться он не сможет – не дано, как не дали его сыну, решившему заняться бизнесом, как не дали жить привычной жизнью его другу Юре. Но и жертвой становится Кирюхину тоже не хочется. Оправляясь в больницу к сыну в поздний час, он прихватывает с собою газовый пистолет: «Кирюхину хочется, чтобы на него сейчас напали, уж тогда бы выместил все, что накопилось. Пистолет не понадобится, он будет рвать зубами, грызть глотки...».

Неужели правы те, кто считает, что в экстремальных условиях человек превращается в животное и весь тонкий культурный слой рушится под воздействием инстинктов? Критикой уже было подмечено, что в поведении героя «доминируют рефлексы – сексуальный (попутные мысли на протяжении повести крутятся вокруг секса, который стал для героя невозможным), самосохранения (страх безработицы, страх лишения крова, еды, страх за жизнь сына, попавшего в неприятность, угрожающую жизни). Под давлением стрессовых обстоятельств Кирюхин почти без сопротивления превращается из человека разумного в человека-животное...». Это значит, что те ценности, с позиции которых Кирюхин судит новое время, не укоренились в нем самом. К себе самому у него претензий нет: соблазнение жены друга он не считает преступлением. Отсюда название повести: «Затмение», а не «Землетрясение», скажем. Хотя землетрясение, тектонические сдвиги, являются лейтмотивом в повести и образом-символом. Старая почва уходила прямо из-под ног, нужно было спасаться. Но спастись можно только при условии неукоснительного следования вечным истинам – их-то как раз затмили проснувшиеся инстинкты.

В повести «Снохач Бусыгин» также властвуют инстинкты и также ее главный герой Трифоныч не знает, куда себя деть и что делать. Хотя он не то, что Кирюхин, у него есть работа, Трифоныча вполне ус-

граивающая. Неудачна женитьба на женщине, которая вышла за него только потому, что деваться было некуда, и потому жизнь Трифоныча проходила без любви и взаимопонимания. От пустого брака родился и сын Олег – пустой человек. В отличие от отца, трудом добившегося благополучия, Олег мечтает разбогатеть быстро: «С тем, что сын удался в жену и толку с него не будет, он давно смирился. Но ведь должны же когда-нибудь сказаться и его гены! Разве можно, чтобы на нем, Трифоныче, все закончилось? Он не сам по себе, за ним отец, дед и бог знает сколько еще поколений работящих и рассудительных мужиков...». Герой повести не одобряет вкусы нового поколения, ленивого, бездумного, доверчиво смотрящего на жизнь иностранцев. Его раздражают все эти компьютеры, томагочи: «... в этом новом времени главное не то, что он привык считать важным, а мелкое и ничтожное, над чем можно было и посмеяться, если бы все не так неотвратно и горько» (с.92). Но больше всего героя тревожит мысль о том, что на нем заканчивается работящий, правильный род Бусыгиных. Не потому ли в его голове засела странная мысль жениться на своей невестке. Он делает ей предложение, а несколько позже «подняв на ноги, прижал к себе, обнял и стал шептать, что она хорошая женщина, таких сейчас мало. Ее надо ценить и любить, что дети от нее должны быть хорошие, в мать, и муж должен быть хороший, а не баламут Олежка...».

Но по такому же рациональному принципу он сам на звероферме отправляет «под колотушку» лисов, которые перестали быть хорошими производителями; он собирается убить корову, которая не приносит телят. Параллель с животным миром в повести очевидна. Когда Трифоныч наблюдает за чернобурками, то удивляется: «...что за сила такая, что лишает покоя, заставляет кричать, жаловаться, метаться в страдании по клетке? Жили лисы спокойно, ели корм, растили свой мех, а тут будто будильник какой в них сработал. Звучит-то просто, инстинкт, но кто его во все живое вложил? А главное, для чего, для какой такой цели из поколения в поколение орут и мечутся эти существа? Чтобы в декабре их приплод получил колотушкой по башке... Трифоныч чувствовал враждебность к бессмысленному инстинкту чернобурок. У всего должна быть цель, а здесь ее нет».

Но ведь человек эту цель сделал бессмысленной для собственного обогащения. Какая же цель у Бусыгина? Продолжить род с женой своего сына? Сама по себе эта цель говорит о непременном вырождении этого рода, как и вообще человеческого. Работник Трифоныча, психованный Андрей, содержит корову Комолу, не потому ли она не приносит приплода? К Трифонычу совершенно откровенно набивается в любовницы недалекая Валентина. Женщина в годах, она сожалеет о том, что слишком рано родилась, а то можно было бы пойти на панель: «Проститутки хорошо зарабатывают и удовольствие получают, по телевизору рассказывали...» Этот самый телевизор в доме Бу-

сыгина работник Андрей повесил по-американски под потолок, где, по замечанию героя, иконы раньше висели.

Таким образом, дело все не в конфликте нового и старого, нет, в повести показано, как из ошибок прошлого: репрессий, войны против своих сограждан крестьян, рождаются еще более непростительные ошибки в настоящем, угрожающие полной деградацией нации. Недаром после того, как свекор пытался приласкать невестку, а затем с сыном они едва не поубивали друг друга, Трифонычу явились его умершие отец и дед: «Сегодня ты бабе показал свою силу... На работу теперь только и способный. Там за этим внимательно следят. – И дедушка Петр неопределенно машет рукой куда-то в сторону». Упоминание о работе здесь следует понимать, как проявление того же инстинкта самосохранения, которому следовали когда-то его дед и отец, когда их семья сеяла овес втайне от советской власти (с.79). Но смысл человеческого существования не только в продолжении рода и работе – об этом напомним ему дед Петр.

В новой повести «Портрет на фоне 90-х», опубликованной в толстом литературно-художественном журнале «Урал» и в Эринтуре за 2007 год, предстает еще один заблудший, жаждущий правды и не находящий ее нигде герой. Повесть построена таким образом, что недавнее прошлое Олега Шляхтина (попытка встать на защиту Блого дома) и настоящее (жизнь в селе Прилепино и борьба с местной властью) изображаются параллельно, заключая в себе свой конфликт.

У главного героя личная жизнь не удалась. С первой любовью Властой, которую он встретил во время службы в чешском городе Клатови, его разлучила дурацкая игра в тайное общество, организатором которой Олег Шляхтин был. Из-за этой-то игры его перевели в часть, находящуюся в Советском Союзе.

Невозможность вернуть любовь, неумение бороться за нее повлекли за собой новую ошибку – женитьбу на нелюбимой, чужой по духу женщине. Лена, его жена, оказалась инициативным и рациональным человеком, цель ее – состоятельная жизнь. Сначала она открывает собственное кафе, затем, став бизнес-леди, выходит замуж за совладельца коммерческого банка и большую часть времени с Павлушей, сыном Олега, проводит за границей. Может быть, этого всего и не случилось, если бы они жили в другое время. Но чужой, враждебный ветер перемен ворвался в их жизнь и все разрушил. Это он заставлял людей ради денег рвать друг другу глотки, забывать о вещах очевидных и святых. Не пощадил он даже Олегава деда Казимира, в прошлом участника войны, морского летчика. Когда тот возвращался из Москвы с празднования 9 Мая, с него хулиганы стали срывать ордена: «Если бы немцы победили, мы бы жили хорошо!» Этот ветер толкнул жену Лену «крутиться», это по его вине был закрыт завод, на котором Олег спокойно трудился. Этот ветер даже имел имя: Ельцин. И когда началась заваруха в Москве. Олег с другом Генкой Родимцевым от-

правились защищать опальный Верховный Совет, отстаивать правду. А закончилось все смертью Генки и побегом Олега из Москвы в Сибирь.

От возможных репрессий он скрывается в глухом сибирском селе Приленино, до которого можно добраться только по зимнику, а летом – водным путем. Там его приютил и помог устроиться на работу Эдика Коковихин, товарищ, с которым он служил в одной части. Но и на новом месте Олег не может просто жить спокойно, ему хочется, чтобы люди поняли, как важно изменить этот мир. Верно, потому он и становится внештатным корреспондентом, что заставляет прилепинцев относиться к нему с особым вниманием. Глава администрации Приленино пытается изменить направление публикаций Олега: «Люди только претензии привыкли предъявлять, никак после перестройки остановиться не могут. А хорошего не замечают».

Конфликт в Приленино начинается с бытовой ссоры, но, разрастаясь, приобретает социально-психологический характер. Беременная жена Эдика Оксана возмутилась, когда заведующая клубом Сухих, отмечая свой день рождения, без очереди полезла брать ящик водки. Ссора захватила их мужей: вечно пьяный Витька Сухих из двустволки ранил Эдика. У Оксаны от переживаний случился выкидыш. Коковихин подал заявление в суд, и тут же глава администрации Сухих (полдеревни состояла из рода Сухих) привез к их дому доски, чтобы перестелить прогнивший пол, – мол, давно просили, вот дошла очередь.

Олег сразу стал поддерживать борьбу Эдика, отправил статью в город о случившемся. Однако плетью обуха не перешибешь: администрация начала давить на Коковихиных с разных сторон. Муж сестры Коковихина, Геннадий, работающий водителем вахты, получил распоряжение от начальства «принять ассенизаторскую машину». Не пережив такого унижения, он вскрыл себе вены. Теперь уже сестра Эйки Галина стала оценивать ссору иначе: «Все эта дура Оксана!.. Не надо было выступать в магазине... Знать должна, с кем можно связываться, с кем нет!» Но Олегу хотелось, чтобы всегда торжествовала только справедливость: не важно, какое место занимает обидчик, а какое обиженный – закон должен быть для всех одинаков: «Одни, значит, не имеют права тебя за волосы таскать, другие – пожалуйста?» Он не одобряет Эдку, который быстро сдается, расценивает это как предательство. А ведь в армии Коковихин, будучи «духом», обратил на себя внимание своим неординарным поступком: «забрался вечером в хлебрезку, набрал сахара, масла, белого хлеба и все это принес в казарму» только для того, чтобы побудить полковое пачальство сменить замок, пусть даже ценой собственного наказания.

Деревенский инцидент проливает свет на позицию Шляхтина, по сути, не солидарного ни с одной политической группировкой. Его выступление против Ельцина еще не говорит о том, что он за комму-

нистов. В беседах с Виктором Дарьиным, заместителем главного редактора той газеты, куда Олег посылал свои материалы, эта позиция проясняется еще лучше. Для государственника Дарьина наказание директора школы за то, что тот с пионерами захоронил не те останки (немецких солдат), нормально. Для известного художника, уезжающего за границу, и для Олега – нет: «Дико живем. С человеком у нас никогда не считались и не уважали. Ни при царе, ни при коммунистах, ни сейчас. Это нормально, что через столько лет не все солдаты похоронены?..» Шляхтин не согласен, что русский народ – особенный, что «расслабуха не для нас, сойдем с мировой арены, такая у нас судьба, такой менталитет!..». Олег думает иначе: «Ради какой такой цели жертвовать всем? Чтобы весь мир Россию боялся? Зачем это простым людям? Тем более что и это проходит. Боялись Рим, боялись Египет – что от них осталось? Надо жить теперь, сейчас, как все живут, как должны жить. Как в Европе, как в тех же Штатах. Мы что, второй сорт? Унтерменшны? Почему власть не может с уважением относиться к народу, а обязательно давит, унижает, обирает? Будто завоевали страну и делают, что хотят. Придумали себе великую цель, то третий Рим, то коммунизм во всем мире и этим свой сволочизм оправдывают...». Ответа на свой вопрос Олег в Приленино не получает. Его воспринимают здесь как чужака, как разрушителя чужой жизни. И улетает он не домой в Чифилевск, а в Абхазию, в которой народ не мирится с неправдой. Финал в повести открыт, герой находится в поисках истины и самого себя.

Прошлое и настоящее переплетены и в повести «Варианты Надежды Вилоровны». Как и в других повестях Луцкого, в ней взаимодействуют сразу несколько сюжетных мотивов: мотив выбора спутника жизни и личного счастья, мотив блуждания в семейных тайнах, мотив повторяемости заблуждений дедов и внуков. И конфликт в этой повести такой же, как и в остальных: борьба существовавшего и нового. Общество разделилось на сочувствующих разным политическим группировкам: коммунистам, демократам, либералам. Время представило как бы в разных масках, соответствующих героям повести. Вот противник демократов, патриот Сироткин, сотрудник журнала «Химия и природа». А вот – яростная демократка Ярошенко, главный редактор этого же журнала, получившая за свои статьи награду Европейской экологической гильдии. Рядом с нею ее заместитель, серый кардинал Родневских. Все считают, что она тоже разделяет демократические взгляды начальницы и ее ближайшего окружения, но на деле все оказывается не так. Поняв, что происходит в стране, Родневских реализует «демократические» принципы – грабит доверчивых сослуживцев и клиентов.

Главная героиня повести Надежда Вилоровна поначалу тоже убежденная демократка. Не ясна только позиция ее «последнего варианта» – мужчины, подающего слабые надежды на будущее. Героиня про

себя окрестила его «мерзавцем». «Поначалу он смахивает на уголовника. Крепкое лицо, короткий нос, тонкая, будто волосы только-только отрасли, стрижка... Надежда в легкой панике, она не понимает, кто он на самом деле. А он будто специально сегодня себя называет консультантом пиаровской фирмы, завтра – тренером по кикбоксингу, послезавтра – театральным художником. Не считая того, что в Домжуре представился ей как специальный корреспондент стокгольмского еженедельника. Даже сколько ему лет, Надежда толком не знает». Зато позже она узнает, что он занимается еще и рэкетом.

С Мерзавцем Надежда стала встречаться, потому что у нее не было вариантов, потому что он привлекал ее своей необычностью, некоторой таинственностью. Хотя одновременно зыбкость отношений ее раздражала и унижала. Было в Мерзавце нечто демоническое. Ведь именно он навел ее на мысль о том, что она подкидыш, то есть человек, свободный от исторических корней, а потому не несет ответственности за сегодняшнюю сумятицу. Это он внушил мысль, что между нею и ее подругой Лилей существуют подсознательная лесбийская связь – мысль, которая чуть не разрушила их дружбу.

Мерзавец – само воплощение времени: манит, по ничего не дает; искушает, нашенгивает скабрёзности, над всем потешается. Надежда постоянно его с кем-то путает, она видит его почти в каждом прохожем – настолько Мерзавец типичен и многолик. Не даром герой не имеет собственного имени. Он – демон. Время, которое пытается сбить с дороги, запутать человека, стремящегося к правде и справедливости. Но где они, правда и справедливость? В этой жизни все так перемешано. Сама Надежда, приветствующая демократические преобразования в стране, носит непривычное отчество Вилоровна, потому что ее дедушка был большевиком и сыну дал имя в честь Владимира Ильича Ленина. Первая часть имени Вилор – это аббревиатура фамилии, имени, отчества «организатора революции». Наивность демократических воззрений Надежды подчеркивается ее неоспоримым сходством (внешним и внутренним) с дедушкой Степаном Мефодиевичем, который в молодости ни с того, ни с сего бросил нормальную жизнь, стал картузником по профессии, кроить околышки и подкладки, ходить по воскресеньям в трактир, осознав, что все не так. Он решил, что «мир устроен несправедливо, люди должны друг друга любить, а не подавлять и не издеваться. Ради этой мечты идет на разлуку с невестой курсисткой, живет в полудикой деревне...».

Но и демократические преобразования начались в стране тоже из недовольства жизнью. Хотя Мерзавец иронизировал над этим «вдруг»: «Вашу ностальгию, Наден, по поводу безвозвратно канувших в прошлое библиотечных дней со сном до обеда, полубогемной обстановкой в конторе и либерального начальства периода стагнирующего социализма. Ах, как я вас понимаю. как понимаю! Ведь скучно в сытом стойле, не так ли?... Понимаем-с, ветер перемен. Точнее, зуд

оних. В поле вольное, на зелену траву потянуло. А есть ли поле? А есть ли зелена трава? Мираж один, фата-моргана. И, прошу заметить, всегда в чьих-то интересах. Наживка-с...». И Октябрьская революция, и перестройка при всех их различиях принесли возможность свободно одним решать свои проблемы за счет других.

К концу повести Надежда что-то начинает понимать. Она видит, что мелькание масок времени может завести ее в тупик, как и дедушку Степана Мефодиевича. Вожди произносят красивые слова, за которыми прячется только корысть. И что наивные чистые люди, увлекаясь прекраснотушными идеями, становятся очередной жертвой политических интриганов. Политические группировки – не больше чем игра в варианты, которые, по большому счету, невозможны, потому что есть что-то большее, что называется судьбой. К счастью, Надежда смогла остановиться и услышать голос судьбы, приняв участие в судьбе Алены, девочки, оставшейся без близких.

Время бежит, бесконечно изменяя облик мира, и человек не может угнаться за ним. Он едва успевает привыкнуть и что-то понять, как уже нужно принимать новые условия жизни. А может, вообще не стоит бежать за временем, но думать и жить для вечности?..

Однако герои Луцкого – люди беспокойные и страстные. При всей своей обычности они не только где-то служат, за что-то борются, кого-то любят, они еще и думают, пытаются понять, зачем они живут, в чем смысл существования. В своих поисках они ошибаются, сбиваются с пути и часто начинают винить главных своих врагов – обстоятельства, власть, то есть персонифицированное время. произнося ему приговор. Многие герои Луцкого даже пытаются встать над ним, овладеть им.

Так, время в прозе Луцкого выступает не только в роли социально-исторического фона, но является и субъективной моделью мира, отражает и внутреннюю жизнь героев и драматические коллизии общественной жизни. Писателю удается создать текучий образ времени, во многом враждебный человеку.

Время в повестях Луцкого становится лейтмотивом, своеобразной философемой, которая реализуется в близких ей мотивах и сюжетных ходах. Но не сами события больше всего волнуют его героев, а бытие. Отсюда и эпичность прозы Луцкого. Но в отличие от своих героев автор спокоен. У него нет абсолютно правых и абсолютно виноватых. Как в жизни, у каждого своя правда.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

Надежда КАРГАПОЛОВА

ДЕКОРАТИВНО – ПРИКЛАДНОЕ ИСКУССТВО ЮГРЫ

В этот раз на страницах альманаха мы представляем декоративно-прикладное искусство Югры.

Деятельность декоративно-прикладного отделения Детской школы искусств №2 г. Нижневартовска по своему уникальна, поскольку она осуществляется сразу по двум направлениям: преподавательской и творческой. Это педагогический класс и художественная мастерская одновременно. Здесь работают молодые преподаватели и мастера: Евгения Юрьевна Потемкина, Екатерина Александровна Сидорова, Надежда Викторовна Андреева, Жанна Ринатовна Исламгулова. Возглавляет отделение известный в городе художник, график и керамист Николай Гаврилович Курач. Энтузиазм, организаторские способности, любовь к своему делу, искренняя увлеченность – вот те качества, которые помогают Николаю Гавриловичу в работе.

Его многолетний и неподдельный интерес к традиционному жизненному укладу, искусству коренных народов Югры сказался на том, что региональная тематика стала основной в работе отделения. За последние годы сложилась узнаваемая творческая манера, которая в той или иной степени присуща всем участникам коллектива. Ее оригинальность заключается в найденном балансе сочетания принципов традиционной реалистической трактовки формы приемами стилизации, включением мотивов национальной орнаментики народов Севера. Данная манера стала свойственна как профессиональным мастерам-наставникам, так и их подопечным. Материалы, из которых создают свои произведения мастера – глина, кожа, пряжа, краски, ткань и мех.

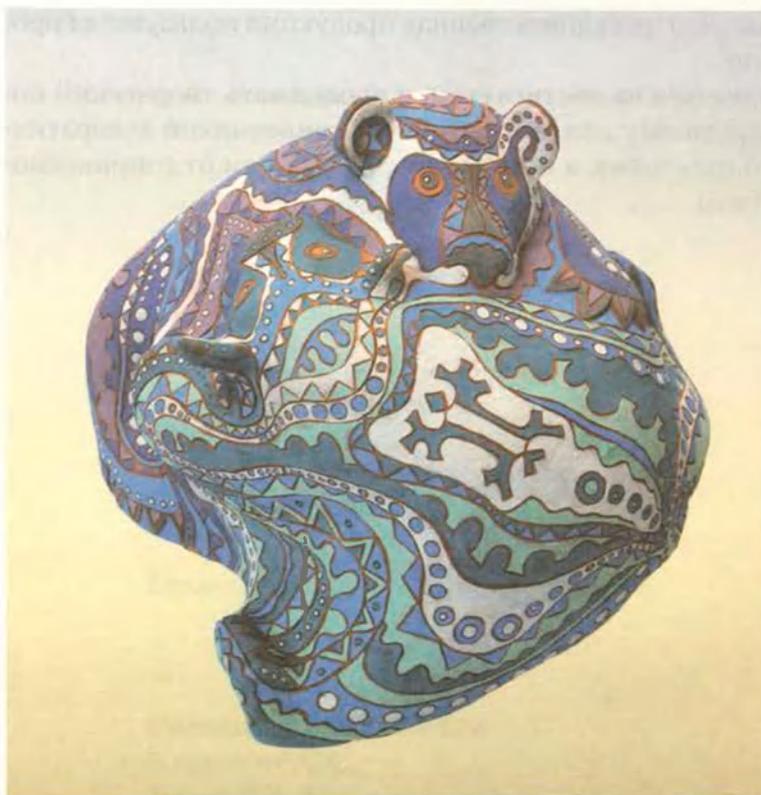
Керамика – основное направление декоративно-прикладного отделения. И именно здесь ярче всего раскрывается своеобразная манера «курачевцев». Герои глиняной пластики – человек и обитатели лесов, озер и рек сибирского края: олень, белка, заяц, сова, глухарь, гагара, утка. Активную роль играет цвет.

Творчество мастеров-педагогов и учащихся отделения хорошо известно в городе и за его пределами. За плечами прикладников неоднократное участие в городских, региональных, всероссийских конкурсах, получение премий, почетных грамот и наград.

Неизменной популярностью пользуется сувенирная продукция «курачевцев», ее дарят гостям нашего города и района, увозят за границу. Однако высшим признанием своего творчества сами мастера

считают тот факт, что их художественная продукция пользуется спросом у аборигенов.

Не останавливаться на достигнутом, и продолжать творческий поиск пожелаем дружному коллективу единомышленников декоративно-прикладного отделения, а его учащимся – радости от соприкосновения с искусством.

Озорники
17x25x24
2006 г.

Вожак
28x42x17
2006 г.

Радость
материнства
23x27x19
2006 г.

Малыш родился
18x28x16
2006 г.

С ветерком
80x80
2007 г.

Стойбище (2)
100x100
2006 г.

Утро нового дня
90x70
2007 г.

Весна
70x50
2007 г.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВЕСТИ

События года: июнь 2007 – июнь 2008

- Литературное объединение «Замысел» проводит заседания два раза в месяц в центральной библиотеке г. Нижневартовска.
- Открытие итоговой выставки фольклорной мастерской хантыйского ансамбля «Тор-Най» Центра национальных культур.
- Участие членов литературного объединения «Замысел» в работе жюри традиционного конкурса акции «Русская весна».
- Литературная встреча с членом Союза писателей России, главным редактором журнала «Наш Современник» С. Куняевым.
- Альбина Кузьмина удостоена звания «Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа – Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера».
- Сотрудничество литераторов «Замысла» с альманахом «НЛО» г. Новомосковска Тульской области.
- Работа в жюри регионального фестиваля «Россыпи Югры» Нижневартовского района.
- Выпуск литературной страницы «Иван-чай» при газете «Местное время».
- Изданы сборники стихов В. Акимова «Верую» – 2007г., «Дорогой памяти» – 2008г.
- Публикации произведений членов литературного объединения «Замысел» в журнале писателей России «Наш Современник».
- Выступление литераторов в празднике «Музыкальный калейдоскоп «Пушкинские фантазии» на площади Дворца Искусств г. Нижневартовска.
- Юбилейный вечер члена Союза писателей России Альбины Кузьминой в Центре национальных культур.
- Юбилейный вечер члена Союза писателей России, Почетного гражданина города Маргариты Анисимковой во Дворце культуры «Октябрь».
- Публикации стихов членов литературного объединения «Замысел» в сборнике прозы и поэзии «Под Северным небом», посвященном 80-летию юбилею Нижневартовского района.

- Николай Курач удостоен гранта Губернатора в области изобразительного искусства за проект 2008 года «Песнь оленю».
- МОУДОД ДШИ-2 вручена премия «Событие» за выставку декоративно-прикладного искусства «Сказочная Югра».
- Литературная встреча «Моя деревянная Русь», посвященная Дню славянской письменности и культуры членов ЛИТО «Замысел» с работниками Дома-музея русского быта и учащимися медицинского колледжа.
- Выход в свет нового литературно-художественного альманаха «Зори Самотлора» №7.

257-14

ЗОРИ САМОТЛОРА №7

ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Подписано в печать 28.07.2008 г.
Формат 42x62/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Усл. печ. 9,12.
Тираж 350 экз.

Материалы от авторов принимаются в компьютерном наборе с приложением файла на дискете и экземпляра распечатки. Рукописи не возвращаются. Мнения авторов публикаций могут не совпадать с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылки на альманах обязательны.

Фото и дизайн Альберта Вахитова.

Корректор Тельнова Е.
Верстка Широкова Е.

Отпечатано ЗАО «Редакция газеты «Нефтяник».
Тюменская обл., ХМАО-Югра
628606, г. Нижневартовск, пр. Победы, 16.

